

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

На правах рукописи

КАРДАНОВА-БИРЮКОВА Ксения Суфьяновна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЕЧЕВОГО СОБЫТИЯ:
СТРУКТУРНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени доктора филологических наук

Научный консультант:
Пищальникова Вера Анатольевна,
доктор филологических наук,
профессор

Москва 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
 ГЛАВА 1. КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ	 19
1.1. Феноменологическая сложность коммуникации, параметры коммуникации	23
1.2. Принципы конструирования научного объекта инструментами точных и гуманитарных наук	38
1.2.1. Принципы построения механистических моделей коммуникации	42
1.2.2. Моделирование коммуникации в философии	47
1.2.3. Моделирование коммуникации в социологии	59
1.2.4. Моделирование коммуникации в психологии	61
1.2.5. Общие принципы построения моделей коммуникации в лингвистической науке (социолингвистический, психолингвистический, лингвистический подходы)	66
Выводы по ГЛАВЕ 1	74
 ГЛАВА 2. АУТОПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ	 79
2.1. Перспективы научного осмысления коммуникации	80
2.1.1. Нетрадиционные исследования коммуникации	80
2.1.2. Континуальность как сущностное свойство коммуникации....	85
2.2. Теория систем в осмыслении континуальных явлений	90
2.3. Теория аутопоэза: ключевые категории и постулаты	94
2.4. Теория аутопоэза как методологическая основа научных	

исследований.....	101
2.4.1. Применение теории аутопоэза при моделировании самоорганизующихся компьютерных сетей	102
2.4.2. Аутопоэтическая теория как методологическая база исследований в области кибернетики и робототехники.....	108
2.4.3. Применение теории аутопоэза в медицине и физиологии	112
2.4.4. Аутопоэз как методологическая основа социологических исследований	116
2.5. Методологическая обработка понятий теории аутопоэза для исследования психолингвистического объекта	119
Выводы по ГЛАВЕ 2	127

ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ РЕАЛИЗАЦИИ АДАПТАЦИОННЫХ СВОЙСТВ УЧАСТНИКАМИ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

3.1. Верифицируемые гипотезы	132
3.2. Описание эксперимента	141
3.2.1. Экспериментальная выборка	141
3.2.2. Экспериментальный материал.....	142
3.2.3. Порядок проведения эксперимента	143
3.2.4. Зависимые переменные и независимые переменные	146
3.3. Результаты эксперимента	148
3.3.1. <u>Обработка результатов первого этапа эксперимента:</u> оценка релевантности средовых факторов для коммуникантов, обладающих одностипными / различными социо-когнитивными характеристиками	148
3.3.2. <u>Обработка результатов второго этапа эксперимента:</u> реакция на возникновение диссонанса со средой (возникновение раздражителя)	178
3.3.3. <u>Обработка результатов третьей этапа эксперимента:</u>	

<i>реакция на возникновение диссонанса со средой (вербальные факторы).....</i>	<i>203</i>
3.4. Особенности рекурсивного взаимодействия при диалогическом общении на иностранном языке (на основе экспериментальных данных)	246
Выводы по ГЛАВЕ 3	254
 ГЛАВА 4. МОДЕЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ.....	
4.1. Общий алгоритм анализа речевого события	259
4.2. Анализ динамики коммуникативного взаимодействия участников политических дебатов	262
4.3. Анализ динамики коммуникативного взаимодействия участников интернет-общения	272
4.4. Анализ динамики коммуникативного взаимодействия участников академического общения	287
4.5. Анализ динамики развития медиасобытия (на основе анализа цикла статей)	295
Выводы по ГЛАВЕ 4	302
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	305
 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	310
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	336
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	338
 ПРИЛОЖЕНИЯ.....	340
Приложение 1. Образец печатной экспериментальной анкеты	
Приложение 2. Образец электронной экспериментальной анкеты (скриншоты с сайта www.survio.com)	

Приложение 3. Фрагмент систематизации
экспериментальных данных

аккумуляированных

ВВЕДЕНИЕ

В диссертационном исследовании представлена теоретическая концепция речевого события как динамического феномена.

Коммуникация является организующим началом социума, определяющим динамику социальных отношений и бытия как индивида, так и коллектива, поэтому изучение этого феномена представляет интерес для специалистов из разных научных областей и осуществляется исследовательскими инструментами ряда наук.

На протяжении нескольких столетий коммуникация является одним из центральных исследовательских объектов философии: Ю. Хабермас [Хабермас 2006; Habermas 1979; 1981], К.-О. Апель [Апель 1997; 2001], Э. Кассирер [Кассирер 1988], Л. Витгенштейн [Витгенштейн 1994; 2018], М. Кастельс [Кастельс 2000; 2016; Castells 2004; 2006] и др., психологии: Т. Ньюкомб [Newcomb 1953], Г. Малецке (см. в [Allner 2015]) и др., социологии: Н. Луман [Луман 2007а; 2007б], Г. Лассуэлл [Lasswell 2013], П. Лазарсфельд [Lazarsfeld 1944], Э. Кац [Katz 1966], М. де Флёр [DeFleur 1989], Дж. Гербнер (см. в [Morgan 2002]) и др., лингвистики: В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 2001], Ч. Осгуд [Osgood 1990], Н. Хомский, Р. Якобсон, В. Матезиус, И. Э. Клюканов [Клюканов 2010; 2018; Klyukanov 2005; 2011] и др., логики: Дж. Сёрль [Сёрль 1986], Дж. Остин [Остин 1986; 2010], П. Грайс [Грайс 1985], Дж. Лич, Т. ван Дейк [Дейк 1989; Дейк <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>] и др.

В первой половине XX в. в связи с проникновением технических средств связи во все сферы жизни изучение коммуникации составило отдельную исследовательскую область в технических науках – математическую теорию связи (К. Шеннон, У. Уивер [Шеннон 1963], Н. Винер [Винер 2001], Р. Рид [Рид 2005] и др.). Представленный выше перечень ключевых персоналий дает основания утверждать, что современная наука располагает рядом аргументированных теоретических концепций и богатейшим эмпирическим

материалом, систематизация которых составляет одну из **актуальных задач** исследователя, нацеленного на построение общей теории коммуникации.

На базе изучения коммуникации сформировались и некоторые междисциплинарные направления, например, социолингвистика (см. обзор в [Беликов 2001]) и психолингвистика (см. обзоры в [Леонтьев 2004; Залевская 2005; 2013а; 2014]. Так, фактически все центральные проблемы отечественной психолингвистики (теории речевой деятельности) связаны с анализом коммуникации: изучение порождения и понимания речи, моделирование фрагментов сознания как когнитивной основы речевой деятельности, онтогенез языковой способности и др.

Анализ работ, вышедших только за последнее десятилетие, демонстрирует регулярное обращение исследователей к проблематике коммуникативного взаимодействия (например, [Марюхин 2010; Александрова 2011; Болохонцева 2011; Галичкина 2012; Шилина 2012; Осадчий 2012; Нилова 2015; Быков 2016; Meier 2020] и др.). В электронном каталоге Российской государственной библиотеки при введении ключевого слова *коммуникация* и использовании фильтра для поиска работ языковедческого профиля выдается 2824 совпадения (только за период с 2011 по 2021 год).

Это говорит о том, что в настоящее время исследование коммуникации представляет собой одно из самых активно развивающихся направлений. Отечественными и зарубежными учеными конструируются модели коммуникации, составляются перечни сущностных свойств коммуникации, предлагаются описания принципов вербального и невербального общения. Стремление ученых определить сущность этого феномена и разработать адекватные инструменты его научного анализа связано с тем, что коммуникация представляет собой неотъемлемую составляющую жизни человека, позволяющую регулировать социальные отношения и направлять социальное развитие. Многие ключевые для общественного бытия процессы осуществляются в результате коммуникативной деятельности, и чем точнее человек способен выстраивать эту деятельность и прогнозировать ее

результаты, тем лучше он может регулировать и контролировать социальные процессы. Исследователь социальной коммуникации И. Э. Клюканов отмечает, что «значимость коммуникации стала острее осознаваться, вероятно, и по причине многочисленных сбоев в общении. XX век – век кровавый, и потому сегодня особенно хочется надеяться, что коммуникация положит конец всем межличностным, социальным и глобальным проблемам» [Клюканов 2010, С. 26].

В последние десятилетия принято говорить о формировании особого интегративного направления – *теории коммуникации (communications studies)*, которое рассматривается как междисциплинарная исследовательская платформа.

Значимость коммуникации и необходимость ее постоянного научного осмысления постулирует редактор «Международной энциклопедии по коммуникации» Э. Барнув (E. Barnouw), констатирующий в предисловии к изданию: «Становится очевидным центральное положение коммуникации в человеческой истории, что и объясняет, почему такие различные дисциплины, как антропология, искусствоведение, педагогика, история, журналистика, право, лингвистика, философия, политические науки, психология и социология стремятся к объяснению процесса коммуникации, сотрудничают в создании новой дисциплины» ([International Encyclopedia of Communications 1989]; русс. перевод цит. по [Соколов 2001, С. 12]).

Постоянный и устойчивый интерес к такому, казалось бы, всесторонне изученному феномену связан с его структурной сложностью, детерминированной воздействием многочисленных разноприродных факторов. В связи с этим центральную задачу в исследовании коммуникативных процессов представители технических наук видят в выстраивании алгоритма передачи сообщения и измерении количества переданной информации; социология ориентирована на то, чтобы изучить влияние социальных структур на коммуникацию; инструментами психологии изучаются особенности реализации коммуникативных интенций говорящего в

речевой деятельности и характер восприятия этих интенций слушающим; лингвистами устанавливается роль вербальной составляющей в интеракции, анализируются прагматические аспекты коммуникации, исследуются факторы, определяющие степень соответствия между содержанием речевой деятельности говорящего и его понимания слушающим, и пр.

Конструирование исследовательского объекта с применением метаязыка и инструментария разных научных направлений и специфика его устанавливаемых свойств связаны с актуализацией тех или иных параметров коммуникации: направленности и знакового характера коммуникативного взаимодействия, активности субъекта речевой деятельности, содержательных аспектов коммуникации и др.

Многообразие путей описания коммуникации акцентирует ряд проблем: определение коммуникации и выявление ее сущностных свойств; определение единицы коммуникации; моделирование механизма коммуникативного взаимодействия – и требует разработки новых, нетривиальных экспериментальных методов.

Актуализация перечисленных проблем осуществляется на фоне отсутствия в современной лингвистике единой теоретической и методологической базы изучения *динамических* явлений, осложненного тем, что проводимые исследования опираются иногда на противоречащие друг другу принципы.

Таким образом, **актуальность** исследования определяется необходимостью (1) систематизации и осмысления теоретического и эмпирического исследования коммуникации; (2) формирования единой теоретической и методологической основы изучения коммуникации; (3) конструирования нового междисциплинарного объекта – речевого события, проявляющего сущностные свойства коммуникации; (4) разработки экспериментальных методов, позволяющих анализировать собственно *динамику* речевого события.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной науке разрабатывается модель речевого события как совокупности линейно выстроенных речевых действий в пределах одного коммуникативного акта с учетом имманентной ему континуальности на основе принципа рекурсивности как центрального принципа организации коммуникации. Предложенная модель верифицируется в серии социо- и психолингвистических экспериментов, результаты которых позволяют считать разработанную модель психологически реальной. Объяснительная сила модели демонстрируется в анализе речевых событий, относящихся к разным сферам общественного бытия (политическая коммуникация, интернет-коммуникация, медиакоммуникация и академическая коммуникация). Намеренно широкий эмпирический материал дает возможность выстроить модели второго порядка, которые базируются на предлагаемой в исследовании динамической модели коммуникативного взаимодействия, верифицированной в серии экспериментов.

Методологической основой разрабатываемой модели является аутопоэтическая теория, системно разработанная в когнитивной науке второй половины XX в. У. Матураной и Фр. Варелой [Maturana 1978; 1980; 1987; 1995; Varela 1974; 1979; 1997; Матурана 1995; 2000]. Фундаментальные принципы этой теории – эволюционный характер взаимодействия, имманентная континуальность и самоорганизация живой системы (участника коммуникации), в той или иной степени своеобразно представлены в лингвофилософских концепциях от В. фон Гумбольдта до Э. Сепира.

Объектом исследования является речевое событие как совокупность речевых действий, производимых в пределах одного акта коммуникации, **предметом** – рекурсивность как ключевой принцип организации речевого события и его эволюционная доминанта. Под рекурсивностью понимается повторяющийся характер взаимодействия двух или более когнитивных систем, обладающих свойством адаптивности.

Цель исследования заключается в моделировании структуры речевого события как рекурсивного взаимодействия участников коммуникации, в ходе которого происходит взаимная адаптация их когнитивных систем, и установление принципов эволюции речевого события.

Поставленная цель достигается посредством решения следующих **задач**:

1. изучить теоретические подходы к исследованию коммуникации, разработанные в разных областях научного знания; проанализировать объяснительные возможности ведущих современных коммуникативных теорий в анализе речевых процессов и речевого события;
2. выявить принципы построения теоретической модели коммуникации с учетом сущностных свойств этого феномена;
3. исследовать структурные особенности речевого события и выявить фундаментальные принципы его организации;
4. проанализировать механизм рекурсивного взаимодействия речевого события и сознания как среды, в которой оно продуцируется и на которую оно направлено, и предложить модель эволюции речевого события как его структурной адаптации и самоорганизации;
5. изучить опыт экспериментальных исследований речевой деятельности, разработать экспериментальные методы исследования динамики речевого события; провести собственную эмпирическую верификацию постулатов, лежащих в основе построенной модели.

Последовательное решение поставленных задач определило **структуру работы**, включающую две части: теоретическую и экспериментальную. Теоретическая часть направлена на решение двух первых задач и представлена двумя главами. В первой главе содержится анализ различных взглядов на сущность коммуникации, изучена психологическая, лингвистическая, неврологическая и физиологическая основа коммуникации, представлены различные теоретические подходы к исследованию коммуникативного взаимодействия и наиболее авторитетные модели коммуникации.

Вторая глава посвящена анализу ключевых положений теории аутопоэза, рассмотрению того, как постулаты аутопоэтической теории применяются в различных областях науки (социологии, психологии, робототехники, компьютерном моделировании, медицине и пр.). В главе предложены пути методологической обработки постулатов этой теории для исследования лингвистического объекта.

Практическая часть исследования направлена на решение третьей, четвертой и пятой задач и также включает две главы. Третья глава отражает результаты экспериментального исследования, направленного на верификацию отдельных положений динамической (аутопоэтической) модели речевого события. В четвертой главе рассмотрена возможность анализа речевого взаимодействия участников коммуникативных событий разной направленности (политической, медиа-, научной, интернет- коммуникации) с опорой на постулаты теории аутопоэза, продемонстрированы перспективы и ограничения такого подхода.

Библиографический список насчитывает 251 наименование, из них 50 на иностранных языках. Текст диссертации сопровождается приложениями, в которых представлены наиболее значимые материалы, использованные в ходе проведения исследования.

На подготовительном этапе исследования была сформулирована **рабочая гипотеза**, согласно которой сущностным свойством коммуникации является континуальность, поэтому моделирование речевого события как совокупности линейно выстроенных речевых действий должно осуществляется на основе учета его динамической природы. Стержневым компонентом модели является рекурсивность, или повторяющийся характер взаимодействия субъекта коммуникации и конструируемой им среды как фундаментальный принцип организации речевого события и его эволюционная доминанта.

Материал исследования составляют экспериментальные данные, полученные в ходе проведения серии экспериментов с носителями русского

языка (общее количество аккумулированных анкет – более 200), а также фрагменты ряда речевых событий (три видеозаписи и стенограммы телевизионных политических дебатов (общее время звучащей речи – 4,5 часа), цикл медиатекстов (более 30 статей разного объема, опубликованных в течение одного календарного месяца), фрагменты интернет-коммуникации (10 интернет-форумов, каждый из которых содержит более 30 реплик), фрагменты академической коммуникации (шесть видеозаписей и стенограмм защит диссертаций на соискание ученой степени кандидата / доктора наук)).

В качестве **методов** исследования используются общенаучные и собственно лингвистические методы: *моделирование*, представляющее собой основной инструмент исследования динамических объектов; *эксперимент*, направленный на верификацию отдельных постулатов построенной динамической модели коммуникации; различные виды анализа языкового материала: *дистрибутивный анализ*, *контент-анализ*, *компонентный анализ* и др. В процессе обработки экспериментальных данных были применены *инструменты статистической обработки данных* (в том числе с опорой на пакет SPSS): коэффициент конкордации для анализа степени неоднородности мнений испытуемых, анализ частот рангов, коэффициент χ^2 Пирсона для определения статистической значимости межгрупповых различий и дисперсионный анализ).

Теоретическую базу исследования составили:

- положения *теории коммуникации* о сущности феномена коммуникации, о принципах и инструментах анализа коммуникативного взаимодействия, сформулированные в работах И. Э. Клюканова, Б. В. Кашкина, А. В. Соколова, Д. П. Гавры и др. исследователей;
- представления *социальной философии* о социальном взаимодействии, об активной роли субъекта социального взаимодействия, о динамике социальных отношений, заложенные в работах Ю. Хабермаса, К.-О. Апеля, Н. Лумана, Л. Витгенштейна и др.;

- ключевые положения *теории аутопоэза* о центральной роли субъекта коммуникативного взаимодействия (живой системы), о зависимости параметров среды от свойств конструирующего эту среду субъекта, о рекурсивном характере взаимодействия между субъектом коммуникативного взаимодействия и средой, изложенные в трудах У. Матураны и Фр. Варелы;
- постулаты *общепсихологической теории деятельности и теории речевой деятельности* о мотиве, лежащем в основе речевого действия, о цикличности речевой деятельности, о взаимосвязанности и взаимообусловленности речевой деятельности, речевого действия и речевой операции, изложенные в работах Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, А. А. Залевской, В. А. Пищальниковой и др.

Теоретическая значимость исследования заключается в формировании теоретической и методологической основы изучения речевого события, в формулировании теории речевого события на базе новой методологии, в построении оригинальной структурно-эволюционной модели речевого события, а также в разработке экспериментальных методов анализа речевого события с учетом имманентной ему континуальности. Это позволяет не только уточнить и развить положения отечественной теории речевой деятельности, теории коммуникации, теории дискурса, но и создать особое направление динамического исследования речевого события.

Задействованные в ходе проведения исследования инструменты анализа и концептуальный аппарат могут быть эффективно использованы в ходе изучения динамических явлений языка в целом.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения предложенной модели и методологии к анализу социально значимых дискурсивных практик, для объяснения динамики структур сознания в процессе коммуникации и особенностей эволюции речевого события. Кроме того, разработанная модель позволяет прогнозировать динамику акта коммуникации и оценивать адаптивные свойства коммуникантов.

Кроме того, выводы, полученные в работе, могут стать теоретико-методологическим основанием при подготовке теоретических курсов по общему языкознанию, теории коммуникации, теории межкультурной коммуникации, теории дискурса; в курсах по выбору по проблемам теории текста, психолингвистики, социоллингвистики и в преподавании практических дисциплин «Практика устной и письменной речи», «Практикум по культуре речевого общения» и «Практикум по межкультурной коммуникации». Результаты диссертационного исследования могут найти применение при подготовке научных проектов, при написании курсовых, выпускных квалификационных работ, магистерских и кандидатских диссертаций по сопряженным проблемам, при составлении учебно-методических пособий, словарей и справочных пособий, при разработке корпусов текстов и др.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Сущностным свойством коммуникации является имманентная ей континуальность, определяющая динамическую природу этого феномена и не являющаяся предметом систематического анализа в современных исследованиях. Поэтому в работе моделирование речевого события как совокупности линейно выстроенных речевых действий в пределах одного коммуникативного акта осуществляется с учетом континуальности коммуникации.
2. Речевое событие представляет собой междисциплинарный объект, проявляющий сущностные свойства коммуникации.
3. Основой лингвистического моделирования речевого события как междисциплинарного объекта может стать теория аутопозза и ее концептуальный аппарат, методологически обработанный и примененный к анализу социальной коммуникации.
4. Субъект социальной коммуникации представляет собой самоорганизующуюся систему, вступающую в рекурсивные отношения с конструируемой им средой, частью которой являются другие участники коммуникативного взаимодействия.

5. Системообразующим принципом эволюции речевого события является принцип рекурсивности, или повторяющийся характер взаимодействия между коммуникантом и выстраиваемой им средой.
6. Операциональной единицей коммуникации является рекурсивный шаг, или *эволюционное изменение в структуре* самоорганизующейся системы, выводящее её на новый уровень взаимодействия со средой (позволяющее ей выстраивать более сложную среду и, следовательно, вступать в более сложные отношения с этой средой).
7. Характер и эффективность рекурсивного шага определяются свойствами живой системы (коммуниканта).
8. Самоорганизация как фундаментальное биологическое свойство живой системы, определяющее общую эволюцию этой системы, не доступна изучению только инструментами лингвистики. Это свойство в лингвистических моделях возможно только постулировать. Поэтому модель структуры субъекта социального взаимодействия, помимо центрального методологического принципа самоорганизации, с необходимостью включает активность субъекта, языковую способность и структурность речевого действия.
9. Функциональная иерархия свойств активности, структурности и языковой способности, адекватная средовым факторам, обеспечивает адаптацию коммуниканта в среде и, как следствие, равновесные коммуникативные отношения. В связи с этим релевантно выделение двух типов коммуникативных систем: нерезистивных, или способных к быстрому преодолению дисбаланса со средой, и резистивных, или обладающих недостаточно развитыми адаптационными механизмами.
10. Речевое событие структурируется под воздействием иерархии средовых факторов, обусловленной уникальными свойствами и актуальным состоянием коммуниканта. Сходство в иерархии средовых факторов является основанием типологии способов адаптации коммуникантов в среде.

Результаты работы **апробированы** в докладах на XV симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации «Речевая деятельность, языковое сознание, общающиеся личности» (Москва, ИЯ РАН, 2006 г.); на научно-практической конференции «Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе» (Москва, Академия ФСБ, 2007-2015 г.); на ежегодной международной научной конференции «Березинские чтения “Языковое бытие человека и этноса”» (Москва, ИЯ РАН, ИНИОН РАН, МГЛУ, 2007-2021 г.г.); на всероссийской межвузовской научно-методической конференции «Англистика XIX века» (Санкт-Петербург, 2007-2019 г.); на всероссийской научно-практической конференции «Психология когнитивных процессов» (Смоленск, 2007 г.); на международной научно-практической конференции «Горизонты психолингвистики» (Тверь, 2010-2014 г.); на Методологическом семинаре в ИИЯ МГПУ (Москва, МГПУ, 2011 г.), на международной научной конференции «TRANSLATA» (Инсбрук, 2011 г.), на Научной сессии ИИЯ МГПУ «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и лингводидактики» (Москва, МГПУ, 2006-2021 г.), на Болгаро-российском семинаре «Дни русского языка и перевода» (г. София, 2014 г.), на международном конгрессе EURALEX (г. Любляна, 2018 г.), на 52, 53, 54 и 56 Международных лингвистических коллоквиумах (г. Эрланген, 2017 г.; г. Оденсе, 2018 г.; г. Москва, 2019 г.; онлайн-конференция, 2020 г.), на конференции «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (РАЛК, г. Нижний Новгород, 2021 г.) и др.

По теме диссертации опубликовано 43 научных статьи (общим объемом **26,69** п.л.), из них 15 статей, опубликованных в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, и 3 публикации в журналах, индексируемых в международных реферативных базах данных Scopus и Web of Science. Опубликована глава «Принципы конструирования деятельностной модели перевода: аутопоэтический подход» коллективной монографии «Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий: комплексный анализ

переводческого процесса» (Москва: ЛЕНАНД, 2015. С. 208-248).
Опубликована глава «Сопоставительный анализ динамики “имперского” сознания американцев и русских (по данным ассоциативного эксперимента)» коллективной монографии «Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики» (Москва: Р. Валент, 2019. С. 146-181).

Достоверность выводов исследования определяется (1) объемом репрезентативного языкового материала (три видеозаписи и стенограммы телевизионных политических дебатов (общее время звучащей речи – 4,5 часа), цикл медиатекстов (более 30 статей разного объема, опубликованных в течение одного календарного месяца), фрагменты интернет-коммуникации (10 интернет-форумов, каждый из которых содержит более 30 реплик), фрагменты академической коммуникации (шесть видеозаписей и стенограмм защит диссертаций на соискание ученой степени кандидата / доктора наук)); (2) верификацией положений предложенной автором динамической модели коммуникации в серии социо- и психолингвистических экспериментов (количество обработанных экспериментальных анкет – более 200), при этом анализ и интерпретация полученных экспериментальных данных осуществлялись с опорой на инструменты статистического анализа; (3) выбором методов исследования, адекватных поставленной цели.

ГЛАВА 1. КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ

Как известно, коммуникация обеспечивает функционирование и развитие любых социальных систем. Насекомые, птицы, пресмыкающиеся и млекопитающие создают особые знаковые системы, позволяющие им взаимодействовать друг с другом и с другими видами. Биологами детально изучены и описаны системы коммуникации пчел, муравьев, птиц, приматов и др. животных. Эти любопытные описания особенно широко тиражируются в зарубежной учебной литературе по лингвистике и теории коммуникации (см., например, [Акмajian 1979; Contemporary Linguistics 2001] и др.). Однако о *сущностных* свойствах коммуникации, обеспечивающей функционирование человеческого общества, в англо- и русскоязычной учебной и научной литературе содержатся, как правило, только общие сведения, хотя средства коммуникации изучаются широко и детально.

Это определяется рядом факторов: во-первых, коммуникация в сообществе людей представляет собой сложнейшее психосоциальное образование, поскольку она определяет возможность сосуществования индивидов в широком спектре социальных сфер. Во-вторых, в человеческом общении используются символические, полифункциональные знаки, эффективное применение которых требует не только знания знаковой системы, но и одновременного учета многочисленных средовых факторов при взаимодействии субъектов для обеспечения достаточного понимания, в том числе индивидуальных свойств собеседника и его социального статуса. В-третьих, современный этап развития социальных отношений характеризует усложнение коммуникационных процессов за счет появления новых технических средств, инструментов и каналов коммуникации. Эти и многие другие обстоятельства препятствуют созданию единой теории коммуникации

и приводят к тому, что исследования, проводимые специалистами в этой отрасли гуманитарных наук, зачастую построены на разных основаниях.

Последние несколько десятилетий характеризуются широким интересом к феномену коммуникации и появлением значительного числа публикаций, в которых освещаются результаты узкодисциплинарных и междисциплинарных исследований (см., например, [Конецкая 1997; Кашкин 2000; Соколов 2002; Ключанов 1999; 2010; 2018; Недосека 2010; Прохоров 2011]). Исследования на стыке нескольких научных дисциплин, особенно популярные в последние годы, с одной стороны, расширяют возможности ученых за счет того, что они открывают новые методологические перспективы и позволяют использовать новые исследовательские инструменты; с другой – конструируемые таким образом модели, как правило, строятся на инкорпорации постулатов и категориального аппарата разных наук. А. В. Соколов указывает в связи с этим на необходимость создания *метатеории социальной коммуникации*, поскольку «никакой “теории коммуникации” путем суммирования знаний, накопленных в разных научных дисциплинах, вырастить нельзя» (Курсив наш. – К. К.-Б.), эта теория «не может состоять из разделов, заимствованных из антропологии, искусствоведения, педагогики и т.д.» [Соколов 2001, С. 12-13]. И далее автор поясняет, что «метатеория социальной коммуникации – это межнаучная обобщающая теория, формирующаяся на основе различных наук, изучающих те или иные грани социальных коммуникаций» [ibid]. Однако автор сомневается в возможности плодотворного сотрудничества представителей разных отраслей науки в изучении феномена коммуникации в связи с имеющимися терминологическими барьерами.

Тем не менее современные исследователи в редких случаях обходятся без включения в свои концепции понятий и категорий других научных отраслей. В частности, многие лингвистические исследования коммуникативного взаимодействия претендуют на междисциплинарность, при этом потребность привлечения опыта других наук обусловлена тем, что

вербальную составляющую коммуникации невозможно полноценно изучить без учета внешних для языковедения факторов, среди которых особо важны психологические и мотивационные характеристики участников, цель коммуникативного взаимодействия, канал связи и связанные с ним «шумы», контекст социального взаимодействия и пр. Поскольку в лингвистике нет методов изучения этих параметров речевого взаимодействия, исследователь вынужден привлекать данные других наук или заимствовать внешние для языковедения инструменты анализа. Однако буквальный «перенос» в новую научную область понятий, инструментов анализа или интерпретативных категорий может привести к появлению эклектичных построений (см. [Бугорская 2007; Пищальникова 2014]) и не приводит к построению междисциплинарных концепций, которые, по мнению современных философов, отличаются не столько привлечением данных других наук, сколько разработкой *особых методов*, позволяющих анализировать *синкретичные* сущностные свойства объекта. Отсюда мозаичность и умозрительность лингвистических концепций, предпринимающих попытки исследовать собственно лингвистическими методами свойства объекта, которые порождаются неязыковыми факторами. Это, как правило, считают слабым звеном моделей коммуникации, разрабатываемых лингвистами.

Но было бы несправедливо критиковать с этой точки зрения только языковедческие построения, поскольку и социологи, и философы, и психологи конструируют теории коммуникации на опорных постулатах разных научных дисциплин, методологически редко приближаясь к междисциплинарности: в единичных случаях осуществляется должная адаптация понятийного аппарата к новой научной области и происходит установление соответствий с другими компонентами «родной» для исследователя системы научных понятий (см. о необходимости этих процедур в: [Бугорская 2007]). Поэтому анализ работ, титульным понятием которых выступает «коммуникация», показывает, что сущностные свойства её и моделирование соотносимого с феноменом

коммуникации исследовательского объекта в большинстве работ полагается периферийной задачей.

Разнообразие представленных в современной науке подходов, а также отсутствие общепринятой системы параметров коммуникации как исследовательского объекта и принципов моделирования механизма коммуникативного взаимодействия ставят перед исследователями важнейшую задачу – систематизировать пути изучения коммуникации и формирование единой методологической платформы лингвистического анализа ее вербальной составляющей, а также разработка непротиворечивых принципов моделирования механизма коммуникации как взаимообусловленной речевой деятельности двух или более людей.

Как известно, первый этап научного анализа того или иного феномена состоит в конструировании исследовательского объекта за счет актуализации тех параметров, которые постулируются как существенные для него в рамках определенной научной парадигмы: «в лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект» [Соссюр 1977, С. 46]. Этот постулат был положен в основу научного осмысления языка в первой половине XX века: язык рассматривался как статичный объект, «замкнутое целое» [ibid, С. 34]. Описание такого исследовательского объекта осуществлялось на основе введения системы дифференцированных знаков и различных оснований для их противопоставления и классификации.

При осмыслении коммуникации как исследовательского объекта тоже целесообразно, по аналогии с «принципом скульптора» Ф. де Соссюра, отсеять те параметры, которые не могут (и не должны) анализироваться инструментами выбранной ученым научной парадигмы. Это не представляет трудностей в том случае, когда исследователь опирается на теоретические постулаты одной науки (ср. биологический подход к изучению коммуникации; исследование коммуникации инструментами технических наук и др.), однако если исследование претендует на междисциплинарность, формирование его

методолого-теоретической основы серьезно осложняется. Поэтому мы полагаем, что эффективное исследование коммуникации в современной науке невозможно без ответов на следующие вопросы: увеличится ли количество параметров, доступных научному анализу, с привлечением внешних для научной области категорий; изменится ли глубина и качество анализа отобранных параметров; открывает ли междисциплинарность новые пути осмысления изучаемого феномена и, следовательно, конструирования научного объекта? Результаты осмысления этих вопросов применительно к феномену коммуникации и некоторые рассуждения, касающиеся сущностных свойств коммуникации и возможностей конструирования исследовательского объекта, представлены в следующем параграфе.

1.1. Феноменологическая сложность коммуникации, параметры коммуникации

Анализ тех определений и описаний коммуникации, которые представлены в работах социологов, психологов, лингвистов и специалистов в области теории коммуникации, демонстрирует, что исследователи, как правило, видят в междисциплинарности возможность *расширения*, а не установления *сложности* научного объекта. Иными словами, авторы, претендующие на междисциплинарность исследований, как правило, предлагают такие дефиниции, которые позволяют рассматривать изучаемый феномен с позиций разных научных дисциплин. Показательна в этом отношении научная литература, в которой коммуникация трактуется через понятие информации, заимствованное, как известно, из технических наук для описания процессов ускоренного накопления знаний и непрерывного обмена ими в современном обществе. При этом единого и вполне аргументированного определения «информации» в этих трудах не предлагается. Единственная работа, в которой представлено толкование этой категории применительно к

коммуникативному *взаимодействию*, – книга математика Н. Винера «Человек управляющий»: «информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособливания к нему наших чувств» [Винер 2001, С. 14].

На протяжении сравнительно непродолжительной истории научного осмысления коммуникации учеными были сформулированы различные дефиниции этого понятия. В 1970-е гг. были предприняты первые попытки систематизации имеющихся в науке толкований, среди которых наибольшую известность получило исследование Ф. Данса, направленное на анализ 95 определений коммуникации [Dance 1970]. Поскольку изученные определения оказалось невозможно привести к общему знаменателю (Ф. Данс обнаружил 15 концептуальных компонентов), автор пришел к выводу, что «коммуникацию лучше было бы представлять как “семью” родственных понятий, а не как единый концепт, чтобы избежать “разногласий, академических перестрелок и теоретических поводов для раскола”» ([Dance 1970]; цит. по: [Гавра 2011, С. 32]). С каждым годом количество попыток предложить непротиворечивое толкование понятия «коммуникация» растет в геометрической прогрессии, и поэтому задача систематизации существующих определений становится все более сложной.

Изучение тех базовых определений, которые наиболее часто цитируются в специализированной литературе, позволяет распределить их по нескольким группам в зависимости от того, какие аспекты коммуникации акцентируются авторами. Так, исследователи наиболее часто обращают внимание на следующие параметры коммуникации: (1) коммуникация как *связь / взаимодействие / движение*; (2) коммуникация как *передача информации / реакция* на внешнее воздействие / *обработка* полученного сигнала / *понимание* реципиентом сообщения, отправленного адресантом; (3) коммуникация как *передача информации / знаков / смыслов / сообщений / сигналов*; (4) коммуникация как *взаимодействие между* двумя и более *субъектами / субъектом и объектом*. Следует оговорить, что одна и та же

дефиниция может эксплицировать несколько аспектов коммуникации, поэтому данное деление является в определенной степени условным.

(1) коммуникация как *связь / взаимодействие / движение*

Коммуникация – специфическое средство поддержания стабильности социальных систем, обеспечивающее взаимно обусловленное функционирование входящих в них элементов с целью достижения общего результата, стимулирующего развитие всей системы. С учетом этого коммуникацию принято рассматривать, с одной стороны, как *связующее звено* между автономными субъектами (объектами), а с другой – как их взаимовлияние и взаимообусловленность. Иными словами, коммуникация может определяться как структурный компонент социального взаимодействия, в потенции всегда существующий между субъектами (объектами), – своего рода контакт (звено) или динамическое взаимодействие, актуально происходящее между активными участниками здесь и сейчас. Второе толкование коммуникации может быть далее представлено более частными вариантами в зависимости от тех ролей, которые выполняют взаимодействующие субъекты (объекты): если оба участника рассматриваются как активные, коммуникация между ними анализируется как *взаимодействие*; если активность приписывается только одному из участников, в то время как второй является пассивным реципиентом, коммуникация между ними может истолковываться как *движение информации* от адресанта к адресату.

Вероятно, выделение именно этих параметров коммуникации связано с тем, что первые попытки составить перечень сущностных характеристик коммуникации были предприняты специалистами в области технических наук. Так, во многих механистических дефинициях коммуникации категории связи, движения и взаимодействия являются опорными: коммуникация определяется как «любой обмен информацией между динамическими системами или подсистемами этих систем, которые способны принимать информацию, хранить ее, преобразовывать и т.д. Система, посылающая

информацию (идет ли речь о людях, организмах, машинах и т. п.), именуется отправителем, а принимающая ее соответственно именуется получателем» [Каган 1988, С. 141]); «устанавливая связь с другим лицом, я сообщаю ему сигнал, а когда это лицо, в свою очередь, устанавливает связь со мной, оно возвращает подобный сигнал, содержащий информацию, первоначально доступную для него, а не для меня» [Винер 2001, С. 12], «коммуникация, т.е. связь или обмен информацией, – это в сущности социальное явление» [Черри 1972, С. 23] и др.

В некоторых современных работах по социологии опора на категории связи, движения и взаимодействия рассматривается как отличительная черта субстанционально-интеракционной концепции. Так, Д. П. Гавра отмечает, что с этих позиций «базовыми категориями наиболее общего характера, которые могут быть соотнесены с понятием «коммуникация», являются: взаимодействие, движение, связь» [Гавра 2011, С. 36-37]. В результате подробного рассуждения о характере взаимодействия, о взаимодействующих субъектах и о субстанции, опосредующей взаимодействие, исследователь формулирует определение коммуникации, соотносимое с субстанционально-интеракционным подходом: «коммуникация – это эффективное синхронное и диахронное *взаимодействие* субъектов из мира живой природы, способных к автономному поведению, которое возникает в результате *обмена* между одним субъектом (источником) и другим (получателем) *информацией*, имеющей смысл для обоих субъектов коммуникативной субстанцией или сообщением в идеальной или идеально-материальной форме» [ibid, С. 67-68].

В ряде случаев такое понимание коммуникации становится ключевым при анализе общественной системы с сугубо социологических позиций. Так, О. Л. Гнатюк определяет коммуникацию широко как «связь, движение, передачу информации (сигналов и сообщений) в технических, биологических и социальных системах» [Гнатюк 2010, С. 15]; «средства и способы связи любых объектов материального и духовного мира; обмен информацией между субъектами разного типа (биологическими, техническими, социальными)»

[ibid. С. 13]; «*связь*, в ходе которой осуществляется обмен информацией между системами живой и неживой природы» [ibid. С. 15]. Аналогичным образом А. В. Соколов трактует коммуникацию как «опосредованное и целесообразное *взаимодействие* двух субъектов» [Соколов 2002, С. 24] (В приведенных в абзаце цитатах курсив наш. – К. К.-Б.).

Представляется, что при адаптации понятия коммуникации к анализу социальной системы возникает необходимость в его уточнении. Собственно структурное толкование коммуникации как связующих звеньев в системе (технических средств, посредством которых осуществляется взаимодействие между элементами системы) вряд ли применимо к анализу интеракций между субъектами социального взаимодействия, поскольку это отношение является принципиально динамическим, а следовательно, активность коммуницирующих субъектов не может игнорироваться.

(2) коммуникация как *передача* информации / *реакция* на внешнее воздействие / *обработка* полученного сигнала / *понимание* реципиентом сообщения, отправленного адресантом

Определение коммуникации как процесса *передачи информации* наиболее часто приводится в работах по коммуникативистике. Вероятно, причина такого положения дел заключается в том, что одной из первых и наиболее известных моделей коммуникации является модель К. Шеннона и У. Уивера, демонстрирующая процесс распространения радиосигнала в телефонном кабеле. Поскольку передача сигнала может осуществляться только линейно от источника к рецептору, то и коммуникативное взаимодействие представляется как одностороннее движение информации от адресанта к адресату. Как известно, взаимодействие предполагает активность обоих субъектов коммуникации, поэтому в определениях, как правило, говорится об обмене информацией или о ее передаче и восприятии: коммуникация – это «взаимодействие людей и животных, предполагающее *обмен информацией* с помощью специализированных сигналов-посредников» [Большая российская энциклопедия 2009, С. 658]; «социально обусловленный

процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по разным каналам при помощи различных коммуникативных средств (вербальных, невербальных и др.)» [Конецкая 1997, С. 8].

Однако коммуникация может также анализироваться с позиции реципиента сообщения. При этом адресат рассматривается как активный участник взаимодействия, осуществляющий восприятие информации и ее обработку. Такая трактовка представлена прежде всего в психологических концепциях коммуникации. Так, хорошо известно определение, предложенное американским психологом С. Стивенсом, в котором коммуникация интерпретируется как специфический ответ организма на внешний раздражитель (стимул), побуждающий активность субъекта взаимодействия [Stevens 1950]. И далее исследователь пишет: “If the stimulus is ignored, there has been no communication. The test is a differential reaction of some sort. The message that gets no response is not a communication” [Stevens 1950, P. 689] (Если стимул не воспринят, коммуникация не состоялась. Критерием факта коммуникации является наличие какой-либо ответной реакции. Сообщение, на которое не была получена ответная реакция, коммуникацией не является (Перевод мой. – К. К.-Б.)).

К. Черри в книге «Человек и информация» приводит одну из дефиниций, характерных для психологического подхода: «коммуникация – это различительная реакция организма на стимул» [Черри 1972, С. 27]. Анализируя это определение, автор высказывает следующие соображения: «...коммуникация – это не сама реакция; в существенной части это зависимость между подачей стимулов и возбуждением реакций... следует отличать язык человека от коммуникативных знаков животных и делать различие между языками, кодами и системами логических символов» [ibid. С. 28]. Действительно, коммуникацию вряд ли можно рассматривать только с позиции адресанта или адресата, поскольку только в результате совместного усилия их речевое взаимодействие обретает смысл. Именно на это указывает

автор теории коммуникативного действия Ю. Хабермас: «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий» [Хабермас 2006, С. 91]. Иными словами, коммуникация как проявление социального взаимодействия предполагает взаимно направленное усилие обоих социальных субъектов, каждому из которых свойственна активность как в позиции адресанта, так и в роли адресата.

Второе замечание, высказанное К. Черри в отношении приведенного им психологического толкования коммуникации, заключается в том, что стимул представляет собой не вполне определенное понятие. Если речь идет о коммуникативных системах, свойственных человеческому обществу, то понятие «стимул», вне всякого сомнения, требует уточнения. Иными словами, изучение речевого взаимодействия вряд ли может быть полноценным без анализа содержания коммуникации.

(3) коммуникация как передача *информации* / *знаков* / *смыслов* / *сообщений* / *сигналов*

Как известно, интерес к феномену коммуникации возник одновременно и в непосредственной связи с изучением феномена информации. В связи с этим коммуникацию принято определять как движение информации от адресанта к адресату и, когда происходит смена ролей, обратно. Ср. «*информация* – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособливания к нему наших чувств» [Винер 2001, С. 14]) «акт отправления *информации* от мозга одного человека к мозгу другого человека (П. Смит, К. Берри, А. Пулфорд)» (цит. по [Шульга 2010, С. 11]); «связь, в ходе которой осуществляется обмен *информацией* между системами живой и неживой природы» [Гнатюк 2010, С. 15]; «способы общения, позволяющие передавать и принимать разнообразную *информацию*» [Конецкая 1997, С. 5] и пр.

Специалисты в области технических наук изучали возможности измерения количества передаваемой коммуникации за счет введения

операциональной единицы – *бита информации* (обзор известных наработок в этой области представлен в [Черри 1972]). Следует, однако, признать несостоятельность и бесперспективность применения этих инструментов анализа к изучению коммуникации в человеческом сообществе, т.к. материальные сигналы, которые передаются от отправителя к получателю, не соотносимы буквально со смысловым объемом, полученным реципиентом сообщения. Так, К. Черри отмечает, что передача и прием физических сигналов сами по себе еще не составляют коммуникации. Напротив, важно то, какую реакцию (набор реакций) вызывает знак, когда он воспринимается реципиентом.

Действительно, понятие информации является для лингвиста, в сущности, неопределенной категорией и, следовательно, опора на него в дефинициях представляется малоэффективной.

Социологи, психологи, философы и лингвисты нередко указывают на необходимость выхода за пределы механистического толкования коммуникативного взаимодействия. Для решения этой задачи предлагается опираться на категории *смысла, эмоции, знака* и пр. Ср. коммуникация – это «движение знаний, эмоциональных переживаний, волевых воздействий» [Гнатюк 2010, С. 22]; «движение смыслов в социальном пространстве и времени... движение знаний, эмоциональных переживаний, волевых воздействий в социальном времени и пространстве» [Соколов 2002, С. 27]; «...передача и взаимопередача *информации, чувственных оценок, значений, смыслов, ценностей...*» (С. В. Бориснев) (цит. по [Гнатюк 2010, С. 18]); «обмен *мыслями, знаниями, чувствами, поступками*» [Большая российская энциклопедия 2009, С. 658] и пр. Однако в данных дефинициях смысл, волеизъявление, чувство, эмоция, оценка, ценность и др. трактуются чрезвычайно широко. Они составляют содержание коммуникации в том смысле, что соотносимы с ее ключевыми функциями: *познавательной; побудительной; экспрессивной* [Соколов 2001, С. 21]. Но они, будучи выделены в исследовательском анализе как необходимые составляющие

процесса коммуникации, не являются единицами коммуникации, поскольку не операциональны: не могут быть идентифицированы по совокупности установленных параметров и обработаны по единому алгоритму.

Рассмотрим в качестве примера понятие «смысл», которое вслед за специалистами в области лингвистики текста понимается как «некоторое содержание, которое значимо для субъекта коммуникации и которое способно изменять в нем определенный психический, психосоматический, биохимический рефлекторный процесс или их совокупность» [Гавра 2011, С. 49] (ср. с содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информацией в концепции И. Р. Гальперина [Гальперин 2007, С. 27-28] и со смыслом как принадлежностью человека к определенному времени и к определенной ситуации в трудах Г. И. Богина [Богин 2001]). В тех случаях, когда методы исследования текста транслируются на анализ коммуникации, коммуникативное взаимодействие рассматривается как продуцирование и понимание текстов, сопровождающееся передачей адресантом адресату некоторого количества смыслов. Как указывается А. В. Соколов, «смыслы, которыми владеет коммуникант, могут “опредметиться” двояко: во-первых, в виде коммуникационных сообщений (речь, письмо, рисунок); во-вторых, в виде утилитарных изделий (орудия, оружие, одежда, жилища), где также воплощены знания и умения человека» [Соколов 2002, С. 32]. Ключевой при этом становится проблема понимания текста (см. детальное обсуждение проблемы понимания в коммуникации в работе [Соколов 2001, С. 22-25]), поскольку смыслы, понятые реципиентом сообщения, всегда субъективны и контекстно обусловлены. Рассуждая об этом, К. Черри пишет, что «слова – не всегда однозначны, истинный смысл слова не раскрывается, пока оно находится вне определенного контекста... И даже в этом случае “смысл” слов может зависеть от слушателя, от говорящего, от всего их разговорного опыта, от взаимной осведомленности друг о друге, от ситуации в целом» [Черри 1972, С. 31-32].

В метатеории социальной коммуникации А. В. Соколова смыслами называются «*знания и умения* (коммуникант нечто знает или умеет и может поделиться этим опытом с другими людьми); *стимулы* (волевые воздействия, побуждающие к активности); *эмоции* (коммуниканту важно эмоционально “разрядиться”, получить сочувствие, а реципиент ищет положительных эмоций и душевного комфорта)» [Соколов 2001, С. 21]. Представляется, что стимулом к развитию этой области теории коммуникации может послужить опыт изучения понимания, накопленный отечественной психолингвистикой.

Однако оперирование новым словом (формой выражения), в сущности, является не более чем подменой одного неизвестного другим, поскольку при этом не происходит методологической обработки понятия и встраивания его в новую систему отношений. Создается иллюзия понятности, поскольку эти термины частотны в гуманитарных исследованиях и хорошо знакомы лингвисту, но это вовсе не означает, что опора на них позволяет уточнить содержание понятия коммуникации.

Иную систему интерпретативных категорий (не основанную на механистическом толковании коммуникации и в принципе не соотносимую с ним) предлагает отечественная психолингвистика. Анализ особенностей порождения и понимания речевого сообщения осуществляется с опорой на известную диаду, предложенную и обоснованную в работах А. Н. Леонтьева: *психологическое значение vs. личностный смысл*. Психологическое значение представляет собой весь аккумулированный обществом опыт ассоциирования того или иного явления; напротив, личностный смысл – это мотивационно обусловленный способ присвоения психологического значения [Леонтьев 1975].

С опорой на эту категориальную пару возможно представить понимание речевого сообщения как процесс формирования иерархии личностных смыслов, в центре которой оказываются доминантные смыслы реципиента (см. в этой связи [Пищальникова 1992]). Безусловно, это очень перспективный путь осмысления коммуникативного взаимодействия, поскольку он позволяет

«оторваться» от сложившейся традиции исследования коммуникации и акцентирует новые грани этого процесса (здесь также возможно устанавливать связи с литературоведческим подходом, представленным в работах М. М. Бахтина, Р. Барта и др.).

Однако и в этом случае имеется ряд ограничений, связанных с тем, что категории психологического значения и личностного смысла не операционализированы. Они представляют собой единицы высокого уровня обобщения (модели первого порядка), поэтому они задают только общие методологические принципы анализа. В последние годы появляются работы, в которых предлагаются пути операционализации этих категорий, но они пока что сравнительно немногочисленны (см. [Панарина 2018; Попова 2020; Степыкин 2021] и некоторые др.).

В ряде исследований психолингвистической направленности моделирование психологического значения сводится в сущности к анализу лингвистического значения (поскольку эта единица лингвистики является операциональной). В психологической концепции деятельности А. Н. Леонтьева психологическое значение включает в себя лексическое значение, но как один из видов, в том числе и невербализованных (предметное, ролевое и др.). В. А. Пищальникова затрагивает эту проблему в своих работах и объясняет ее причины: «специфичность вербального значения связана с закреплением психологического значения в знаке — вещественном компоненте, сохраняющем инвариантную вещественную стабильность независимо от использования, а потому выполняющем функцию универсальной опоры при порождении личностных смыслов. Все другие типы значений в силу специфики своей сенсорной модальности, имеют, хотя и в разной степени, свойства гештальта (точнее, в значительно большей степени, нежели языковой знак, синкретичны и синестетичны), а потому не могут выполнять функции опоры в коммуникации так же адекватно, как языковой знак (вербальное значение)» [Пищальникова 2005, С. 285]. В некоторых исследованиях предпринимается попытка учета и других компонентов

психологического значения (например, анализ способов ассоциирования), но такие попытки единичны (см., например, [Трофимова 2003; Залевская 2013; Пищальникова 2019; 2020]).

Для операционализации диады *психологическое значение – личностный смысл* необходимо более точно установить соотношение этих категорий. Для преодоления этого разрыва В. А. Пищальникова предлагает выстроить триаду, включив в эту систему «смысл» (концепт), или «образующую сознания, которая объединяет визуальные, тактильные, слуховые, вкусовые, вербальные и др. возможные характеристики объекта» [Пищальникова 1999, С. 11]. Смысл в этой концепции включает в себя психологическое значение и личностный смысл и позволяет учитывать в анализе такие субъективно значимые составляющие структуры деятельности, как ассоциативные, образные, чувственные и пр. компоненты смысла. Исследователь отмечает, что «в оппозиции психологического значения и личностного смысла практически не находит места это субъективное содержание сознания, хотя именно оно и определяет возможность личностных смыслов как функциональной актуализации не только какого-либо смыслового компонента психологического значения, но и любого смыслового компонента концепта» [ibid, С. 11].

Психолингвистическое толкование коммуникации плохо согласуется с классическим механистическим подходом к исследованию этого феномена, но оно в значительно большей степени отражает сущность коммуникации как взаимодействия между двумя или более активными субъектами, требующее когнитивного «подстраивания» общающихся индивидов. Однако недостатком психолингвистического моделирования коммуникации (с опорой на постулаты общепсихологической теории деятельности) является то, что категории личностного смысла и психологического значения являются слабо определенными, а представление механизма их взаимодействия и преобразования друг в друга возможно только описательным образом. (Следует отметить, что в западной психолингвистике принят иной подход к

исследованию когнитивной основы коммуникации, состоящий в измерении скорости реакции субъекта коммуникации на внешний раздражитель.)

(4) коммуникация как взаимодействие *между* двумя и более *субъектами / субъектом и объектом*

Автор учебного пособия «Основы теории коммуникации» Д. П. Гавра отводит отдельный параграф книги обсуждению того, могут ли участниками коммуникации выступать объекты, а не субъекты. Он приводит несколько бытовых примеров (человек, раскрывающий зонтик, когда начинается дождь), чтобы доказать, что субъектно-объектное взаимодействие не может считаться коммуникацией [Гавра 2011]. В заключении этой дискуссии Д. П. Гавра предлагает определение социальной коммуникации (в узком смысле) как «эффективного синхронного или диахронного взаимодействия социальных субъектов (людей и (или) их общностей), которое возникает в результате обмена между одним субъектом (источником) и другим (получателем) информацией, имеющей смысл для обоих субъектов (коммуникативной субстанцией или сообщением в идеальной или идеально материальной форме)» [ibid, С. 68].

Специалисты в области технических наук, напротив, видят коммуникацию именно в интеракции человека и машины, т.е. субъекта и объекта: ср. описания в работах К. Шеннона, Н. Винера, К. Черри. Безусловно, это связано со спецификой исследовательского объекта: в технических науках коммуникация анализируется как процесс распространения сигнала в некоторой среде.

Иной исследовательский ракурс задается в работах, в которых изучается степень активности коммуницирующих субъектов. С этих позиций принято говорить о *субъектно-субъектном взаимодействии* (см, например, работы интеракционистского (интеракционного) типа, среди которых наибольшую известность приобрели социально-психологическая модель коммуникации Т. Ньюкомба [Newcomb 1953], теория символического интеракционизма Д. Г. Мида, описывающая коммуникацию в сложных социальных системах

как непрерывный социальный диалог; в этом диалоге явления, которым приписывается какое-либо значение, превращаются в символы (см. [Блумер 2017]), и этнометодология Г. Гарфинкеля [Гарфинкель 2007]) и *субъектно-объектном взаимодействии* (преимущественно исследования с опорой на бихевиоризм, в которых коммуникация представляется как реакция на внешний стимул (см. «ассоцианистская психолингвистика» Ч. Осгуда [Osgood 1990]; а также [Пищальникова 2005; 2020]).

Таким образом, совокупность задействованных в анализе составляющих коммуникации и их иерархизация в значительной степени определяются теоретическими установками исследователя. Следует, однако, отметить, что при определении коммуникации исследователи часто попадают в ловушку «порочных» логических кругов, поэтому многие из тиражируемых в современных работах дефиниций не соответствуют требованиям научного определения, предполагающего «выделение объекта из ряда прочих объектов» и осуществляющегося «через указание совокупности его существенных признаков» [Бугорская 2007, С. 122].

Представленный выше обзор теоретических подходов позволяет говорить о том, что в современной науке нет общепринятой системы параметров коммуникации как исследовательского объекта, не установлены принципы моделирования механизма коммуникативного взаимодействия. Поэтому первая исследовательская задача заключается в систематизации известных подходов к изучению коммуникации, что позволит сформировать теоретическую «платформу» лингвистического анализа вербальной составляющей коммуникации, а также разработать непротиворечивые принципы моделирования механизма коммуникации как взаимонаправленной речевой деятельности двух или более людей.

В результате анализа представленных в современной научной и учебной литературе дефиниций была определена совокупность существенных признаков коммуникации. Во-первых, коммуникация представляет собой *направленное* взаимодействие между людьми как субъектами и объектами

социального взаимодействия. Иными словами, коммуникативное взаимодействие предполагает наличие субъекта и реального или предполагаемого (например, в случае массовой коммуникации) объекта. Более того, в ряде моделей коммуникация трактуется как процесс убеждения (модель Г. Лассуэлла) или процесс управления (модель Н. Винера). Во-вторых, исследователи, занимающиеся разработкой моделей речевого взаимодействия, указывают на то, что коммуникация носит *активный* характер, при этом постулируется активность как субъекта, так и объекта коммуникации. Так, в технических моделях коммуникации (например, в моделях Н. Винера, М. де Флёра, У. Шрамма и пр.) введено понятие «обратной связи», предполагающей обратное движение информации от объекта к субъекту, которые временно меняются ролями. Так субъект получает возможность контролировать и корректировать ход коммуникационного процесса, повышая вероятность достижения соответствия между исходным сообщением и поступающим к адресату. В-третьих, необходимо учитывать *содержание* коммуникации, для описания которого по аналогии с техническими науками применяется понятие информации. Поскольку, как указывалось ранее, информация представляет неопределенную для лингвиста категорию, в ряде гуманитарных направлений для описания содержания используются понятия «смысл», «эмоциональное воздействие», «ценность» и пр., хотя их едва ли можно считать собственно языковыми характеристиками вербальных единиц. Еще одно частотно выделяемое сущностное свойство человеческой коммуникации – ее *знаковый* характер.

Представленный перечень существенных признаков коммуникации, выявленный на основе изучения фундаментальных научных первоисточников и работ, развивающих их, традиционно является основой конструирования коммуникации как научного объекта.

1.2. Принципы конструирования научного объекта инструментами точных и гуманитарных наук

Одним из следствий синкретичности феномена коммуникации, допускающей выделение разного количества релевантных признаков и выстраивание разной их иерархии, как мы уже отмечали, является отсутствие единой теоретико-методологической исследовательской платформы. Ученые идентифицируют те признаки коммуникации, которые возможно анализировать имеющимися в их арсенале научными инструментами, и не исследуют те признаки, которые не поддаются анализу в рамках определенной научной парадигмы. Так, коммуникация как физическое явление (распространение звуковой волны в пространстве, окружающем источник) может исследоваться инструментами физики (акустики), но не может анализироваться лингвистическими методами. Лингвист может только оперировать теми данными, которые были получены в ходе исследований, проводимых физиками, принимая их как данность (без формулирования научной проблемы). Попытка же лингвиста проблематизировать физические характеристики коммуникации неизбежно приводит к заимствованию метаязыка и методологии физики и в конечном счете к не очень точным описаниям.

Другим следствием синкретичности коммуникации как исследовательского объекта выступает необходимость специфического моделирования. Как известно, модель способна «заменять объект применительно к цели исследователя», но при этом является «более доступной для изучения в соответствующем аспекте, чем моделируемый объект» [Новая российская энциклопедия 2013, С. 66]. Иными словами, моделирование как инструмент научного познания позволяет создавать упрощенную копию сложного феномена, изоморфную этому феномену, с учетом значимых для исследователя характеристик. Поэтому при конструировании модели коммуникативного взаимодействия возможно установить сущностные

свойства коммуникации, и, следовательно, моделирование в данном случае выступает единственным надежным инструментом изучения этого комплексного процесса.

Обнаружение в феномене коммуникации ряда исследовательских ракурсов определяет множественность моделей, в создании которых с необходимостью учитывается поставленная исследователем цель и выбранная научная парадигма. Таким образом, моделирование коммуникации может происходить с учетом таких ее особенностей, как передача информации (технический подход), взаимодействие двух участников коммуникативного взаимодействия (психологический подход), социальное взаимодействие, направленное на организацию совместной деятельности (социологический подход), наличие вербальной канвы (собственно лингвистический подход) и др. Экспликация каждого из перечисленных параметров легла в основу известных моделей коммуникации.

Классифицируя известные модели коммуникации, исследователи в ряде случаев ориентируются на традицию, которая формирует теоретический фундамент конструируемой модели. Так, широко тиражируются результаты исследования Р. Крейга, проанализировавшего основные теоретические традиции исследования коммуникации и суммировавшего основные постулаты этих подходов. В результате проведенного исследования был составлен перечень из семи теоретических традиций: *риторическая традиция*, представляющая коммуникацию как практическое искусство разговора; *семиотическая традиция*, в которой внимание исследователей сосредоточено на знаковом характере коммуникации; *феноменологическая традиция*, в которой коммуникация рассматривается как переживание опыта другого; *кибернетическая / трансмиссионная / процессно-информационная традиция*, анализирующая коммуникацию как передачу информации; *социально-психологическая традиция*, в которой коммуникация видится как процесс, посредством которого индивиды взаимодействуют и оказывают влияние друг на друга; *социокультурная традиция*, в которой коммуникация представлена

как производство и воспроизводство социального порядка; *критическая традиция*, согласно которой «подлинная коммуникация осуществляется только в процессе дискурсивной рефлексии» (см., например, [Гавра 2011, С. 70-81]).

Анализ теоретического «багажа» коммуникативистики И. Э. Клюканов начинает с обзора ряда теорий и традиций (также по Р. Крейгу), которые далее сводятся им в более крупные образования – традиции. Исследователь поясняет, что «семь традиций, описанных Р. Крейгом <...>, образуют лишь одну из возможных теоретических матриц для осмысления коммуникации... Взаимопроникновение традиций свидетельствует, с одной стороны, о возможности и необходимости их разграничения иными способами, а с другой – о принципиальной открытости коммуникации как предмета исследования» [Клюканов 2010, С. 49].

Большое количество попыток теоретического осмысления коммуникации видится И. Э. Клюкановым как своего рода «методологическая шизофрения». «Покончить с “теоретическим беспределом” всевозможных трактовок коммуникации» он предлагает путем «укрепления картины научного осмысления в виде максимально широких взглядов на ее природу в рамках двух парадигм» [Клюканов 2010, С. 45-50]. Ученый поясняет, что первая парадигма ориентирована на картезианский взгляд на сущность коммуникации, в соответствии с которым «“объективный” исследователь выделяет законы, характеризующиеся предсказуемостью и поддающиеся (в идеале) формализации» [ibid, С. 50]. Вторая парадигма предполагает динамический взгляд на коммуникацию, при этом «предметом исследования выступает оперативная интенциональность, по определению опровергающая предсказуемость и постоянно ускользающая от репрезентации» [ibid].

Позиция И. Э. Клюканова вполне обоснована, поскольку указанные парадигмы действительно охватывают все многообразие теоретических осмыслений коммуникации, однако противопоставление «объективного» и «субъективного» подходов, в сущности, не позволяет дифференцировать

входящие в них модели, поскольку рамка анализа становится чрезмерно размытой.

Другое основание для классификации моделей коммуникации состоит в учете принципов построения моделей. В этих классификациях учитываются собственно характеристики модели: количество и качественный состав составляющих их элементов, характер отношений между элементами, характер функционирования элементов в составе модели, степень дискретизации и пр. Как отмечает О. Л. Гнатюк, основными методологическими подходами к изучению социальной коммуникации являются *информационно-технологический, семиотический, деятельностный и системный / структурно-функциональный подход* [Гнатюк 2010, С. 31-32].

Кроме того, имеется немало попыток выработать комплексную классификацию на основе соединения разных теоретических подходов. Например, в работах В. Б. Кашкина модели коммуникации группируются вокруг двух общих принципов функционирования моделей коммуникации. Автор указывает, что модели коммуникации и парадигматические подходы к ее рассмотрению можно разделить на *трансляционные* и *интеракциональные*. В первых под коммуникацией понимается однонаправленный процесс кодирования и передачи информации адресантом и приема информации адресатом, во втором – совместная деятельность участников коммуникации (коммуникантов), в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними.

Анализ теоретических источников демонстрирует сложность идентификации релевантных параметров, позволяющих систематизировать научные модели коммуникации. С учетом этого целесообразно начать обзор с рассмотрения моделей, разрабатываемых в разных научных дисциплинах, а потом вернуться к проблеме поиска некоторого унифицирующего начала.

1.2.1. Принципы построения механистических моделей коммуникации

Одно из крупнейших направлений исследования коммуникации возникло в связи с усложнением коммуникации, произошедшем в начале XX в. в результате появления различных технически опосредованных форматов коммуникации. Модели коммуникативного взаимодействия, предлагаемые специалистами в этой области, связаны с рассмотрением коммуникации как технического процесса передачи информации от адресанта к адресату через тот или иной канал связи. Многочисленные модели этого типа разрабатывались представителями технических наук и впоследствии преломлялись для анализа межличностной коммуникации.

Хотя технические модели коммуникации малоприменимы для решения поставленных в работе задач, тем не менее, сформулируем принципы их построения, поскольку именно эти модели составили основу последующих разработок в гуманитарных науках.

Наибольшую известность получила модель математика К. Шеннона и инженера У. Уивера [Шеннон 1963]. Как отмечают авторы, «основная задача связи состоит в точном или приближенном воспроизведении в некотором месте сообщения, выбранного для передачи в другом месте» [ibid, С. 243]. Поскольку семантические аспекты связи («значение сообщения») для авторов модели остаются нерелевантными, они отмечают, что «система связи должна быть спроектирована таким образом, чтобы ее можно было использовать для передачи любого возможного сообщения...» [ibid, С. 244]. Иными словами, модель коммуникации К. Шеннона и У. Уивера рассчитана на описание исключительно технического процесса передачи некоторой информации, представленной в виде радиосигнала.

По замыслу авторов, в модель входит пять компонентов: «источник информации, создающий сообщение или последовательность сообщений... передатчик, который перерабатывает некоторым образом сообщение в сигналы, соответствующие характеристикам данного канала... канал, или среда, используемая для передачи сигнала от передатчика к приемнику...

приемник, восстанавливающий сообщение по сигналам... адресат – это лицо (или аппарат), для которого предназначено сообщение» [ibid, С. 245-246].

Для того чтобы определить путь кодирования, который бы допускал наименьшее количество искажений, были проанализированы различные последовательности букв и слов естественного языка. Авторы рассматривают случаи, когда последующие элементы выбираются независимо от результатов предыдущих выборов (например, BDCBCECCCADCBDDAAECSEEAABBDAAEECACEEBAEECBCEAD, при этом каждая из букв выбирается с вероятностью 0,2 независимо от результатов предыдущих выборов), и случаи, когда вероятность появления следующего символа определяется предыдущими элементами (например, ABBAVABAVABABABBBABBBBBVABABABABABBBACACABBBBBA BBABACBBBABA, при этом последовательность выбирается так, что вероятности последующих элементов зависят от предыдущих букв).

По мнению авторов, шумовые помехи могут быть минимизированы за счет использования такого кода, в котором заложена избыточность: «посылая информацию в избыточной форме, можно уменьшить вероятность ошибок...» [ibid, С. 280]. И далее: «Путем многократного повторения сообщения и путем статистического изучения различных принятых вариантов сообщения вероятность ошибок может быть сделана очень малой» [ibid]. Именно в этой идее многие исследователи-гуманитарии видят основное достижение К. Шеннона и У. Уивера. Так, в работах О. Л. Гнатюк указывается, что «дисфункциональность в работе таких коммуникационных систем создают шумы... избыточность информации – основное средство преодоления шума и неэффективной коммуникации... сообщение, отправленное источником, и сообщение, достигнувшее адресата, имеют неодинаковое значение» [Гнатюк 2010, С. 195].

Преодоление проблем, связанных с воздействием шума, и, соответственно, поиск возможностей повышения эффективности коммуникации привели К. Шеннона и У. Уивера к необходимости включения

в исследование коммуникации ряда категорий: информации, энтропии, избыточности сообщения.

Действительно, когда речь идет о технических каналах коммуникации, создание избыточности представляется целесообразным, поскольку шум может быть измерен количеством потерянных элементов текста. К. Шеннон указывает, что «истинная поправка к количеству переданной информации равна той части этой информации, которая отсутствует в принятом сигнале, или иначе той неопределенности относительно переданного сигнала, которая имеет место, когда известен принятый сигнал» [Шеннон 1963, С. 277].

Следует отметить, что К. Шеннон и У. Уивер видели одну из задач исследования в измерении потерь, неизбежных в процессе передачи сигнала, и поиске способов их минимизации. Особое внимание в этой модели уделяется процессам кодирования и декодирования, состоящих в преобразовании некоторого идеального смысла в сознании адресанта в передаваемый сигнал и, наоборот, разворачивания переданного сигнала и приведение его к виду, доступному для восприятия и понимания адресанта.

В статье “Recent Developments in Communication Theory” К. Шеннон формулирует определение информации (как оговаривает сам автор, релевантного для инженера-связиста): «...с точки зрения передачи важным свойством информации является то, что каждое частное сообщение выбирается из некоторого множества возможных сообщений. Передаче подлежит одно из частных сообщений, выбранных источником информации. Первоначальное сообщение может быть восстановлено в пункте приема в том и только в том случае, когда передается именно такое однозначным образом выбранное сообщение. Таким образом, *информация в нашем смысле должна находиться в связи с понятием выбора из множества возможных исходов*» [Шеннон 1963, С. 405].

Однако неизбежным ограничением этой модели является ее линейность: в этой модели передача сигнала осуществляется только в одностороннем порядке без какой-либо корректировки передаваемого сообщения.

Специалисты, развивающие идеи К. Шеннона и У. Уивера, полагают, что однонаправленность, заложенная в модели, может быть преодолена за счет введения *обратной связи*, позволяющей корректировать и уточнять передаваемое сообщение.

Н. Винер предлагает следующую дефиницию: «...обратная связь есть метод управления системой путем включения в нее результатов предшествующего выполнения ею своих задач» [Винер 2003, С. 64]. При этом обратная связь, по мнению исследователя, может быть двух видов: простая обратная связь, или «цифровые данные для расчета системы и ее регулирования», напротив, обучаемость возникает тогда, когда на основе обратной связи происходит изменение общего метода и формы выполнения задачи [ibid]. Свою мысль исследователь комментирует следующим образом: «Обратная связь может быть столь же проста, как обратная связь без условного рефлекса, или она может быть обратной связью более высокого порядка, когда прошлый опыт используется не только для регулирования специфических движений, но также всей линии поведения, может представлять – и часть действительно представляет – то, что, с одной стороны, известно как условный рефлекс, с другой – как познание» [ibid, С. 43].

Важным условием обучаемости, по мнению Н. Винера, является постоянство организации, что «позволяет удерживать производимые внешними чувственными впечатлениями в качестве более или менее постоянных изменений структуры или функции» [ibid, С. 59].

В книге Р. Рида «Основы теории передачи информации» вводятся ключевые для понимания технических моделей коммуникации термины: «связь (communication) – процесс передачи информации между двумя или более точками... Точками, между которыми происходит обмен, могут быть люди, машины или терминалы под управлением операторов...» [Рид 2005, С. 15] и «информация – сообщение в виде электрического сигнала» [ibid, С. 22]. Следует отметить, что для Р. Рида важен фактор успешности (ср. «связь

– процесс успешной передачи информации между двумя или более точками» [ibid, С. 26]).

Поскольку процесс коммуникации описывается исключительно как технический процесс, в работе нет операционального определения информации (помимо приведенного выше) и пр. составляющих коммуникативного провеса, поскольку они понимаются как заданные априори.

Таким образом, технические модели коммуникации позволяют установить взаимозависимости между отдельными элементами (например, между сообщением и шумом) и измерить количество переданной и утраченной в процессе передачи информации. Очевидным ограничением этих моделей является пассивный характер источника и получателя информации, единственная функция которых состоит в трансляции сигнала. Помимо этого, содержательные параметры передаваемого сообщения являются нерелевантными и в модели не учитываются. Напротив, сообщение анализируется исключительно с точки зрения формы и представляется в виде последовательности символов (соотносимых с буквами или звуками естественного языка или с набором условных символов). Еще одно ограничение состоит в однонаправленном характере коммуникации и отсутствии взаимодействия между источником и получателем информации. Эти обстоятельства вынуждают констатировать неправомерность трансляции подобных моделей на сферу межличностной коммуникации без серьезной методологической обработки.

Однако некоторые идеи, высказанные специалистами в области технических наук, могут быть учтены при моделировании коммуникации как социального явления. Так, несомненно перспективным является центральный постулат кибернетики, сформулированный Н. Винером, согласно которому *внешние чувственные впечатления удерживаются только при условии постоянства организации, обеспечивающего более или менее устойчивое изменение структуры или функции.*

1.2.2. Моделирование коммуникации в философии

Первоисток философия осмысления коммуникации принято искать в трудах древнегреческих философов, среди которых особое место занимает Аристотель. Так, И. Э. Клюканов пишет о том, что «исток научного осмысления коммуникации (по крайней мере, в рамках западноевропейской традиции) чаще всего видят в «Риторике» Аристотеля» [Клюканов 2010, С. 33].

В трактате Аристотеля действительно указывается, что «речь складывается из трех элементов: из самого оратора, предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я понимаю слушателя)» [Аристотель 2000, С. 99]. Эту линейную последовательность «оратор – предмет речи (речь) – слушатель» зачастую интерпретируют как одну из первых моделей коммуникации. Далее модель усложняется за счет включения в нее дополнительных элементов: «логоса», или содержания; «пафоса», или душевных переживаний оратора, его эмоционального состояния, и «этоса», или комплекса качеств оратора, от которых зависит успешность речи.

Не требует специального обоснования тот факт, что в своем современном варианте коммуникация представляет собой гораздо более сложный исследовательский объект, нежели тот, с которым имел дело Аристотель. Многочисленные и разнообразные каналы, опосредующие коммуникацию (телефон, медиа, Интернет и пр.), новые форматы коммуникации (возможность оперирования как вербальными, так и невербальными кодами; применение графических и аудиальных средств наравне с традиционными вербальными символами), коммуникационные платформы, на которых одновременно может взаимодействовать

неограниченное число коммуникантов, привели к усложнению и собственно коммуникативного взаимодействия.

Философские концепции, в которых учитываются особенности современных форматов коммуникации, начали появляться в середине XX века. Одной из центральных концепций этого времени стала трансцендентальная прагматика К.-О. Апеля, в которой ставится «задача определить, при соблюдении каких условий возможна коммуникация» [Назарчук 2009, С. 26]. Основываясь на концепции Ч. Пирса, которую он видел как «программу семиотической трансформации трансцендентальной философии» [ibid, С. 30], К.-О. Апель формулирует основные положения собственной концепции, он идет по пути «ее *когнитивистского* обоснования, пытаюсь соединить кантовский принцип трансцендентальной рефлексии и принцип интерсубъективности (Курсив автора. – К. К.-Б.)» [Назарчук 1997]. Для К.-О. Апеля важен не лингвистический анализ употребления языка, а рефлексия языкового опыта и реконструкция его априорных структур [Назарчук 2009, С. 31]. К.-О. Апель обращается к теории речевых актов, чтобы «найти такие априорные коммуникативные структуры, которые одновременно служат фундаментом коммуникации и гарантируют консистентность дискурса» [ibid, С. 35].

К.-О. Апель формулирует следующий вопрос: «возможно ли задать и оправдать такую основную этическую норму, какая вменяла бы каждому индивиду в обязанность принципиально *стремиться* во всех практических вопросах к *обязывающей договоренности* с другими людьми и впоследствии *придерживаться достигнутого соглашения*, или, если это невозможно, как минимум действовать в духе предвосхищаемого соглашения?» (Курсив мой. – К. К.-Б.) [Апель 2001]. Отвечая на поставленный вопрос, К.-О. Апель вводит понятие «неограниченного коммуникативного сообщества», инкорпорирующего все нормы коммуникации, когда-либо применявшихся в сообществе людей. При этом К.-О. Апель исходит из реально действующих в повседневной жизни коммуникативных правил. Развивая логику своего

рассуждения, он отмечает, что в каждом акте коммуникации заложены правила, характерные для всего коммуникативного сообщества.

Таким образом, К.-О. Апель вводит следующее априори: «изначальную интерсубъективность сознания, невозможность соблюдения правил игры (философствования) в одиночку, которая открывает человеку смысл его бытия в мире» [Философия: энциклопедический словарь 2004, <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/articles/126/apel.htm>].

Исследователи полагают, что в философии К.-О. Апеля «коммуникация трактуется сугубо интеллектуалистично и рационалистично. Впрочем, рациональная форма коммуникации задает лишь рамки общения, в которые могут быть втиснуты самые разные содержания, в том числе те, которые определены эмоциональным, психологическим и материальным интересом» [Назарчук 2009, С. 37]. При этом К.-О. Апель занимался изучением аргументативного дискурса, в ходе которого могут быть рационально восприняты все интересы и спорные притязания людей. В этом подходе «аргументация понимается как происходящее по правилам коммуникативное действие, участники которого благодаря следованию правилам аргументации и процедурам «рационального очищения дискурса» стремятся воспроизвести ситуацию коммуникации в неограниченном сообществе участников коммуникации» [ibid, С. 42].

Несколько иной взгляд на природу коммуникации предлагается в *нормативистском подходе*, изложенном в трудах Ю. Хабермаса. Ю. Хабермас видел свою задачу в анализе условий и норм коммуникации, а не собственно изучении процесса передачи сообщений.

Основу философской концепции Ю. Хабермаса формируют идеи Дж. Мида, касающиеся интеракции между субъектами коммуникации. Описывая взаимодействие между животными, Дж. Мид указывает, что интеракция предполагает изменение реакции и поведения в ответ на какое-либо коммуникативное действие (в случае с животными, жест). Так, «через понимание другого, оно усваивает смысл собственных действий» [Назарчук

2009, С. 67]. Жесты могут приобретать символическую функцию, если «значимые для первого организма значения замещаются значениями, которые идентичны для обоих участников» [Habermas 1981, Р. 21]. В таком случае ответное действие уже представляет собой не реакцию, а ответ, и, следовательно, говорящий и слушающий усваивают коммуникативные роли.

Коммуникация, согласно Дж. Миду, опосредована сигнальной системой. При этом использование сигнального языка не может быть произвольным, поскольку для осуществления коммуникации в социальном контексте, говорящий должен знать наверняка, какую реакцию вызовет тот или иной сигнал. В связи с этим постулатом Дж. Мид вводит систему правил использования символов. А. В. Назарчук отмечает: «Достоинство теории Мида в том, что она реконструирует ситуацию коммуникативного взаимодействия не с позиции внешнего наблюдателя, а из перспективы участника. Константность значения в использовании тождественных символов должна быть не просто дана, а самостоятельно опознана участниками интеракции. Эта идентичность значения может быть гарантирована только intersубъективной значимостью правила, которое устанавливает значение языка “конвенционально”» [Назарчук 2009, С. 69-70].

Ю. Хабермас вводит понятие коммуникативного действия в книге “Theorie des kommunikativen Handelns” [Habermas 1981], которое определяется как «действие, ориентированное на достижение взаимопонимания и согласия; соотнесение ожиданий происходит на всех трех уровнях общественных интересов (знание, норма, интенция)» [Вербилович 2013]. Ю. Хабермас поясняет, что «если мы вообще понимаем действие как процесс овладения некоей ситуацией, то понятие коммуникативного действия наряду с телеологическим аспектом проведения в жизнь того или иного плана действий выделяет в этом процессе коммуникативный аспект совместного истолкования ситуации, и вообще, аспект достижения консенсуса» [Хабермас 2006, С. 201].

В работе «Моральное сознание и коммуникативное действие» он дорабатывает и уточняет теорию за счет введения ряда «концептуальных аспектов» действия. Так, «участники интеракции (по меньшей мере двое) могут координировать планы своих действий таким образом, чтобы Другой, не возбуждая конфликта и во всяком случае избегая риска прервать интеракцию, мог «соединить» свои действия с действиями Я» [Хабермас 2006, С. 199]. При ориентации на достижение успеха коммуниканты могут оказывать внешнее воздействие на понимание ситуации оппонентом, на его решения и мотивы (используя оружие, подкуп, угрозы и посулы). Альтернативный путь достижения согласия состоит в использовании коммуникативного действия, «когда акторы идут на то, чтобы внутренне согласовывать между собой планы своих действий и преследовать те или иные свои цели только при условии согласия относительно данной ситуации и ожидаемых последствий, которое или уже имеется между ними, или о нем еще только предстоит договориться» [ibid, С. 199-200].

Методологическую основу теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса формирует теория речевых актов. По мысли автора, ключевая задача теории речевых актов состоит в том, чтобы рассмотреть и классифицировать базовые единицы речи (высказывания) таким же образом, как лингвист рассматривает единицы языка (предложения). Ю. Хабермас поясняет, что цель реконструктивного анализа языка состоит в эксплицитном описании правил, которые должен освоить компетентный пользователь языка для того, чтобы выстраивать грамматически корректные предложения и использовать их корректным образом. Эта цель является общей для лингвистики и теории речевых актов. Однако в лингвистике подразумевается наличие имплицитного, реконструируемого знания, связанного с продуцированием предложений, а в теории речевых актов постулируется коммуникативная компетенция, связанная с использованием предложений в речевых актах. При этом специально оговаривается, что коммуникативная

компетенция является такой же универсалией, как и языковая компетенция [Habermas 1979, P. 26].

Развивая теорию речевых актов, философ вводит три универсальных *притязания на значимость*: притязания на истину, притязания на правильность и притязания на правдивость [Хабермас 2006, С. 204]. Он говорит, что «в установке, ориентированной на взаимопонимание, говорящий каждым своим членораздельным высказыванием выдвигает притязание на то, что: произнесенное высказывание истинно (т.е. предпосылки существования указанного пропозиционального содержания соответствуют действительности); с учетом данного нормативного контекста речевое действие правильно (т.е., что легитимен сам нормативный контекст, которому оно подчинено); и в манифестируемой речевой интенции подразумевается то же, что и выражается явно» [ibid].

Следует особо оговорить, что для в концепции коммуникативного действия Ю. Хабермаса условием достижения взаимопонимания является наличие у участников интеракции общих убеждений. Он отмечает, что «процессы взаимопонимания нацелены на достижение согласия, которое зависит от рационально мотивированного одобрения содержания того или иного высказывания. Согласия невозможно навязать другой стороне извне, к нему нельзя обязать соперника, манипулируя им: то, что *явным образом* производится путем внешнего воздействия нельзя *считать* согласием...» [Хабермас 2006, С. 200-201].

Таким образом, Ю. Хабермас постулирует активность обоих участников коммуникации, реализующуюся в согласовании позиций. В этом, собственно, и состоит отличие стратегического действия от коммуникативного: стратегическое общение предполагает учет выгоды каждого из участников коммуникативного взаимодействия, степень удовлетворения интересов участников взаимодействия; напротив, коммуникативное действие ориентировано на внутреннее согласование [ibid, С. 199-200]. Автор книги «Теория коммуникации в современной философии» объясняет эту мысль

Ю. Хабермаса следующим образом: «Действуя стратегически, индивид рассматривает других действующих лиц просто как часть окружающей среды, в которую он вторгается, преследуя свою цель» [Назарчук 2009, С. 81].

Модель коммуникации, построенная Ю. Хабермасом, представляет собой коммуникацию, в которой грамматические предложения встроены, через универсальные притязания на значимость, в три типа отношений к реальности. В соответствии с этой моделью язык следует расценивать как среду, в которой объединяются три мира, а каждое успешное коммуникативное действие предполагает трехкомпонентное отношение между высказыванием и (а) внешним миром как совокупностью реальных ситуаций; (б) социальным миром как совокупностью нормативных межличностных отношений, которые считаются приемлемыми в данном обществе и (в) внутренним миром говорящего как совокупностью целенаправленного опыта [Habermas 1979, P. 67].

В схематичном виде Ю. Хабермас представляет свою модель коммуникации следующим образом:

Domains of Reality	Modes of Communication: Basic Attitudes	Validity Claims	General Functions of Speech
"The" World of External Nature	Cognitive: Objectivating Attitude	Truth	Representation of Facts
"Our" World of Society	Interanctive: Conformative Attitude	Rightness	Establishment of Legitimate Interpersonal relations
"My" World of Internal Nature	Expressive: Expressive Attitude	Truthfulness	Disclosure of Speaker's Subjectivity
Language	-	Comprehensibility	-

Таблица 1.1. Модель коммуникации по: [Habermas 1979, P. 68]

Еще одна теория коммуникации, которая, как правило, рассматривается в контексте философских учений коммуникации, была разработана социологом Н. Луманом. Н. Луман последовательно выстраивает теорию социальной системы в контексте общей системной теории, поэтому рассмотрение понятия коммуникации в его интерпретации целесообразно

начать с изложения представлений ученого о системной теории. В книге «Введение в системную теорию» Н. Луман вводит понятие системы через описание отношения к тому, чем она не является: «Теория, если она хочет быть системной теорией, начинается с различия системы и окружающего мира» [Луман 2007а, С. 69]. А в книге «Социальные системы» содержится следующая мысль: «Одним из важнейших следствий из парадигмы система / окружающий мир является то, что нужно различать окружающий мир системы и систему в окружающем мире данной системы» [Луман 2007б, С. 43]. Для Н. Лумана принципиально важно то, что различие системы и среды возникает из того, что одна операция порождает следующую операцию того же типа [Луман 2007а, С. 79]. Эту мысль социолог заимствует в теории аутопоэза (аутопойэзиса – Термин автора. – К. К.-Б.) – биологической теории, которая легла в основу его собственной системной теории. Разъясняя этот тезис, Н. Луман пишет следующее: «Прежде всего я думаю, что таким образом можно хорошо описать биологию живых существ, если предварительно узнать из современных биохимических теорий, что жизнь есть однократное биохимическое изобретение. Это определенная циркулярная структура или, если использовать терминологию Матураны, аутопойэзис, циркулярное самовоспроизводство. В один прекрасный день такая операция циркулярного типа была запущена – по причинам, которые уже не известны и которые можно установить, только уже будучи живым существом; затем в результате эволюции развилось многообразие форм этого типа операции, и вот теперь есть червяки, змеи, люди и всевозможные другие формы на базе по сути одного и того же – с точки зрения химии – типа операции» [ibid, С. 79-80].

Далее Н. Луман предпринимает попытку перенести этот эволюционный принцип на социальные системы: социальная система возможна только тогда, когда из коммуникации возникает коммуникация [ibid, С. 80].

Таким образом, коммуникация определяется в теории Н. Лумана как специфическая операция, «в ходе которой происходит перераспределение знания и незнания, а не связь или передача информации» [Назарчук 2009,

С. 113]. Н. Луман предостерегает против использования метафоры «переноса» («коммуникация переносит сообщения или информацию от отправителя к получателю» [Луман 2007б, С. 195]), поясняя это следующим образом: «Метафора переноса помещает суть коммуникации в акт переноса, в сообщение. Она направляет внимание к сообщающему и требует его умений. Однако сообщение есть не что иное, как предложение сделать выбор, есть побуждение. Лишь благодаря тому, что это побуждение подхватывается, возникает возбуждение, происходит коммуникация» [ibid, С. 195-196].

По мнению социолога, коммуникация – избирательное событие. При этом избирательность коммуникации поясняется через понятие информации, поскольку информация предполагает отбор из ряда возможностей. «Без данной избирательности информации не шел бы какой-либо коммуникативный процесс (сколь бы малой не была новизна обмена сообщениями при том, что коммуникация ведется лишь ради нее самой, ради голого заполнения пустот общего бытия). Кроме того, кто-то должен выбирать поведение, которым сообщается эта информация» [ibid, С. 197].

Таким образом, коммуникация представляет собой «трехзвенное единство», включающее избирательность информации, отбор сообщения, ожидание принятия в результате отбора. «Сообщение должно дублировать информацию, т.е., с одной стороны, оставлять ее вовне, с другой стороны, использовать для сообщения и придавать ей вторую форму, пригодную для этого, например, языковую (и смотря по обстоятельствам, устную, письменную и др.)» [ibid, С. 199]. Иными словами, сообщение не эквивалентно информации. Еще один значимый компонент коммуникации – понимание как вид обработки информации, в котором «коммуникация реализуется как автопоэтический процесс» [Назарчук 2009, С. 129].

Объединение этих трех составляющих в одном «акте внимания» Н. Луман называет кодированием. Для Н. Лумана важно разграничение кодированных и некодированных ситуаций: кодированные события

действуют в коммуникативном процессе как информация, а некодированные – как помехи.

Н. Луман отмечает, что *«коммуникация не может быть наблюдаема непосредственно, а может быть лишь раскрыта*. Поэтому, чтобы быть доступной наблюдению, либо наблюдать себя, коммуникативная система должна быть обозначена как система действия» (Курсив автора. – К. К.-Б.) [Луман 2007б, С. 226]. При этом *«лишь через встраивание понимания действия в коммуникативное событие коммуникация асимметризируется*, лишь благодаря этому она приобретает направленность от отправляющего к принимающему сообщению. Которая может оборачиваться лишь вследствие того, что принимающий в свою очередь начинает что-то сообщать и, таким образом, действовать» [ibid].

Теория Н. Лумана направлена на изучение социальных систем, однако он не может исключить из рассмотрения понятие сознания: «В отношении структурной сопряженности социальных и психических систем основной тезис, вероятно, заключается в том, что социальные системы сопряжены только с сознанием и ни с чем иным, что, таким образом, коммуникация может быть полностью независимой от того, что происходит в мире, как образуются атомы и молекулы, как дуют ветра и как ураганы хлещут море, или как выглядят буквы, или как шумы складываются в слова. Все это не играет никакой роли: значимо только то, что опосредовано сознанием. А сознание – это, конечно, то, что способно воспринимать» [ibid, С. 281].

Самоорганизация является ключевым признаком социального действия и в социологической теории Т. Парсонса [Шюц 2021]. По мнению американского социолога, «социальная система, как и все живые системы, является в основе своей открытой системой, вовлеченной в процессы обмена (или «отношения входа–выхода») со своей средой, а также сама образуется из обменов между ее внутренними единицами» [Парсонс 2008, С. 43]. При этом социальная система является комплексной системой, способной к самоорганизации и саморазвитию.

Социальное действие возникает тогда, когда у деятеля имеется требующая удовлетворения потребность и благодаря его способности к ориентации: идентификации и классификации элементов среды (когнитивная ориентация); определению тех компонентов среды, которые необходимы для удовлетворения именно этой потребности (катектическая ориентация) и соотнесению выделенных компонентов среды с формами удовлетворения его потребности (оценочная ориентация). Социальное действие обязательно подчиняется определенным символическим (через культуру и язык) и нормативным (через социальные нормы и правила поведения) регуляторным механизмам [Шюс 2021].

Следует отметить, что теория социального действия была разработана Т. Парсонсом примерно за 10 лет до публикации программных трудов У. Матураны и Фр. Варелы. Однако он оперирует интерпретативными категориями теории систем и в целом применяет постулаты теории систем к анализу системы социальной. Н. Луман, безусловно, был знаком с концепцией чилийских биологов: он оперирует именно биологическим термином – автопойезис, понимая под автопойезисом способность системы к репродукции составляющих ее элементов.

Таким образом, в построениях философов (и социологов) XX века коммуникация исследуется в контексте изучения функционирования социума. Общее понимание коммуникации состоит в видении ее как связующей материи, организующего начала социума, предполагающего включение членов этого общества в канву коммуникативного взаимодействия. При этом коммуникация рассматривается в двух ракурсах: как подчиняющийся определенным правилам и нормам процесс взаимодействия участников, знакомых с правилами и следующих им для обеспечения взаимопонимания и оптимизации совместной деятельности (К.-О. Апель, Ю. Хабермас, Л. Витгенштейн, Э. Кассирер и др.), или как специфическая операция, опосредующая эволюцию социума (Н. Луман).

При этом коммуникация не моделируется, а описывается в контексте описания социальной системы. При всей стройности и значимости этих философских построений, они, однако, не ориентированы на изучение сущности коммуникативного взаимодействия, поэтому представленные в них рассуждения о коммуникации имеют вес только в контексте общей социальной теории. Более того, в этих теориях не формулируется определение коммуникации (понятие считается известным *a priori*). Только в работах Н. Лумана указывается, что «в данной модели интересно то, что она обходится одним-единственным типом операции. При этом сейчас можно было бы много сказать о том, что подразумевается под “коммуникацией”, т.е. такое понятие “коммуникации” мы используем» [Луман 2007а, С. 80-81]. Однако следует оговорить, что модель, конструируемая Н. Луманом, – модель социальной системы, в которой коммуникация является конституирующим звеном.

Эти философские концепции формируют теоретическую основу многих исследований коммуникации в современной науке. В частности, в учебной литературе по теории коммуникации приводятся отдельные положения теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса (см. [Гавра 2011]), а в работах по социологии делаются ссылки на аутопоэтическую теорию общества Н. Лумана (см. [Конецкая 1997]).

1.2.3. Моделирование коммуникации в социологии

Первые исследования коммуникации в социологической науке связаны со становлением массовой коммуникации, посредством которой появился новый формат распространения информации: от знающего меньшинства к неосведомленному большинству. Особенности этого формата состояли, в частности, в новых возможностях оказания речевого воздействия на широкие массы.

В связи с этим основной постулат, лежащий в основе американских исследований, состоит в признании возможности формирования и поддержания устойчивых общественно-политических представлений граждан через манипулирование языковыми знаками. При этом авторы по-разному оценивают потенциал такого манипулирования.

Так, теория Г. Лассуэлла строится на предположении о возможности оказания фактически неограниченного воздействия на общественное сознание через каналы массовой информации. Исследователь говорит о пассивности аудитории, принимающей и усваивающей любую поступающую информацию [Lasswell 1927]. Этот принцип лег в основание модели коммуникации, разработанной Г. Лассуэллом и изложенной им в статье «Структура и функции коммуникации в обществе» в сборнике «Коммуникация идей» в 1948 г. Исследователь представлял модель в виде пяти “W” (five w’s): Who says? – What says? – In which channel? – To whom? – With what effect?

Каждый элемент модели Г. Лассуэлла составляет самостоятельную область анализа коммуникационного процесса: изучение коммуникатора (Who says?); анализ содержания сообщения (What says?); изучение средств коммуникации (In which channel?); исследование аудитории (To whom?); измерение эффективности коммуникации (With what effect?) [Lasswell 2013].

Допущение, что СМИ способны оказывать безграничное воздействие на общественное сознание, подвергается критике в трудах П. Лазарсфельда, Б. Берельсона и Э. Кэмпбэлла. Этой исследовательской группой разрабатывается двухступенчатая модель коммуникации, согласно которой воздействие массовой коммуникации на индивида является опосредованным и ограничено коммуникацией в микрогруппе, в которую входит представитель социума. Лидеры общественного мнения, или самые активные участники микрогруппы, являются основными реципиентами информации и выступают посредниками при ее передаче пассивным членам [Lazarsfeld 1944; Campbell 1960].

Э. Кацем, учеником П. Лазарсфельда, разрабатывается альтернативная модель массовой коммуникации, в которой индивид задействует систему фильтров, принимая и воспринимая только те сообщения, которые отвечают его потребностям [Katz 1966]. В этой модели очевидна активная роль конечного адресата, осуществляющего сознательный отбор информации.

Все исследования этого направления связаны с изучением массовой коммуникации и политической пропаганды. Материалом анализа выступают предвыборные кампании политиков первого эшелона, а эффективность рассмотренных инструментов воздействия на массового адресата проверяется результатами голосования.

Модели, построенные в этих исследованиях, являются однонаправленными и линейными, что обусловлено спецификой анализируемого материала. Это модели субъектно-объектного взаимодействия, направленные прежде всего на описание возможностей речевого воздействия через каналы массовой информации.

Напротив, модели, разрабатываемые психологами, описывают механизм взаимодействия в межличностной коммуникации и ориентированы на простые бытовые коммуникативные акты. Наиболее известные из них представлены в следующем параграфе.

1.2.4. Моделирование коммуникации в психологии

Описание психологических подходов к анализу коммуникации следует начать с указания на то, что наравне с моделями коммуникативного взаимодействия (ср. работы Т. Ньюкомба и Г. Малецке) психологами разрабатываются подходы, в которых намечаются пути выхода за пределы субъектно-субъектных / субъектно-объектных моделей коммуникации: речь идет о моделировании коммуникативной личности, коммуникативного поведения, коммуникативного сознания и коммуникативной компетенции.

Первое направление исследований представлено, в частности, социально-психологической концепцией Т. Ньюкомба. Развивая мысль

Ф. Гейдера о когнитивном балансе, или тенденции к симметрии отношения к объекту, которые актер ассоциирует друг с другом в «отношениях единств» («developing propositions about cognitive "balance," or a hypothesized tendency toward symmetry in feelings about objects that the actor cognitively associates with one another in "unit relations"») (Перевод мой. – К. К.-Б.) [Converse 1994 / <http://www.nap.edu/read/4547/chapter/15#329>]), он формулирует свою модель коммуникации, которая была впервые представлена в статье «An Approach to the Study of Communicative Acts» [Newcomb 1953]. Модель Т. Ньюкомба отвечает на вопросы о том, что заставляет индивида вступать в коммуникативное взаимодействие, определяется ли коммуникация отношениями между субъектами, каковы психологические эффекты коммуникации. По мнению исследователя, отношения между субъектами А и В может быть описано в терминах позитивного или негативного отношения к некоторому разделяемому ими (внешнему) объекту Х. Эти составляющие формируют АВХ систему, поскольку между ними имеется взаимообусловленность, или движение к симметрии. Графически модель, разработанная Т. Ньюкомбом, изображается в виде треугольника, в углах которого размещаются субъекты коммуникации А и В и объект коммуникации Х. Вступление в коммуникацию предваряется формированием системы аттитюдов А к В, В к А, А к Х и В к Х, которые могут быть как позитивными, так и негативными.

Коммуникация в модели Т. Ньюкомба представляет собой постоянное стремление к симметрии, которая достигается тогда, когда аттитюды субъектов коммуникации в отношении обсуждаемого объекта совпадают. При этом субъекты коммуникации ориентированы на то, чтобы в результате коммуникативного взаимодействия достичь симметрии, что обусловлено рядом социально-психологических факторов: с одной стороны, благодаря симметрии участники имеют возможность прогнозировать поведение собеседника, поскольку предсказуемость позволяет экономить усилие; с другой стороны, симметрия подкрепляет самооценку каждого из участников

общения, так как понимание логики развития коммуникации и поведения других участников взаимодействия создает более комфортные условия для коммуникантов на основе известных исходных ориентиров.

Близкое решение проблемы социального взаимодействия было предложено в теории «когнитивного диссонанса» Л. Фестингера. Согласно этой теории, получая новую информацию, субъект начинает испытывать чувство дискомфорта, которое выводит его из состояния равновесия и мотивирует к началу поиска информации [Фестингер 1999].

Факторная модель массовой коммуникации Г. Малецке включает цепочку «коммуникатор – сообщение – средство распространения – реципиент», в которой устанавливается ряд «коммуникативных зависимостей». В целом эта модель является развитием моделей К. Шеннона – У. Уивера и Г. Лассуэлла, однако Г. Малецке уделяет большое внимание психологическим факторам: личности коммуниканта, его самовосприятию, социальной среде и пр. При этом в модели, по мнению исследователя, особенно значим канал распространения информации, именно применительно к каналу рассматриваются возможности оказания давления и принуждения (см. [Чихарев 2015]).

Изучение коммуникативной личности в значительной степени опирается на известную модель языковой личности Ю. Н. Караулова [Караулов 1999; 2000; 2004], в которую включены частично пересекающиеся лексикон, грамматикон, семантикон и прагматикон. Каждый из них соотносится с уровнями языковой личности. Ассоциативно-семантический уровень составляют разнообразные лексические и грамматические средства, которые были ранее использованы в речевой деятельности языковой личности. Когнитивный уровень характеризует картину мира, свойственную языковой личности. На мотивационном уровне учитываются коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности, движущие ею мотивы, установки и цели [Караулов 2004, С. 87].

Ассоциативно-семантическая сеть охватывает лексикон и семантикон целиком, а грамматикон и прагматикон частично. Коммуникативная сеть охватывает прагматикон и грамматикон полностью, а лексикон и семантикон частично. Тезаурус отражает знания индивида о мире и частично включает в себя все «поля» в структуре языковой личности.

Эта модель получила широкое распространение и адаптировалась другими исследователями с учетом разных коммуникативных контекстов (например, вторичная языковая личность И. И. Халеевой или коммуникативная личность, описанная в трудах В. Б. Кашкина, В. П. Конечкой и др.).

В работах В. Б. Кашкина предлагается следующая дефиниция: *коммуникативная личность* – «совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации как коммуникативная компетенция индивида, его «коммуникативный паспорт», «визитная карточка». Коммуникативная личность – содержание центр и единство коммуникативных актов, которые направлены на другие коммуникативные личности, – коммуникативный деятель» [Кашкин 2000, С. 127]. В трудах В. И. Карасика объясняется, что коммуникативная личность – это «языковая личность в условиях общения» [Карасик 2002, С. 70]. Совокупность признаков коммуникативной личности может быть рассмотрена в ценностном, понятийном и поведенческом аспектах. И далее исследователь разъясняет, что ценностный аспект связан с нормами поведения, закрепленными в языке; понятийный аспект позволяет установить типы общения (перформативная коммуникация, для которой характерна стандартность, vs. креативная коммуникация, характеризующаяся «относительной свободой языкового знака, возможностью неоднозначного осмысления, высокой контекстной зависимостью, актуализацией внутренней формы знака и фасцинативностью плана выражения знака»); поведенческий аспект – проявление коммуникативной личности в речевых действиях, в

анализе которых учитываются мотивы, цели, стратегии и способы их реализации [ibid, С. 19-70].

Модель коммуникативной личности на основе учета мотивационного (наличие коммуникационной потребности), когнитивного (накопленный познавательный опыт) и функционального (владение языковыми и речевыми средствами, знание норм речевого поведения и умение подстраиваться под конкретные коммуникативные условия) параметров представлена в работах В. П. Конецкой. По мнению исследователя, коммуникативная личность – «одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью ее индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью ее коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией – умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации» [Конечкая 1997, С. 169].

В последние несколько десятилетий о коммуникативной личности говорят много [Кашкин 2000; Карасик 2002; Прохоров 2011; Афанасьева 2016 и др.], однако чаще акцентируются коммуникативные потенции человека говорящего, когнитивные и языковые возможности субъекта коммуникации, но не реальная коммуникация в реальных социальных контекстах. В связи с этим следует констатировать сравнительно ограниченный функционал подобных построений.

Аналогичные ограничения накладываются на исследования коммуникативного поведения, коммуникативного сознания и коммуникативной компетенции. Приведем дефиниции из работ [Прохоров 2011] и [Hymes 1972]: «*Коммуникативное поведение* – это поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума» [ibid, С. 42]; «*Коммуникативное сознание* – устойчивая совокупность мыслительных категорий, отражающих нормы, правила и

традиции, обеспечивающие коммуникативное поведение (нации, группы, личности)» [ibid, С. 44]; *коммуникативная компетенция* – «внутреннее знание ситуационной уместности языка; способность, позволяющая быть участником речевой деятельности» ([Hymes 1972], русс. пер. цит. по [Красильникова 2009, С. 180]).

К. Ф. Седов указывает на отсутствие четкой дифференциации указанных научных понятий: «На правах частичных синонимов учеными используются обозначения: языковая (речевая, коммуникативная) личность; языковое (речевое, коммуникативное) сознание; языковое (речевое, коммуникативное) поведение; языковая (речевая) деятельность; а также коммуникативная компетенция (индивида, личности, человека); идиостиль; речевой (языковой, коммуникативный) портрет и мн. др.» [Седов 2008, С. 12]. Действительно, говорить о наличии достаточного и необходимого числа параметров научного объекта в случае с этими понятиями затруднительно, поскольку дефиниции имеют значительные зоны пересечения, дифференциальные признаки не выделены, а в ряде случаев возникают логические круги, когда одно понятие определяется через другое.

1.2.5. Общие принципы построения моделей коммуникации в лингвистической науке (лингвистические, социолингвистические, психолингвистические модели)

Коммуникативные исследования составляют одно из актуальных направлений лингвистической науки и представлены разработками в области социолингвистики, психолингвистики, лингвопрагматики, дискурс-анализа и других отраслей современного языковедения.

Исследование коммуникации является одним из приоритетных направлений социолингвистики и в значительной степени развивается под влиянием идей Э. Дюркгейма, И. Гофмана, Г. П. Грайса, Дж. Гамперца и др. Специфика социолингвистического подхода заключается в изучении коммуникации в контексте коммуникативной ситуации, в структуру которой

входят: «1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим и связанная с этим 4) тональность общения; 5) цель; 6) средство общения; 7) способ общения; 8) место общения» [Беликов 2001, С. 61]. При этом задача исследователя видится в анализе отдельных составляющих коммуникативного акта и поиске их возможных соотношений (что позволяет разработать дискретную модель).

Становление психолингвистики в ее американском ассоцианистском варианте (направления, сформировавшегося под руководством Ч. Осгуда) связано с попыткой описать и алгоритмизировать коммуникацию как процесс межличностного взаимодействия в социальном контексте. В работах психолингвистов «первого поколения», чьи взгляды в значительной степени определялись бихевиористской традицией и математической теорией связи, речевая деятельность считается возможной только в человеческом общении как определенной форме социального общения [Пищальникова 2005, с. 25]. С учетом этого психолингвистика определяется как «научная дисциплина, которая исследует процессы кодирования и декодирования сообщений, совершающихся в условиях коммуникативного акта» [ibid]. При этом коммуникация носит реактивный характер, а субъект коммуникации является пассивным.

Психолингвисты «второго поколения» Дж. Миллер и Н. Хомский разрабатывают алгоритм преобразования врожденных глубинных ментальных структур в поверхностные лингвистические структуры на основе конечного числа трансформаций, применимых к структурам глубинного уровня. Дж. Миллер предпринимает попытку экспериментальной верификации разных этапов этого алгоритма (в конечном итоге не подтвердившая генеративный принцип, введенный Н. Хомским).

Научное осмысление коммуникативного взаимодействия составляет значительную часть предметной области и отечественного варианта психолингвистики (теории речевой деятельности), сформировавшегося на базе общепсихологической теории деятельности (Л. С. Выготский,

С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия и др.) и деятельностных концепций в лингвистике. В сущности, фактически все центральные проблемы отечественной психолингвистики связаны с анализом коммуникации.

В отечественной психолингвистике, методологической основой которой является общепсихологическая теория деятельности, учитывается континуальность как сущностное свойство коммуникации. С этих позиций коммуникация предстает как система речевых действий, «сущность которых обнаруживается при соотнесении структуры и элементов речевого высказывания с содержанием, мотивом и формой деятельности индивида» [Пищальникова 2005, С. 131]. Таким образом, изучение речевой деятельности человека осуществляется на основе анализа ее мотива и выделения в ней действий и операций. При этом «если последовательно применять деятельностный принцип к анализу речи, то человеческую речь следует признать системой речевых действий, включенных в иную деятельность как специфическое средство для решения неречевых задач коммуникантов» [ibid, С. 132].

Согласно одному из центральных постулатов отечественной психолингвистики, именно речевая деятельность обуславливает формирование сознания индивида и иерархизацию его компонентов. «Язык при этом рассматривается как средство обобщения ментальных образов, возникающих в деятельности... Язык фиксирует и актуализирует для индивида познанное, запечатленное другими... Пользуясь языком, индивид пользуется выработанными до него, готовыми формами осознания, познания определенных реалий» [ibid, С. 134]. Эти формы, тем не менее, перерабатываются в личном опыте и фиксируются в индивидуальном сознании в виде субъективных образов. Для объяснения этой особенности функционирования сознания используется известная диада «психологическое значение — личностный смысл», предложенная и обоснованная, как уже отмечалось, А. Н. Леонтьевым [Леонтьев 1975].

Применяя эти категории к анализу коммуникации, исследователь имеет возможность на основе анализа языковых знаков (в той или иной степени репрезентирующих психологические значения) и мотивов коммуникантов изучать то, каким образом выстраивается иерархия личностных смыслов продуцента и реципиента речевого произведения. Проблема такого подхода заключается, однако, в том, что психологическое значение и личностный смысл не операциональны. Ранее мы уже отмечали, что без должной операционализации этих категориальных единиц исследователь может интерпретировать процесс коммуникации, но не моделировать его.

Следует также отметить, что в ряде научных работ последних лет наблюдается определенный крен, в результате которого в центре внимания ученого оказывается категория языкового сознания, а анализ языкового материала сводится к выявлению средств вербальной репрезентации того или иного фрагмента языкового сознания. При этом основные постулаты теории речевой деятельности прописываются в теоретической части работы, но не находят отражения в эмпирическом исследовании.

В силу диверсификации проблемного поля психолингвистики в последние десятилетия изучение фундаментальной проблемы коммуникативного взаимодействия превращается в специфический контекст более точечных, частных исследований. Отчасти это вызвано постулируемым принципом эвристичности речевой деятельности, не предполагающим её алгоритмизацию и затрудняющим разработку исследовательского инструмента для анализа процессуальности и динамичности речи.

Как известно, инструментами лингвистики возможно установление роли вербальной составляющей в коммуникативном взаимодействии, анализ прагматических аспектов коммуникации, изучение факторов, определяющих степень соответствия между содержанием речевой деятельности говорящего и его пониманием слушающим, и пр.

Для демонстрации возможностей применения разных исследовательских инструментов, разработанных в современном

языковедении, для анализа феномена коммуникации, и, следовательно, разных принципов конструирования исследовательского объекта был проанализирован фрагмент политической коммуникации, представленной в телевизионных политических дебатах «К барьеру!» (Выпуск №139. Б. Немцов vs К. Затулин. Фрагмент второй схватки: с 29 мин. 15 сек. до 31 мин. 17 сек.)

Константин ЗАГУЛИН: Вы все время путаете роли. Если вы задаете вопрос, я отвечаю, наоборот, я вас послушаю. Так вот, что касается цветных телевизоров и вообще того, куда идут деньги в России. Мы вами депутаты Государственной думы, мы с вами будем утверждать бюджет, у вас будет полная возможность задать вопрос, куда делись цветные телевизоры и должны ли они были распределять доходы от цен на нефть, продаваемых или газ, продаваемых на Украину в виде цветных телевизоров или в виде чего-нибудь другого?

Александр ЛЕБЕДЕВ: Слабоватый ответ. А в пятницу. Всю пятницу я буду вынужден по инициативе Затулина обсуждать резолюцию по Украине вместо того, чтобы заниматься своими внутренними российскими проблемами, пенсионерами, бюджетниками, вместо этого, все три года только принимаем резолюцию. Что происходит там в Эстонии, в Литве, в Абхазии. Может быть это специальная политика, чтобы заниматься такой бестолковой детальностью.

Константин ЗАГУЛИН: Дорогой депутат, не хочется мне вас в этом отношении как-то будучи членом одной корпорации, не хочется мне вас упрекать. Но вы, мне кажется.

Александр ЛЕБЕДЕВ: Ну какой член одной корпорации.

Константин ЗАГУЛИН: Ну не федеральной резервной по крайней мере. Я имею в виду Государственную думу, чтобы вы не запутались. Так вот, я вам хочу сказать, вы не переживайте на счет своего, дайте я отвечу, не переживайте на счет своей работы в думе, вас там просто нет, вас там не видно. Вы туда не ходите.

ВЕДУЩИЙ: У вас больше вопросов нет?

Александр ЛЕБЕДЕВ: Есть, почему.

ВЕДУЩИЙ: Тогда можно их задать уже.

Александр ЛЕБЕДЕВ: Конечно.

Константин ЗАГУЛИН: И если можно, про Украину.

Александр ЛЕБЕДЕВ: Затулин любит приводить пример, что мы с Украиной братский народ, безусловно, это так и есть, тогда нас можно уподобить двум семьям, которые имеют между собой добрые отношения и живущим на одной лестничной клетке. И вдруг я живу в одной семье, а в соседней Затулин. Вдруг он начинает ко мне ходить, и говорить, слушай, старик, не так с женой спишь, не так детей воспитываешь, ешь не то. Я бы ему не только визу бы не дал, я бы его с лестницы спустил, откровенно говоря.

ВЕДУЩИЙ: Есть проблема, Затулин был чемпионом в МГУ по самбо. Может не спуститься с лестницы.

Применение принципов моделирования коммуникации, разработанных в технических науках и в той или иной вариации осевших в ряде гуманитарных наук, позволяет говорить о наличии в этом образце коммуникации следующих элементов:

- на разных этапах взаимодействия А. Лебедев, ведущий (В. Соловьев) и К. Затулин выступают в роли источника (адресанта, говорящего) или получателя (адресата, слушающего) сообщения;
- сообщение каждый раз транслируется от источника к получателю; иными словами, данный коммуникативный фрагмент составляет 12 отдельных речевых действий (=реплик);
- контекст коммуникации задается ситуацией публичного официального общения с ориентацией на широкую аудиторию;
- в анализ необходимо включить шумы, а именно аплодирующую аудиторию, накладывающиеся друг на друга реплики, поскольку участники общения перебивают друг друга: так, реплика А. Лебедева *Ну какой член одной корпорации* перекрывается предшествующей и последующей репликами К. Затулина, и последняя реплика ведущего *Есть проблема, Затулин был чемпионом в МГУ по самбо. Может не спуститься с лестницы* произносится одновременно с репликами других коммуникантов.

Дальнейший анализ состоит в изучении различных узлов выстроенной модели фрагмента коммуникации и оценке значимости отдельных составляющих модели.

Как известно, дискурсивный анализ ориентирован на выявление социального контекста, стоящего за устной / письменной речью, установление взаимосвязи между языком и социальным контекстом (см. [Прокошенкова 2006]). В работах Т. ван Дейка поясняется, что «дискурс в широком смысле есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте» [Дейк 1998 / <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>]. Таким образом, предполагается, что понимание речевого сообщения достигается за счет понимания ситуации. В работах профильных специалистов вводится понятие ситуационной модели, являющейся основой интерпретации текста, поскольку в результате активации соответствующих участков ситуационной модели

адресат понимает имплицитные фрагменты текста. Так, в приведенном выше примере участники коммуникации ориентируются на ситуационные модели в интерпретации адресованных им речевых сообщений. Широкая аудитория устанавливает связи между отдельными репликами также ориентируясь на ситуационную модель [Дейк 1989].

Некоторые исследователи коммуникации отдают предпочтение диаде *коммуникативная стратегия – коммуникативная тактика*. В работах В. Б. Кашкина представлена дефиниция: коммуникативная стратегия – «часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных или невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели» [Кашкин 2000, С. 14]. Коммуникативная тактика определяется как «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [Клюев 2002, С. 21]. Участники публичной коммуникации, представленной в анализируемом фрагменте, задействуют кооперативную и конфликтную стратегии, стратегию самопрезентации, стратегию театральности и пр., которые, в свою очередь, представлены рядом частных тактик.

Отдельные перечни стратегий и тактик разрабатываются применительно к разным типам дискурса (рекламному (Ю. К. Пирогова), политическому (Е. И. Шейгал), академическому (И. П. Хутыз) и др.). К анализируемому фрагменту применима классификация, разработанная О. Л. Михалевой [Михалева 2009]: стратегия на повышение (тактика анализ – «плюс», тактика презентации, отвод критики), стратегия на понижение (тактика анализ – «минус», тактика обвинения, тактика безличного обвинения, тактика обличения, тактика оскорбления, тактика угрозы) и стратегия театральности (тактика побуждения, тактика размежевания, тактика обещания).

Прагматический подход к анализу политических дебатов предполагает, в частности, применение теории речевых актов, разработанной логиками Дж. Остином и Дж. Серлем [Новое в зарубежной лингвистике 1986]. В применении к представленному фрагменту коммуникации возможна оценка

иллокутивной силы реплик участников общения. Так, представляется, что реплика К. Затулина *Так вот, я вам хочу сказать, вы не переживайте на счет своего, дайте я отвечу, не переживайте на счет своей работы в думе, вас там просто нет, вас там не видно. Вы туда не ходите* обладает высокой иллокутивной силой в силу крайне высокой степени агрессии и очевидно критических комментариев в адрес собеседника. Высокая иллокутивная сила высказываний К. Затулина подтверждается и итогами голосования, в котором он одержал победу над Б. Немцовым с значительным перевесом.

Описание речевого поведения говорящего и слушающего возможно с опорой на исследовательскую схему, разработанную Т. Г. Винокур. Так, исследователь указывает на то, что для участников диалога «языковой отбор... в известной мере несвободен: он структурно, содержательно и экспрессивно определен составом каждой предыдущей реплики» [Винокур 2009, С. 85]. В работе рассматриваются модели речевого поведения говорящего и слушающего, наблюдаемые в разных коммуникативных ситуациях, и предлагаются интерпретации наблюдаемого речевого поведения в зависимости от коммуникативного намерения говорящего, социального контекста речевого взаимодействия и пр. факторов. Как представляется, предложенный автором алгоритм анализа применим и к приведенному выше фрагменту политических дебатов.

Безусловно, в гуманитарных науках (и особенно в лингвистике) подобная множественность описаний приветствуется. В одном и том же комплексном феномене выделяются разные грани, каждый раз позволяющие предложить новое научное описание, казалось бы, хорошо изученного явления. Однако в случае с коммуникацией ситуация несколько иная: дело в том, что в представленных выше и многих других подходах не учитывается сущностное свойство коммуникации – ее *континуальность* (или непрерывность, отсутствие квантованности – деления на фрагменты). В ряде направлений, напротив, целенаправленно конструируется дискретный исследовательский объект (как, например, в механистическом подходе).

В связи с этим в современной науке безусловно актуальны систематизация и осмысление опыта теоретического и эмпирического исследования коммуникации, формирование единой теоретической и методологической основы изучения коммуникации и анализ возможностей конструирования *нового междисциплинарного объекта*. Пользуясь принципом конструирования исследовательского объекта, введенным Ф. де Соссюром, мы предпринимаем попытку конструирования междисциплинарного исследовательского объекта. Принципы конструирования динамической модели коммуникации и её разработанная модель представлены во второй главе работы.

Выводы ПО ГЛАВЕ 1

Первый этап научного анализа того или иного феномена заключается в конструировании исследовательского объекта за счет установления его сущностных параметров, на изучение которых будет направлено научное исследование. Количество и иерархия таких параметров, в частности, зависит от возможностей, открываемых научной областью и парадигмой, к которой принадлежит ученый.

Обзор теоретических источников, в которых так или иначе освещается коммуникативная проблематика, позволяет говорить о разных гранях этого феномена, открывающихся для исследователя при использовании разных исследовательских инструментов.

В результате анализа дефиниций коммуникации, тиражируемых в современной научной и учебной литературе, были идентифицированы актуальные для исследователей параметры, среди которых особенно релевантны: (1) коммуникация как *связь / взаимодействие / движение*; (2) коммуникация как *передача информации / реакция* на внешнее воздействие / *обработка* полученного сигнала / *понимание* реципиентом сообщения,

отправленного адресантом; (3) коммуникация как передача *информации / знаков / смыслов / сообщений / сигналов*; (4) коммуникация как взаимодействие *между двумя и более субъектами / субъектом и объектом*. В ряде дефиниций одновременно эксплицируется несколько аспектов, что позволяет говорить о некоторой условности данного деления.

Суммируя результаты проведенного анализа, мы определили совокупность существенных признаков коммуникации: *направленность* коммуникативного взаимодействия между субъектами / объектами социального взаимодействия (ср. позицию Г. Лассуэлла, согласно которой коммуникация – процесс убеждения, или кибернетику Н. Винера, где коммуникация представляется как процесс управления); *активность* субъекта и объекта коммуникации (ср. «обратную связь» в механистическом толковании коммуникации, активность реципиента в исследованиях массовой коммуникации, психолингвистическое моделирование речевой деятельности и пр.); наличие *содержания*, для описания и интерпретации которого используются понятия «информация», «смысл», «эмоциональное воздействие», «ценность» и пр.; *знаковый* характер коммуникации. Представленный перечень существенных признаков коммуникации традиционно является основой конструирования этого научного объекта.

Синкретичность феномена коммуникации, допускающая выделение разного количества релевантных признаков и выстраивание разной их иерархии, приводит к тому, что исследователи идентифицируют те признаки коммуникации, которые возможно анализировать имеющимися у них в арсенале научными инструментами, и отфильтровывают те признаки, которые не поддаются анализу в рамках определенной научной парадигмы. Важным следствием этого является отсутствие единой теоретико-методологической исследовательской платформы.

Другим следствием синкретичности коммуникации как исследовательского объекта выступает необходимость специфического моделирования. Поскольку моделирование позволяет создавать упрощенную

копию сложного феномена, изоморфную этому феномену, с учетом значимых для исследователя характеристик, при конструировании модели коммуникации возможно идентифицировать перечень релевантных для исследователя свойств коммуникации, и, следовательно, моделирование в данном случае выступает единственным надежным инструментом изучения этого комплексного процесса.

Моделирование коммуникации может происходить с учетом таких ее особенностей, как передача информации (технический подход), взаимодействие двух участников коммуникативного взаимодействия (психологический подход), социальное взаимодействие, направленное на организацию совместной деятельности (социологический подход), наличие вербальной канвы (собственно лингвистический подход) и др. Экспликация каждого из перечисленных параметров легла в основу известных моделей коммуникации (ср. механистические модели К. Шеннона и У. Уивера, Н. Винера, Р. Рида, философские описания коммуникации в трудах К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса, Дж. Мида; коммуникация в социологическом преломлении в работах Н. Лумана, Т. Парсонса и др.; модели массовой коммуникации Г. Лассуэлла, П. Лазарсфельда, Э. Каца и др.; психологический подход, представленный социально-психологической концепцией Т. Ньюкомба, теорией «когнитивного диссонанса» Л. Фестингера, факторной моделью массовой коммуникации Г. Малецке. Кроме того, психологами разрабатываются подходы, в которых предпринимается попытка выйти за пределы субъектно-субъектных / субъектно-объектных моделей коммуникации: речь идет о моделировании коммуникативной личности, коммуникативного поведения, коммуникативного сознания и коммуникативной компетенции (ср. подходы Ю. Н. Караулова, И. И. Халеевой, В. И. Карасика, К. Ф. Седова и др.).

Безусловно, коммуникативные исследования составляют одно из актуальных направлений лингвистической науки и представлены разработками в области социолингвистики, психолингвистики,

лингвопрагматики, дискурс-анализа и других отраслей современного языковедения.

Одним из наиболее перспективных направлений исследования коммуникации (и в целом построенном на иных основаниях) является отечественный вариант психолингвистики – теория речевой деятельности. Моделирование речевой деятельности человека инструментами психолингвистики происходит на основе учета континуальности коммуникации на основе анализа ее мотива и выделения в ней действий и операций. В результате речевой деятельности происходит структуризация сознания: пользуясь языком, индивид оперирует готовыми формами осознания и познания реалий, однако эти формы фиксируются в индивидуальном сознании в виде субъективных образов. Для описания этой специфики функционирования сознания используется известная диада «психологическое значение – личностный смысл» А. Н. Леонтьева, в разных вариациях «осевшая» в концепциях психологов и психолингвистов.

Следует, однако, отметить, что при всем объяснительном потенциале теории речевой деятельности интерпретативные категории, которыми она оперирует, представляют собой категории высокого уровня абстрактности, что не позволяет конструировать на их базе модели второго уровня.

В последнем параграфе первой главы представлены возможности известных лингвистических подходов в анализе коммуникации: дискурсивного подхода, коммуникативно-прагматического подхода (теории речевых актов, с опорой на понятия «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика» и др.), описание речевого поведения говорящего и слушающего с опорой на исследовательскую схему Т. Г. Винокур и др.

Однако при всем многообразии путей описания коммуникативного взаимодействия (специалисты насчитывают порядка 250 подходов) эти исследования отличаются точечностью, в них решаются частные вопросы и рассматриваются специфические формы коммуникации. При этом они не ориентированы на учет ряда сущностных свойств коммуникации, среди

которых наиболее значимым является ее *континуальность*. Как отмечает В. Б. Кашкин, «сам по себе коммуникативный процесс представляет собой континуум, непрерывное взаимодействие участников коммуникации. Однако в целях анализа и описания необходимо вычленять отдельные дискретные единицы – так уж устроено человеческое познание...» [Кашкин 2004, С. 35].

Во второй главе работы представлены некоторые исследования, направленные на комплексный анализ коммуникации, и представлены некоторые возможности разработки принципиально иных путей конструирования научного объекта и привлечения новых методов анализа.

ГЛАВА 2. АУТОПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ

Обзор теоретических построений в области исследования коммуникации, представленный в первой главе работы, продемонстрировал, что с помощью инструментов актуальных научных парадигм возможно решение ряда исследовательских задач, касающихся механизма коммуникативного взаимодействия, ролевых отношений актантов коммуникации, контекста коммуникативного взаимодействия и др. Однако исследователями обозначен и ряд нерешенных проблем, ответы на которые не могут быть получены в рамках существующих подходов. Так, И. Э. Клюканов отмечает, что в современной науке существует около 250 теорий коммуникации, однако они касаются преимущественно частных вопросов: коммуникации в малых группах, массовой коммуникации, теории речевого акта, теории информации, теории межличностной коммуникации и др. [Клюканов 2010]. Исследователь говорит о необходимости комплексного взгляда на коммуникацию и осмысления целостной природы коммуникации как явления и коммуникативистики как науки [ibid, С. 55]. В работах А. А. Залевской акцентируется, что «деятельностное начало» (а деятельностьная парадигма ориентирована на изучение именно речевых и, следовательно, коммуникативных процессов), часто заявляемое в формально психолингвистических исследованиях, является декларативным: «деятельностный бум», при котором «деятельностная» терминология использовалась конъюнктурно, в известной мере способствовал даже дискредитации теории, поскольку скрывал непонимание психолингвистической природы явлений [Залевская 2013].

Исследование коммуникации не может претендовать на комплексность, о которой говорит И. Э. Клюканов, без учета ряда сущностных признаков коммуникации: ее континуальности, знакового характера, полисемиотической

природы, статусно-ролевых и личностных характеристик участников и др. В ряде современных подходов, претендующих на междисциплинарность, предлагаются решения, в которых коммуникативное взаимодействие представляется как интегративный исследовательский объект: коммуникация как пространственно-временной континуум И. Э. Клюканова; модель принципиальной организации речемыслительного процесса А. А. Залевской; логико-лингвистическое описание коммуникативного взаимодействия в теории речевых актов Дж. Сёрля и Дж. Остина; речевая деятельность как самоорганизующаяся система (И. А. Герман) и некоторые др.

Анализ этих подходов позволяет оценить возможности разработки общей теории коммуникации и наметить перспективы научного осмысления коммуникации инструментами методологически иных научных направлений.

2.1. Перспективы научного осмысления коммуникации

2.1.1. Нетрадиционные исследования коммуникации

В последние десятилетия появляются исследования, авторы которых хотят выйти за пределы традиционных, общеизвестных толкований коммуникации (обзор таких подходов представлен в первой главе работы), эксплицировать те признаки, которые ранее оставались на периферии коммуникативных исследований, и построить новый интегративный исследовательский объект. Объяснительный потенциал таких работ высок, поскольку в них выстраиваются модели второго порядка, приложимые к обширному эмпирическому материалу.

Так, в трудах И. Э. Клюканова поэтапно выстраивается целостная концепция коммуникации (сперва применительно к межкультурному общению [Клюканов 1998; 1999], далее в отношении любой коммуникации [Клюканов 2010; 2018]). Стройная логика научного осмысления коммуникации как феномена и коммуникативистики как науки выстраивается

вокруг анализа известных традиций в исследовании коммуникативного взаимодействия, устранения ряда понятийных и терминологических неточностей (например, дифференциация понятий «общение» и «коммуникация») и экспликации релевантных для исследователя параметров коммуникации. При этом автор придерживается «эволюционного», а не «революционного» подхода в научном осмыслении коммуникации, поясняя, что «коммуникация и наше теоретическое ее осмысление не столько преобразуются (в результате революционных скачков), сколько образуются (в процессе постепенного развития)» [Клюканов 2010, С. 28] и подчеркивая, что «провозглашение «коммуникативной революции» в XX в. не должно означать, что до этого коммуникации (как и ее осмысления) не существовало» [ibid, С. 30].

В результате детального анализа парадигм и теоретических подходов к исследованию коммуникации автор определяет теоретические границы собственного исследования, заключая, что «построение новой модели коммуникации, с одной стороны, должно иметь интегративный целостный характер и рассматривать коммуникацию в качестве конститутивного процесса, а с другой – выявить основную динамику внутри самого этого процесса и установить ее меру» [ibid, С. 58].

В модели И. Э. Клюканова коммуникация представляет собой *пространственно-временной континуум* (это отражено в названиях программных трудов: [Клюканов 1998] [Клюканов 2010]), включающий четыре «эволюционных витка»: коммуникация как данность, как вызов; коммуникация как осознание Другого и себя; коммуникация как «сознание (действительного миропорядка, общего для Других и для себя)» [ibid, С. 131], как определенный миропорядок, задаваемый рядом критериев, норм и правил; коммуникация как «слияние» («влияние» в нее себя и Другого). С этих позиций коммуникация – процесс постоянных трансформаций значимого опыта, самоорганизующееся целое, универсум» [ibid.].

Исследователь отказывается от дискретизации модели, акцентируя ее континуальность, постоянную трансформацию. В коммуникацию, с позиций этого подхода, включаются именование тех объектов, которые не имеют имени, трансмиссия сообщений (передача сообщений во времени и пространстве), символичность (анализ говорящим того, почему сообщение оказывается непонятным для собеседника, почему опыт не воспринимается) и диалогичность (учет Другого в коммуникации).

Иные основания комплексного подхода представлены А. А. Залевской еще в 1977 г. [Залевская 1977] и не утратили актуальности сегодня.

Точкой отсчета в речевой деятельности индивида, по мысли автора, выступает внутренний / внешний пусковой момент, в который начинается процесс построения *образа результата действия*. Построение этого образа происходит на основе вероятностного прогнозирования, но определяется доминирующим мотивом.

Речемыслительный процесс раскладывается в указанной модели на ряд блоков и разделяющих их плоскостей, которые «*мыслятся как органически связанные друг с другом слои, или ярусы, единой информационной базы (памяти), из которой черпаются все необходимые для реализации соответствующих процессов единицы и стратегии оперирования ими*» (Выделено автором. – К. К.-Б.) [Залевская 2007, С. 356].

Для исследователя особенно значимо разграничение *процессов* (составляющие модель блоки) и *продуктов* (составляющие модель плоскости): ср. процесс построения образа результата действия -> продукт процесса построения образа результата действия: ОБРАЗ РЕЗУЛЬТАТА; процесс смыслового программирования речемыслительного действия -> продукт процесса смыслового программирования: СМЫСЛОВАЯ ПРОГРАММА и процесс реализации смысловой программы речемыслительного действия -> продукт процесса реализации смысловой программы речемыслительного действия: ВЫСКАЗЫВАНИЕ. Особо

подчеркивается, что до получения конечного результата имеется ряд промежуточных продуктов.

Автор акцентирует, что «дальнейшее развитие действия направляется положительным или отрицательным итогом сличения продукта деятельности с запросом на этот продукт» [ibid, С. 358]. На каждом этапе речемыслительного процесса присутствует множественный внутриуровневый и межуровневый контроль.

Важно то, что А. А. Залевская представляет порождение речи как процесс (а не как феномен): свойства субъекта соотносятся с параметрами действительности, влияющими на речепорождение, при этом выстраиваются разные иерархии этих параметров. В зависимости от выстроенной иерархии внешних факторов (параметров) возникает доминантный мотив, выступающий определяющим фактором в процессе речепорождения. Иными словами, мотив представляет собой момент, в котором отражается актуальная иерархия факторов. (Такое видение в полной мере согласуется с позицией У. Матураны, согласно которой коммуникация – это прежде всего взаимодействие субъекта со средой).

Для визуализации выстроенной модели А. А. Залевская использует следующую схему:

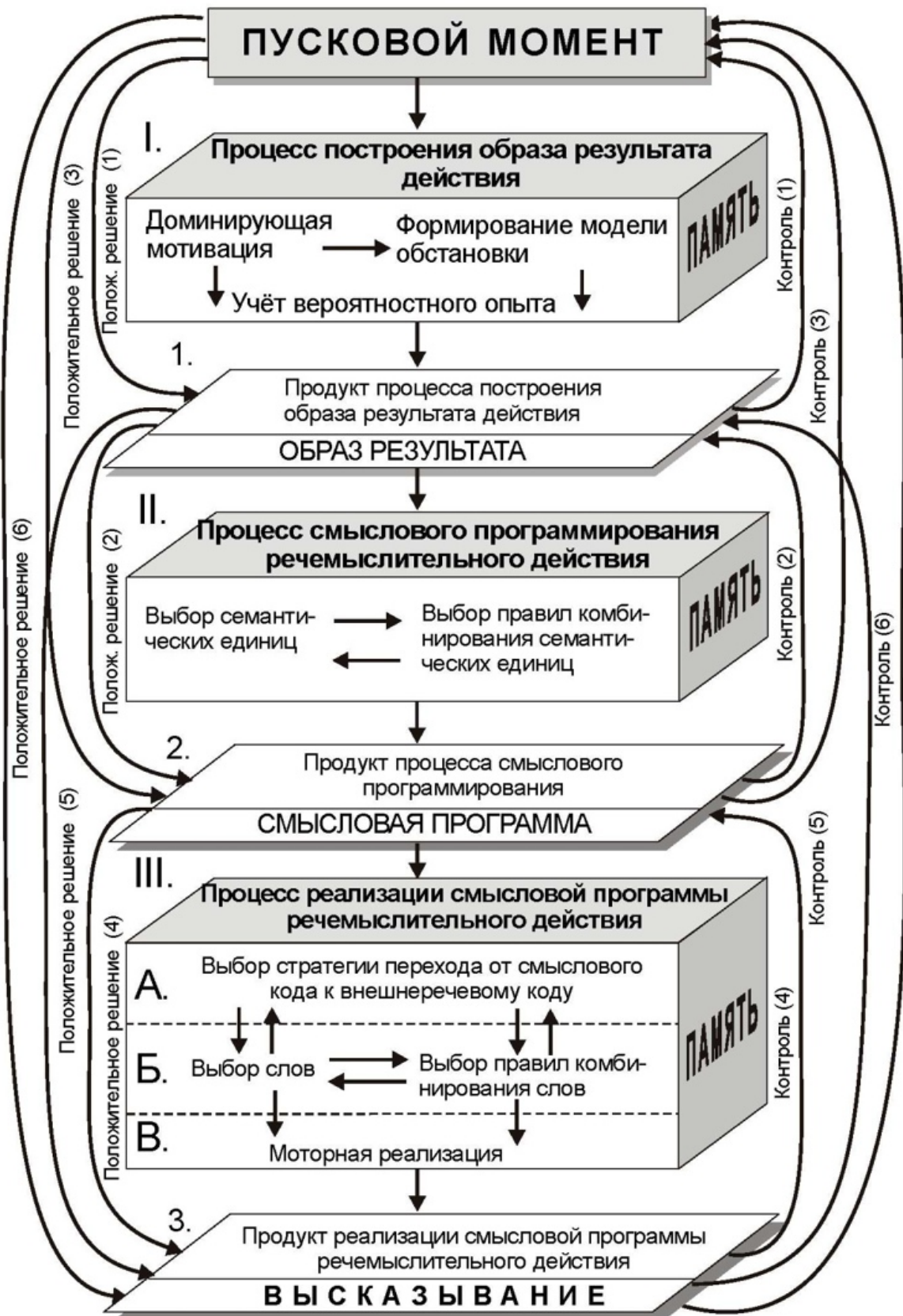

Рис. 2.1. Модель речемыслительного процесса А.А. Залевской [Залевская 2007]

Интенция, или намеренность действия также заложена в теории речевых актов Дж. Сёрля и Дж. Остина [Новое в зарубежной лингвистике 1986]. Классифицируя речевые акты (единицы коммуникации), авторы теории учитывают внешние обстоятельства, условия порождения речевого акта (социальные нормы, коммуникативный контекст, определяющие характер реализации коммуникативного намерения говорящего). Особенно явно эта зависимость представлена в типологии Дж. Остина: ср. локутивный уровень как собственно оформление высказывания средствами языка с иллокутивным уровнем как реализацией говорящим коммуникативного намерения и перлокутивным уровнем как оказанием воздействия на адресата.

Описанные подходы реализованы моделями второго уровня, представляющими собой исследовательский инструмент, который применим к анализу и эмпирического материала. Такие модели задают схему анализа на основе учета логических, семиотических или психолингвистических параметров коммуникативного взаимодействия.

2.1.2. Континуальность как сущностное свойство коммуникации

Традиционно считается, что языковедение находится в привилегированном положении по отношению к другим областям научного знания в силу того, что лингвистические теории и направления не отрицают хронологически более ранние подходы, а скорее, развивают и дополняют их (в отличие от точных и естественных наук). Другая тенденция, ставшая определяющей для формирования лингвистики, – ее проницаемость для «внешнего» научного знания. Эти возможности были в полной мере реализованы в середине XX в., когда охвативший гуманитарные науки антропоцентрический сдвиг спровоцировал «выход» ученых-лингвистов за пределы языка как имманентного объекта и определил интерес к смежным научным областям, что, естественно, привело к формированию новых

исследовательских парадигм и адаптации в лингвистике новых методов научного изучения объекта. Благодаря этому в арсенале современного исследователя имеется обширный инструментарий для решения фактически любой языковедческой задачи. Однако за несколько столетий своего существования лингвистическая наука накопила столько понятий, методов и инструментов анализа, что ее метаязык перестал представлять собой стройную систему описания, многие термины приобрели размытые, «зонтичные» значения, которые, скорее, препятствуют точному лингвистическому анализу, нежели способствуют ему. Так, не имеют единого толкования такие ключевые для лингвистики понятия, как *дискурс*, *текст*, *коммуникация*, *картина мира*, *концепт* и многие др.

Поскольку современный этап развития языковедческой науки характеризуется определенной переоценкой важнейших постулатов и формированием новой исследовательской парадигмы, именно сейчас предпринимаются попытки скоординировать традиционные взгляды на сущность основополагающих языковых/речевых феноменов и данные, полученные в результате многочисленных междисциплинарных исследований. Благодаря введению в анализ системы фильтров (по аналогии с подходом Ф. де Соссюра) у ученых-лингвистов появляется возможность построить исследовательские модели, обладающие достаточной объяснительной силой и опирающиеся на систему четко определенных терминов и неконфликтующих понятий.

Среди языковых/речевых феноменов, на изучение которых традиционно была ориентирована лингвистика, особое место занимает *коммуникация*, часто определяемая как «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д. ...характеризуются главным образом функционированием языка» [ЛЭС / <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/kommunikatsiia/267>].

Исследование коммуникации является одним из приоритетных направлений социолингвистики и в значительной степени развивается под влиянием идей Э. Дюркгейма, И. Гофмана, Г. П. Грайса, Дж. Гамперца и др.

Однако коммуникация как процесс межличностного взаимодействия, в ходе которого происходят определенные изменения участников общения, специальному рассмотрению не подвергалась.

Между тем континуальность, безусловно, представляет собой сущностное свойство коммуникации и не может исключаться из рассмотрения. Так, В. Б. Кашкин указывает на то, что коммуникация представляет собой континуальное явление, «континуум, непрерывное взаимодействие участников коммуникации» [Кашкин 2004, С. 35], И. Э. Клюканов моделирует коммуникацию как пространственно-временной континуум [Клюканов 2010], А. А. Залевская акцентирует динамический характер коммуникации за счет введения в модель вероятностного компонента (вероятность выбора того или иного сценария в процессе речепорождения) и контроля как постоянного сличения собственной речемыслительной деятельности с образом результата [Залевская 2007]. В работе [Кравченко 2013] вводится диада: *linguaging – language*: «язык как деятельность (*linguaging*) – это, прежде всего, совместная деятельность членов социума, направленная на поддержание гомеостатической системы «биологический вид – среда». Язык как продукт этой совместной деятельности (*language*) – это та система ориентиров, которая весьма определенным образом влияет на характер и пределы человеческого познания, и которая играет самую непосредственную роль в формировании индивида как субъекта, познающего мир и себя в этом мире» [*ibid*, С. 305]. При этом континуальность коммуникации очевидным образом заложена и в первом, и во втором компоненте этой диады.

В связи с этим представляется целесообразным представить рассуждения о континуальном характере коммуникации и оценить возможность учета свойства континуальности в исследовании коммуникативного взаимодействия.

Так, в философии континуальность определяется как «непрерывность, отсутствие лакун, квантованности, разделенности на фрагменты, переход

одного в другое» [Кикель 2008 / <https://terme.ru/termin/kontinualnost.html>]. Как известно, континуальность противопоставляется дискретности, или прерывности, разделенности процесса на несколько стабильных состояний.

Как правило, логика научного анализа предполагает дискретизацию континуального объекта, фиксацию некоторого стабильного состояния в определенный временной момент (ср. фиксация определенного состояния языковой системы на определенном этапе ее развития при синхронном изучении языка; модели коммуникации, фиксирующие определенный момент реализации коммуникации). Следует отметить, что дискретизация зачастую сводится к идентификации стабильных компонентов в континуальном объекте и описанию определенного их соотношения (ср. включение адресанта, адресата, сообщения и пр. дискретных компонентов в модели коммуникации) (см. [Бобра 2007]).

Однако при том, что такие модели удобны в использовании, они неизбежно предлагают упрощенный взгляд на сущность континуального феномена. Континуальность же в таких моделях констатируется, но не проблематизируется.

Термин «континуальность» иногда ставится в параллель с терминами «процессуальность», «динамика» и «эволюция». Однако, как представляется, эти термины необходимо дифференцировать

Так, *процессуальность* отражает развитие некоторого феномена, последовательную смену его состояний, при которой происходит изменение свойств этого явления. В философских трудах довольно часто говорится о процессуальности бытия: ср. «Высочайшим завоеванием человечества... признаётся мысль о том, что всё бытие обнаруживает себя как процесс... Такая установка интенционально была направлена на выработку совокупности (системы) категорий, выражающих онтологическую процессуальность, или историчность бытия. Речь идёт о категориях движения, развития, деятельности, творчества, к которым в последнее время добавлена категория игры...» [Прохоров 2016, С. 321].

Под *эволюцией* понимается естественный процесс развития, в результате которого происходит приспособление (адаптация) к внешним условиям, а *динамика* подразумевает изменение поведения во времени. В теории систем под динамикой системы понимают изменение поведения сложной системы с течением времени в зависимости от структуры элементов системы и характера взаимодействия между ними.

В некоторых работах также упоминается историчность: «Несколькими годами позже Маркс ведь обратил внимание ... на то, что *историчность* является основной характеристикой всякого бытия. <...> лишь позже наукой будет доказано, что необратимый (то есть исторический) процесс является формой движения и сущностью всякого бытия» [Лукач 1991, С. 137].

Нельзя не отметить значительную зону пересечения этих философских категорий, обуславливающую их неизбежно недифференцированное использование. Однако применительно к феномену коммуникации можно говорить именно о континуальности как о ее сущностном свойстве (на важность учета свойства континуальности при рассмотрении коммуникации указывают и некоторые лингвисты – см., например: [Тивьяева 2018а; 2018б]). Безусловно, коммуникация может характеризоваться и как процесс, равно как можно говорить о динамике и эволюции в коммуникативном взаимодействии. Тем не менее, именно континуальность представляет собой сущностное свойство коммуникации, поэтому в рамках настоящего диссертационного исследования основное внимание уделяется континуальности коммуникативного взаимодействия.

2.2. Теория систем в осмыслении континуальных явлений

В начале XX века была разработана научная и методологическая концепция исследования системных объектов – общая теория систем Л. фон Берталанфи. В основе её лежит постулат об изоморфизме законов, определяющих функционирование системных объектов. Это позволяет изучать разноприродные явления, отвлекаясь от частных особенностей, учитывая только формальные связи между элементами, составляющими эти явления, и характер изменений в этих системах под влиянием внешних условий.

Л. фон Берталанфи полагал, что общая теория систем является отражением свойственных XX веку изменений в научных представлениях, согласно которым предметом научного анализа выступает организация; изучение этого предмета требует введения многих переменных; мир видится как множество разнородных и несводимых одна к другой сфер реальности, в которых действуют изоморфные законы (на фоне отказа от механицизма); благодаря такому изоморфизму возможно построение единой науки.

Считается, что основным достижением Л. фон Берталанфи является дифференциация двух типов систем: закрытого и открытого типа. Закрытыми, или непроницаемыми для внешнего воздействия являются физические системы (материя в них не проникает и ими не выделяется). Напротив, живые системы открыты, поскольку для жизнедеятельности им необходим постоянный обмен материей с окружающим пространством, количество и вид которой задается свойствами этой системы. Таким образом организмы получают дополнительную энергию и достигают негэнтропии, что, в свою очередь, обеспечивает устойчивость системы по отношению к среде. Л. фон Берталанфи и его коллеги разработали инструменты для анализа функционирования открытых систем: в каждый момент времени описывается отклонение от конечного состояния, к которому система стремится.

В середине XX века появились другие подходы к построению общей теории систем (М. Месарович, Р. Акофф, Ф. Эмери, А. Розенблют, Н. Винер, Л. Заде, Д. Клир, Р. Калман и др.), направленные на разработку единой логико-концептуальной основы системных исследований. В это же время были сформулированы широкое и узкое толкования теории систем.

Как указывают М. Месарович и Я. Такахара, одним из важнейших преимуществ общей теории систем является ее междисциплинарность: «общая теория систем предоставляет язык для междисциплинарного обмена научными результатами, поскольку она достаточно обща для того, чтобы не вносить своих собственных ограничений, и в то же время в силу своей строгости она устраняет возможность весьма опасных разночтений» [Месарович 1978, С. 13].

Философскую основу теории систем формирует перспективизм, центральным положением которого является постулат о том, действительность определяется качествами исследующего ее индивида в силу конечности и ограниченности человеческого мышления, познания и действий.

Системный подход лежит в основе исследований в области нейрофизиологии. Именно в этой плоскости разработано учение о доминанте А. А. Ухтомского. Под доминантой исследователь понимает временно господствующую направленность рефлекторного поведения в ближайшей среде. Доминанта способна подавлять активность других нервных центров, подчиняя все поведение организма одному господствующему рефлексу (группе рефлексов). До момента разрешения потребности доминанта будет сохраняться и удерживаться [Ухтомский 1950].

Идеи А. А. Ухтомского позже легли в основу теории саморегулирующихся систем П. К. Анохина. На основе многолетних наблюдений за пациентами П. К. Анохин приходит к выводу, что свойством функциональной системы является способность к саморегуляции и самокоррекции. Иными словами, части функциональной системы складываются в динамическое функциональное объединение для обеспечения

приспособительной деятельности. При этом автор говорит о значимости постоянной обратной связи о приспособительном результате [Анохин 1980].

В науке второй половины XX века сформировалось несколько значимых направлений общей теории систем, среди которых центральная роль, безусловно, отводится синергетике. Как известно, синергетика ориентирована на изучение общих закономерностей и принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации в разных физических, химических, биологических, социальных и пр. системах. Самоорганизация, или временно возникающие упорядоченные пространственно-временные структуры систем, лежит в основе их эволюции. Самоорганизация, таким образом, является объяснительным принципом эволюции Вселенной: возникновение порядка из хаоса, понимаемого как потенциально существующую сверхсложную упорядоченность, способную проявиться в многообразии упорядоченных структур (см. [Князева 1994; Пригожин 1985; 1986] и др.).

Общая методологическая основа, задаваемая синергетикой, применялась к анализу разных исследовательских объектов, в том числе к лингвистическому.

Как отмечает И. А. Герман, «необходимо выявление универсалий, обнаруживающих общие свойства у систем, принципиально обладающих генетической и функциональной самостоятельностью, но в норме функционирующих в единстве и обеспечивающих речесмыслопорождение и коммуникацию» [Герман 2000, С. 32]. Далее автор говорит о перспективности переложения идей синергетики на изучение лингвистического объекта, а именно представлений об открытости, нелинейности, диссипативности систем. С этих позиций *«речевая деятельность может быть рассмотрена как существенно нестабильная, пульсирующая структура»* (курсив автора. – К. К.-Б.) [ibid, С. 54].

Дифференцируя собственно речесмыслопорождение и наблюдение этого процесса, И. А. Герман указывает на то, что «"синергетический эффект" как порождение системы смыслов в концептуальной системе реципиента не

равен обнаружению этих компонентов в анализе. “Синергетический эффект” должен рассматриваться как реальный психосоматический процесс. Обнаружение же смыслового инварианта этого процесса – аналитический поиск определенного переходного момента в саморегуляции системы» [ibid, С. 64].

Синергетический подход лежит в основе ряда философских исследований и представлен в трудах В. Г. Буданова, В. И. Аршинова, В. В. Тарасенко, Е. Н. Князевой и др. [Синергетическая парадигма... 2011; Аршинов 2009; 2012; Князева 2014 и др.]. Выступая на научном семинаре института философии РАН, В. И. Аршинов отметил: «Все эти направления (синергетика и аутопоэзис – К. К-Б.) как бы не очень замечали друг друга, но между ними чувствовалось определенное сродство. Это притягивало, ставило меня перед какой-то проблемой, загадкой, которую надо было обязательно разгадать и понять» [Феномен человека... 2009, С. 111].

Действительно, в фокусе внимания этих подходов оказывается динамическая система, эволюция которой определяется ее неустойчивостью, но постоянным стремлением к устойчивости. Различается объяснительный принцип, лежащий в основе эволюционных процессов: синергетика имеет физическую основу, аутопоэз – биологическую. Однако параллель очевидна. Более того, поскольку эти пути развития общей теории систем наметились фактически одновременно, У. Матурана был хорошо знаком с синергетической парадигмой.

Методологическую основу нашего исследования составляет аутопоэтическая теория, которая, как представляется, особенно перспективна в изучении коммуникационных процессов. В следующем разделе рассмотрены основные положения этой теории.

2.3. Теория аутопозза: ключевые категории и постулаты

Многообразие путей описания связано с тем, что коммуникация является одним из наиболее сложных исследовательских объектов: во-первых, перед учеными стоит проблема формулирования дефиниции, отражающей сущностные свойства коммуникации; во-вторых, ставится проблема определения единицы коммуникации; в-третьих, проблемную область представляет моделирование механизма коммуникативного взаимодействия, что, в свою очередь, требует привлечения (и разработки) новых, нетривиальных экспериментальных методов. И это далеко не полный перечень проблем, с которыми сталкивается исследователь.

Как известно, общепринятая точка зрения на коммуникацию состоит в рассмотрении ее как наблюдаемого со стороны явления. Так, в большинстве имеющихся на сегодняшний день работ коммуникация рассматривается исключительно **как явление на индивидуальном уровне**, обслуживающее и обеспечивающее функционирование любых социальных систем.

Этот взгляд на коммуникативное взаимодействие заложен в одном из наиболее широко цитируемых определений, приведенном в Лингвистическом энциклопедическом словаре, где подчеркивается, что коммуникация – это «специфическая форма взаимодействия людей», состоящая в «обмене мыслями, сведениями, идеями» [ЛЭС / <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/kommunikatsiia/267>].

Среди ученых, чьи имена традиционно связываются с таким видением коммуникации, можно назвать специалистов в области технических наук, психологии, философии, социологии и лингвистики (К. Шеннон и У. Уивер, Н. Винер, М. Дефлюер, К. Черри, У. Шрамм и Ч. Осгуд, Ю. Хабермас, Р. Якобсон, В.П. Конецкая и др.). В полном соответствии с этим видением были построены все широко цитируемые модели коммуникации. Эти модели – один из путей рассмотрения научного объекта. Важно также то, что в их основе лежит система четких и непротиворечивых параметров, а

следовательно, они имеют высокий объяснительный потенциал. Они признаны и широко применяются для анализа коммуникационных процессов в отечественной и зарубежной науке. Однако позволяют ли они создавать полноценные описания коммуникации, осуществляемой человеком?

По итогам наблюдения за коммуникацией пчел, муравьев, птиц, приматов и других животных биолог предлагает некоторое описание и интерпретацию, зная, что он ограничен позицией стороннего наблюдателя. Однако в известных моделях межличностной коммуникации, в сущности, исследователь в равной степени ограничен позицией наблюдателя. Иными словами, использование вышеприведенных моделей предполагает наличие особого исследовательского вектора рассмотрения оторванной от ученого коммуникации.

Как представляется, сложность изучения феномена коммуникации связана с имманентной ей континуальностью. В дискретных лингвистических моделях коммуникацию «препарируют» и описывают ее отдельные компоненты и их частные взаимодействия, но сущностное свойство коммуникации – ее континуальность – из фокуса внимания исчезает. Таким образом, разработка дискретной модели для описания собственно коммуникативного взаимодействия представляется бесперспективной. **Такую модель следует строить на основаниях, отличных от тех, на которые традиционно опирается языковедение.**

Из известных на сегодняшний день исследований, в которых предпринимается попытка описать межличностное коммуникативное взаимодействие с учетом активной роли субъекта коммуникации, можно назвать теорию речевых актов (разработанную Дж. Остином и уточненную в 60-70-х годах Дж. Сёрлем – см.: [Новое в зарубежной лингвистике 1986]) и, возможно, недавнее исследование группы психологов Института психологии РАН, основное внимание в котором уделяется алгоритмизации и анализу частотности реализации мотивов коммуникантов в разных ситуациях общения (на основе метода интен-анализа) [Дискурс в современном мире:

психологические исследования 2011]. Однако в этих исследованиях не ставится задача моделирования коммуникативного взаимодействия как междисциплинарного объекта.

Как представляется, междисциплинарный исследовательский объект может быть выстроен при рассмотрении коммуникации как **функции субъекта социального взаимодействия**. Возможность реализации данной функции обеспечивается речевой деятельностью как **свойством** этого субъекта.

В качестве методологической основы такого подхода мы выбрали аутопоэтическую теорию (аутопоэз, аутопойезис), основные положения которой были разработаны во второй половине XX века биологами У. Матураной и Фр. Варелой и представлены в программных трудах этих ученых: [Maturana 1978; 1980a; 1980b; Матурана 1995; 2001].

В данной теории живые существа, в том числе человек, рассматриваются как самоорганизующиеся системы, вся жизнедеятельность которых направлена на поддержание собственной организации.

В центре внимания исследователя оказывается, таким образом, **живая система**, рассматриваемая как «сеть процессов производства, трансформации и деструкции компонентов, которые необходимы для непрерывного поддержания самих этих процессов и которые в совокупности предстают в качестве отдельного локализованного в среде объекта, в рамках которого эти процессы реализуются» [Матурана 1995, С. 79]. Иными словами, живая система – это образование, имеющее временные и пространственные границы и ориентированное на предотвращение любой деструкции и поддержание самоорганизации. Исходя из приведенной выше дефиниции, простое перечисление атрибутов живой системы (ее физических и биологических характеристик) менее релевантно, чем изучение активного характера ее деятельности (тех потенций, которые могут актуализироваться в деятельности) (см. [Сонин 2006]).

Вслед за авторами аутопоэтической теории мы дифференцируем организацию и структуру живой системы. Так, организация позволяет отнести живую систему к конкретному классу сложных объектов, поскольку это своего рода инвариант, в который входят основные способы выстраивания внутренних отношений между элементами этой живой системы [Maturana 1978, Р. 31]. Иными словами, это отдельный биологический вид как совокупность подобных живых систем с однотипным строением.

Но живая система – это не статичное образование, в ней постоянно происходит переструктурирование, усложнение / упрощение ее структуры в результате подстраивания к условиям существования в процессе жизнедеятельности. Эти изменения авторы аутопоэтической теории называют структурой, или соотношением актуализированных компонентов системы в определенный момент ее существования [ibid, Р. 32-33].

В связи с этим структура живой системы претерпевает постоянные изменения, но при этом система не утрачивает целостность, поскольку организация обеспечивает сохранение идентичности этой живой системы.

Вторым ключевым понятием теории аутопоэза является понятие среды, трактуемое как «область всех возможных взаимодействий группы объектов, ...задаваемая свойствами этих объектов» [ibid, Р. 33]. Здесь важно отметить, что среда понимается принципиально иначе, чем в традиционных направлениях гуманитарных и естественных наук (\neq объективная действительность, контекст, ситуация общения). С позиции аутопоэза среда представляет собой выстраиваемую живой системой область взаимодействия, характеристики которой определяются соотношением свойств этой живой системы. В связи с этим можно констатировать, что среды живых систем, обладающих разной организацией, не совпадают (ср. среду человека / кошки / таракана – даже пребывая в одном физическом пространстве они выстраивают разные среды, поскольку количество идентифицируемых ими средовых факторов не может совпадать в силу их принципиально разной организации).

Таким образом, фундаментальными принципами теории аутопоэза выступают **эволюционный характер и имманентная континуальность живой системы и среды.**

Поскольку жизнедеятельность системы реализуется через постоянное взаимодействие (коммуникацию) с конструируемой ею средой, любой объект, с которым контактирует живая система является частью среды, или средовым фактором. В результате этого происходит **онтогенетическая адаптация**, т.е. **сопряжение изменяющейся структуры пластичной самоорганизующейся живой системы с изменяющейся структурой среды.**

Следовательно, если две живые системы вступают во взаимодействия, они воспринимают друг друга как элемент среды наравне с другими средовыми факторами. Исходя из этого, говорить о том, что происходит взаимодействие между двумя живыми системами, возможно только пребывая в позиции наблюдателя. У. Матурана уделяет особое внимание позиции наблюдателя, поясняя, что при этом из рассмотрения исчезает ряд релевантных параметров (эта мысль также поддерживается и развивается далее в работах В. И. Аршинова).

Как представляется, применение аутопоэтической теории открывает новые перспективы изучения коммуникации, поскольку в фокусе исследования оказывается именно субъект социальной коммуникации, обладающий определенным набором адаптационных свойств, во многом детерминирующим характер общения. Он рассматривается в эволюционном аспекте с учетом методологически важных для анализа коммуникации свойств систем: самоорганизации, адаптивности и структурной пластичности.

Междисциплинарный подход требует и нового интерпретативного аппарата, позволяющего адекватно целям исследования представлять факторы, приводящие к континуальности коммуникации. Так, термином, обладающим бóльшей объяснительной силой по сравнению с «ситуацией общения», представляется «среда», под которой в применении к

коммуникации понимается область всех возможных взаимодействий субъекта коммуникации, задаваемая его когнитивными свойствами.

Субъект коммуникации вступает в интеракцию с многокомпонентной средой. При этом другие люди представляют собой компоненты среды и могут, как и другие средовые факторы, занимать более значимое или менее значимое положение в иерархической структуре среды. Исходя из этого коммуникация социального субъекта состоит в *постоянной адаптации* его к *постоянно изменяющейся среде*.

Функциональное единство «субъект – среда» структурно пластично, адаптивно, подвижно и создает импульс для своей дальнейшей эволюции. Постоянное изменение каждого из компонентов этого единства проявляется в том, что на разных этапах континуального взаимодействия соотношение субъекта и среды принципиально иное и является **асимметричным**. Равновесные отношения между системой и ее средой эмерджентны: структурная подвижность и системы, и среды не способствует сохранению равновесия на длительное время, поэтому баланс постоянно нарушается, что, в свою очередь, требует дальнейшей реструктуризации системы, и, как следствие, *конструирования системой новой среды*.

В теории аутопоэза в основе взаимодействия между живой системой и средой лежит принцип рекурсивности, задающий повторяющийся характер этого взаимодействия. Иными словами, живая система выполняет, в сущности, одни и те же действия на каждом этапе взаимодействия с конструируемой ею средой. Тем не менее, это не дает оснований говорить о стабильности и цикличности этого взаимодействия. В силу адаптивности и пластичности и живой системы, и среды каждая интеракция приводит к внутренней реструктуризации, поэтому живая система эволюционирует, а следовательно, конструирует более сложную среду. Поэтому однотипные действия при каждом следующем взаимодействии живой системы и среды ориентированы уже на более сложное образование. Таким образом происходит эволюция каждого из компонентов рекурсивного взаимодействия, асимметричного по

существо, что создает условия для постоянной онтогенетической и эволюционной адаптации системы и среды.

Изложенная выше методология задает принципиально новое направление исследования коммуникации. В фокусе внимания исследователя оказывается субъект социального взаимодействия (живая система), определяющим свойством которого является способность к самоорганизации. Следует отметить, что исследовательские инструменты лингвистики и психолингвистики не позволяют анализировать собственно свойство самоорганизации в силу того, что оно является биологическим. Однако способность к самоорганизации как сущностное, биологическое свойство живой системы проявляется через свойства другого уровня: **структурность** системы, ее **активность** и **языковая способность**, которые могут быть исследованы методами лингвистики и психолингвистики.

Таким образом, исследование коммуникации допускает два принципиально различных ракурса рассмотрения: с одной стороны, этот процесс может изучаться как надындивидуальное наблюдаемое явление; с другой – как свойство субъекта социального взаимодействия.

В работе предпринимается попытка разработки теоретической основы второго из обозначенных направлений с опорой на методологию аутопоэза, принципиально актуализирующую сущностные свойства коммуникации: континуальность и рекурсивность. Это позволяет построить принципиально динамическую модель. С позиций теории аутопоэза коммуникация рассматривается как функция субъекта социального взаимодействия, изучение которой предполагает анализ адаптационных механизмов коммуникантов. Адаптивное поведение коммуниканта определяется его способностью к активному взаимодействию, структурностью и языковой способностью, которые выстраиваются в разные иерархии. При этом исчезает необходимость оперирования понятием «информация», а в качестве существенных признаков коммуникативного *взаимодействия* рассматриваются свойства участвующей в этом взаимодействии

самоорганизующейся системы – адаптивность, гибкость и структурная пластичность.

2.4. Теория аутопоэза как методологическая основа научных исследований

За почти 50 лет существования теория аутопоэза выступила методологической основой ряда разработок фундаментальных моделей как в технических науках (в исследованиях искусственного интеллекта, в робототехнике и компьютерном моделировании), в медицине и физиологии, так и в гуманитарных науках (социологии, психологии, лингвистике и пр.).

В этом параграфе каждое из представленных направлений рассматривается отдельно в силу существенных различий в характере адаптации ими идей чилийских биологов У. Матураны и Ф. Варелы.

В технических дисциплинах реализуются исконные принципы функционирования аутопоэтической системы, при этом авторы таких моделей ставят перед собой задачу поиска практического выхода теории аутопоэза и ее применения в производстве реальных объектов и систем. Специалисты в области гуманитарных и медицинских наук видят цель своих исследований в применении принципов аутопоэза к иным системам (социуму, организации, нервной системе человека, иммунной системе и пр.).

Существенное различие этих подходов, на наш взгляд, заключается в том, что технические науки *разрабатывали принципиально новые адаптивные системы*, способные взаимодействовать со средой и прочими (аналогичными и иными) объектами, а гуманитарные анализировали уже существующие системы, *обнаруживая в них аутопоэтические характеристики*. Именно поэтому, вероятно, применение теории аутопоэза не получило широкого распространения в гуманитарных науках: то, что живые системы разного рода принципиально аутопоэтичны, стало казаться тривиальным, однако моделей

второго уровня, которые бы разрабатывали применение аутопоэтического концептуального аппарата к конкретным гуманитарным объектам, создано мало (в социологии) или не создано совсем (в лингвистике, психологии).

В обзоре рассмотрены крупнейшие разработки в каждой из названных научных отраслей.

2.4.1. Применение теории аутопоэза при моделировании самоорганизующихся компьютерных сетей

Область компьютерного моделирования представляет собой одно из наиболее продуктивных направлений, в котором применяются ключевые положения и интерпретативные категории теории аутопоэза. Первая модель, получившая название минимальной (Minimal model), была создана самими авторами теории аутопоэза – Фр. Варелой и У. Матураной с помощью Р. Юриба, специалиста инженерного факультета университета Чили. Минимальная модель была разработана для иллюстрации закономерностей функционирования и эволюции аутопоэтической системы. В основу этой модели были положены разработки Дж. фон Ньумана и компьютерная игра «Game of Life» Дж. Г. Конвея.

Дж. фон Ньуманн – венгерский математик, научные интересы которого лежали, в частности, в области разработки машин, способных к саморепродукции. Созданная им модель отличалась крайне сложными принципами работы. Особенности функционирования такой системы ученый представил в работе “Theory of Self-Reproducing Automata” [Neumann 1966] за несколько лет до первых публикаций У. Матураны и Ф. Варелы.

Британский математик Дж. Г. Конвей известен разработкой в начале 70-х годов игры “Game of Life”, закономерности которой описаны в работе Г. Гарднера “On cellular automata, self-reproduction, the garden of eden, and the game “Life” (см. [McMullin 2004, P. 3])). “Game of life” – это

автоматизированный симулятор эволюции на клеточном уровне, в котором возможные пути развития клеток предзаданы самой игрой, поэтому от игрока не требуется никаких действий. Игрок должен только задать первоначальную конфигурацию клеток, затем он может наблюдать за тем, как происходит их дальнейшее развитие.

Технически игра представляет собой двухмерную ортогональную матрицу произвольного размера, состоящую из клеток, каждая из которых может быть либо живой, либо мертвой. Каждая клетка вступает во взаимодействие с окружающими ее восемью клетками (смежными с ней по вертикали, горизонтали и диагонали). На каждом этапе игры происходят следующие действия: (1) каждая живая клетка, имеющая менее двух живых «соседей», погибает; (2) каждая живая клетка, имеющая более трех живых «соседей», погибает; (3) каждая живая клетка, имеющая 2 или 3 живых «соседей», продолжает жить и переходит на следующий этап эволюции; (4) каждая мертвая клетка, окруженная тремя живыми клетками, оживает.

Эволюция системы предопределяется тем, каким образом игрок разместил живые и мертвые клетки перед началом игры. На каждом уровне перечисленные правила применяются одновременно ко всем клеткам матрицы, в результате происходят изменения во всей матрице. На каждом последующем этапе происходит очередное изменение всех клеток и осуществляется новый виток эволюции. Игра продолжается до тех пор, пока в матрице возможны какие-либо изменения [conwaylife.com].

Разрабатывая минимальную модель, Ф. Варела, У. Матурана и Р. Юриб ставили перед собой следующие задачи: во-первых, наглядно продемонстрировать сущность теории аутопоэза, при этом избежать тех сложностей, которые бы возникли, если бы в качестве образца они использовали настоящую биохимическую систему. Более того, на том этапе развития науки, когда разрабатывалась теория аутопоэза, строение живой клетки не было изучено достаточно детально, чтобы допускать ее рассмотрение как аутопоэтической системы.

Во-вторых, минимальная модель позволила апробировать теорию аутопоэза – продемонстрировать то, каким образом в аутопоэтической системе происходит само-восстановление (self-repair) и как поддерживается организация при постоянном изменении внутреннего строения клеток.

Минимальная модель существует в дискретном, двухмерном пространстве. Клетки матрицы либо пусты, либо заняты одной частицей. При этом частицы могут свободно передвигаться в заданном пространстве.

В минимальной модели задействованы три типа частиц (L – связующие, S – субстратные и K – катализаторы), которые могут вступать в три типа отношений:

1. Производство: В присутствии катализатора (K) две субстратные частицы (S) вступают друг с другом в реакцию, в результате которой образуется связующая частица (L).
2. Сцепление: Две связующие частицы могут «сцепляться» друг с другом. Каждая L частица может образовывать не более двух связей, поэтому результатом такого взаимодействия L частиц является образование неограниченно длинных цепей, которые могут замыкаться и образовывать мембраны. Если L частицы «сцепились» друг с другом, они утрачивают подвижность.
3. Распад: L частицы могут произвольно распадаться, образуя две субстратные частицы (S). Когда происходит распад L частицы, распадаются и все связи, в которых участвовала эта частица (Перевод мой. – К. К.-Б.) [McMullin 2004, P. 4-5].

Цепочки L частиц проницаемы для S частиц, но не проницаемы для K и L частиц. Благодаря этому подобная цепь или мембрана, окружая K и/или L частицы, не позволяет им свободно перемещаться в матрице. Это создает необходимые условия для того, чтобы в пространстве, ограниченном этой цепью или мембраной, образовывались L частицы (K частицы «пойманы» цепью/мембраной, S частицы свободно двигаются в матрице – при случайном попадании двух S частиц в область скопления K частиц происходит реакция, в

результате которой образуются L частицы). L частицы, также как и катализаторы, не могут проходить сквозь цепь/мембрану, поэтому они скапливаются в ограниченном этой цепью/мембраной пространстве и в случае происходящей произвольно реакции распада занимают место тех L частиц, которые утрачиваются в цепи/мембране. Таким образом происходит постоянное восстановление цепи/мембраны.

Данная модель впоследствии широко использовалась как основа для создания более совершенных компьютеризированных моделей. Тем не менее, она нуждалась в существенной доработке, поскольку в ней было несколько серьезных дефектов, не позволявших рассматривать ее как полностью независимую от внешних воздействий.

Некоторые из них описывает Б. МакМаллин [McMullin 2004].

Во-первых, алгоритм данной модели не включает реакцию, в результате которой образуются катализаторы (K частицы). В соответствии с принципами функционирования аутопоэтической системы, каждый компонент должен образовываться в результате той или иной реакции (исключением являются только субстратные частицы, которые изначально заложены в матрице).

Во-вторых, в работе данной модели наблюдается следующий побочный эффект – свободные L частицы произвольно сцепляются друг с другом и утрачивают мобильность. В конечном итоге (после многих этапов эволюции) такие спонтанные реакции приводят к тому, что в матрице «заканчиваются» свободные L частицы, требуемые для самовосстановления цепочек и мембран. Кроме того, произвольно возникшие кластеры L частиц загромождают внутреннее пространство матрицы, препятствуя перемещению свободных частиц (Перевод мой. – К. К-Б.) [McMullin 2004].

Как выяснил Б. МакМаллин в ходе анализа отчетов, составленных У. Матураной и Ф. Варелой, на минимальную модель было наложено дополнительное, недокументированное, ограничение: в непосредственной близости от мембраны L частицам не позволялось вступать друг с другом в реакцию сцепления. В небольших по размеру клетках (матрицах) это

ограничение было достаточным, чтобы обеспечить постоянное перемещение по всему объему матрицы Lчастиц, а, следовательно, создать условия для самовосстановления цепей/мембран.

В последующих разработках уже не биологи, а специалисты в области компьютерного моделирования искали возможность создания саморазвивающихся систем в виртуальной среде. При этом авторы других моделей стремились придать большую устойчивость модели, обеспечить ее самовоспроизводство на протяжении многих циклов развития.

В период с 1975 по 1978 гг. попытку воспроизвести минимальную модель на языке программирования APL предпринял М. Зелены [Zeleny 1978]. В ходе проведения эксперимента он отметил ряд изменений клетки: рост, изменение формы, варьирование химической активности, самовоспроизведение. Эти изменения позволяют говорить о том, что в компьютеризированной модели, разработанной М. Зелены, была более точно воспроизведена аутопоэтическая система, описанная в теории У. Матураны и Ф. Варелы. Однако ни компьютерная программа, ни алгоритм ее действия не сохранились, поэтому ученым остается только гадать, какие действия или реакции спровоцировали подобные изменения. Исследователи (в частности, Б. МакМаллин [McMullin, Gross 2001; McMullin 2004]) высказывают опасения, что эти изменения могли быть вызваны тем, что при разработке модели автор снял ряд ограничений на функционирование частиц (в частности связанных со свободой перемещения, отказом от учета временного фактора и пр.).

Еще одна попытка перенести основные положения теории аутопоэза в область компьютерного моделирования была предпринята в середине 1990-х годов самим Б. МакМаллином. На протяжении порядка десятилетия он занимался детальным изучением работ фон Н്യюмана (theory of complex automata), а также теории аутопоэза и ее компьютерных симуляций (минимальной модели).

Б. МакМаллин был знаком с Фр. Варелой в период, когда последний жил во Франции, и поэтому он знал о тех сложностях, с которыми столкнулись

авторы минимальной модели, а также имел доступ к отчетам, написанным ими в ходе работы над моделью. Результатом сотрудничества с Фр. Варелой стало создание модели SCL, в которой присутствовали три типа частиц: субстраты (S), катализаторы (C) и связующие L частицы. Аутопоэтическим объектом в данной модели выступает самовосстанавливающаяся цепь обоюдно связанных L частиц, в которую заключен катализатор.

В отличие от минимальной модели, SCL образовывала мембраны, имеющие два уровня: внешний содержал сцепленные между собой L частицы, а внутренний составляли свободные L частицы, которые обеспечивали быстрое и эффективное восстановление мембраны. При этом восстановление мембраны начиналось еще до полного распада связи между L частицами.

Мембрана становится аутопоэтической системой в том случае, если ее жизнеспособность превышает жизнеспособность составляющих ее L частиц, которые изначально моделируются как нестабильные. В ходе проведения экспериментов мембраны сохраняли свою целостность на протяжении 1800 витков эволюции, однако в конечном итоге они распадались, поскольку свободные L частицы не успевали заменять отмирающие звенья мембраны. (см. подробное описание этой модели и ее дальнейших модификаций в B. McMullin, D. Gross “Towards the Implementation of Evolving Autopoietic Artificial Agents” [McMullin 2001]).

В конце 90-х годов минимальная модель также получила развитие и была усовершенствована в разработках Дж. Брейера, Дж. Акерманна, Дж. МакКаскилла [Breyer 1998], Н. Оно и Ф. Икегами [Ono 1999; 2000; 2001; 2002] и др.

2.4.2. Аутопоэтическая теория как методологическая база исследований в области кибернетики и робототехники

Еще одно направление, в котором в качестве методологической основы широко и последовательно применяется теория аутопоэза, связано с робототехникой и исследованиями в области искусственного интеллекта.

На протяжении долгого времени модели искусственного интеллекта создавались с опорой на дискретные ментальные репрезентации. При этом ментальные репрезентации определялись как некие лингвистические символы, замещающие объекты реальной действительности, а операции с этими репрезентациями осуществлялись по законам формальной логики. Такие модели получили название символических и описывались как системы, поведение которых определяется поставленными целями, наличествующими знаниями и произведенными действиями. Символические модели искусственного интеллекта позволяли воспроизводить сложные, алгоритмизированные действия человека – игру в шахматы, медицинское обследование и пр. Однако они не могли в полной мере называться аутопоэтическими, поскольку их действия подчинялись предзаданному алгоритму. В связи с этим эти системы не могли адаптироваться к новым условиям (приспосабливаться к среде).

Наиболее успешной разновидностью символических моделей являются экспертные модели, основой которых выступает фиксация знаний в рамках той или иной технической области. Однако и в этом случае возможности функционирования искусственного интеллекта определяются заложенными в него репрезентациями. Такие модели напоминают обширные, энциклопедические базы данных, однако, как отмечают сами авторы таких разработок (см. [Lenat 1991]), в этих системах невозможно кодифицировать те знания, которые являются результатом физического взаимодействия с окружающим миром.

К. Дохерти полагает, что исследователи не могут охватить в разработках искусственного интеллекта весь объем потенциально возможных человеческих знаний в силу отсутствия более или менее полных и объективных описаний окружающего мира [Doherty 1992]. А поскольку

ученый не может формализовать устойчивую репрезентацию мира и заложить ее в программу, такая модель оказывается нежизнеспособной вне постоянного контроля со стороны человека (т.е. не является самостоятельной).

Для того чтобы моделировать искусственный интеллект в соответствии со сложившимися биологическими алгоритмами, следует учитывать то, что естественное поведение представляет собой постоянную адаптацию к изменяющимся условиям (которые происходят по мере развития ситуации). В предзаданных алгоритмах невозможно предусмотреть все непредвиденные обстоятельства, а при последующем ретроспективном анализе событий, как правило, не учитываются многие детали, которые принципиально важны при выполнении того или иного действия. С позиций У. Матураны и Фр. Варелы, адаптивное поведение живой системы предполагает структурное соответствие (конгруэнтность) между динамикой изменения внутреннего механизма функционирования организма и динамикой изменения внешнего мира. При этом наблюдателю не требуется дифференцировать дискретные внутренние структурные конфигурации этого организма и конкретные функции его репрезентаций, соответствующие тем или иным состояниям внешнего мира.

В этом случае алгоритм действия символических моделей не соответствует алгоритму функционирования естественного интеллекта. Система искусственного интеллекта строится на принципах поиска и принятия решения (рационализации), в то время как важнейшими функциями естественного интеллекта являются перцепция и категоризация (см. работы Э. Рош, Дж. Лакоффа и др. исследователей-когнитивистов). Как показали исследования в области искусственного интеллекта, именно воспроизведение механизмов перцепции и моторики является основным препятствием на пути разработки моделей искусственного интеллекта.

Таким образом, важнейшим недостатком символических моделей является их структурный, а не функциональный характер. Как не раз отмечалось специалистами в области когнитивных наук (см., например, работы Дж. Лакоффа), развитие естественных лингвистических категорий

определяется опытом физических взаимодействий и совокупностью мысленных образов. Иными словами, то, что мы знаем, определяется тем, что мы делаем [Doherty 1992, P. 141]. Учитывая это, специалисты предложили разрабатывать модели искусственного интеллекта на принципиально новой основе: робот, не обладающий никакими изначально заложенными знаниями, помещается в среду, в которой он способен обучаться за счет выполнения тех или иных действий и взаимодействия с учителем.

Наибольшую способность к адаптивности продемонстрировали системы, способные обрабатывать информацию путем предписывания разной значимости поступающим сигналам (input signals) и соотносить поступающие и исходящие сигналы (output signals). Одной из моделей такого типа стал Перцептрон, созданный Ф. Розенблаттом в 1958 году. Однако, как показали эксперименты, Перцептрон не смог обучиться нелинейной обработке информации и применению многоуровневого алгоритма обучения.

На этой же основе создавались искусственные нейронные сети (artificial neural networks), способные связывать между собой переменные и рекурсивно их совмещать. Благодаря этой функции, такие модели позволяют фиксировать в виде репрезентаций сенсоро-моторные компоненты, а, следовательно, в процессе взаимодействия со средой они могут опираться на выученный механизм выполнения действия, а не на предзаданные алгоритмы. Тем не менее, несмотря на некоторую автономность и обучаемость, искусственные нейронные сети не способны усваивать механизм обработки языковых явлений.

Как отмечает К. Дохерти, для моделирования высших когнитивных процессов, таких как мышление или владение языком, требуется совместить символические модели и обучаемые модели, т.е. создавать гибридные модели [Doherty 1992].

А. Риглер предлагает применять междисциплинарный подход, в котором бы учитывались достижения когнитивных наук, компьютерной

нейроэтологии, теоретической биологии, робототехники, разработок в области искусственного интеллекта и пр. [Riegler 1992].

Несмотря на очевидную сложность моделирования механизма функционирования естественного интеллекта, в области разработки искусственного интеллекта как самостоятельной, аутопоэтической системы и робототехники были достигнуты существенные успехи. Эти успехи оказались настолько впечатляющими, что моделирование вышло за пределы научной среды. Так, в 2000 году в музее Киазма в Хельсинки была открыта выставка роботоскульптур, которые взаимодействовали с посетителями и постепенно адаптировали свое поведение. Изменения поведения направлялись за счет воздействия на сенсоры на четырех гранях тела робота. Так, роботы могли определить месторасположение человека, обратиться к нему и инициировать некоторое взаимодействие, в результате которого они обучались новым простым действиям.

2.4.3. Применение теории аутопозза в медицине и физиологии

Принципиально новое освещение получают хорошо изученные в анатомии и медицине физиологические системы (такие как зрение или иммунная система) при их рассмотрении с позиций аутопозза. Авторы ряда статей отмечают назревшую необходимость парадигмального сдвига, поскольку многие из тех трактовок формирования и функционирования физиологических систем, которые предлагались ранее, сомнительны и не подтверждены эмпирически. Так, ведущей теорией в области иммунологии на протяжении многих лет выступала клонально-селекционная теория (теория Бернета), согласно которой в ходе развития эмбриона в организме хаотично возникают клоны клеток, иммунокомпетентных в отношении различных антигенов. При этом в организме присутствуют такие клетки, на поверхности мембраны которых расположены антигенспецифические рецепторы. Тем не менее, они не распознаются как инородные и, соответственно, не участвуют в описанном процессе (такая дифференциация между экзогенными (внешнего происхождения) и эндогенными (внутреннего происхождения) клетками получила название «отрицательной селекции»). По завершении процесса образования клонов клеток, иммунокомпетентных в отношении различных антигенов, рецепторы клеток активируются только инородными патогенами.

Подобная трактовка представляется многим исследователям спорной. Во-первых, в ней не предлагается убедительное объяснение тому, каким образом организм способен проводить различия между собственной молекулярной структурой и инородными патогенами. Во-вторых, согласно теории Ф. Бернета, иммунокомпетентные рецепторы начинают реагировать на аутоантигены только при патологии, если же организм здоров, иммунная система пассивна. Однако и при здоровом состоянии организма иммунная система выполняет ряд функций, к которым, в частности, относятся заживление ран или предотвращение образования злокачественных опухолей (которые не учтены в клонально-селекционной теории).

В связи с указанными обстоятельствами специалисты в области медицины и физиологии полагают, что иммунную систему (и прочие физиологические системы) следует изучать с иных позиций [Hershberg 2001; Cohen 2000; Seminars in Immunology 2000]. Эмпирические данные демонстрируют определенное сходство между ними и когнитивными системами, «перцептивные свойства которых не предзаданы их конфигурацией, а формируются в результате их взаимодействия с окружающей средой» (Перевод мой. – К. К.-Б.) [Hershberg 2001, Р. 14]. Благодаря такой организации когнитивная система является интегративной системой, способной распознавать закономерности и общие принципы, не сводя все к конкретным фактам.

Когнитивные системы любого типа (будь то иммунная система или зрительный аппарат) обладают рядом общих свойств, которые определяют механизм их взаимодействия со средой и обработки получаемых извне комплексных стимулов. В этом процессе выделяются два этапа: подготовительный (priming) и собственно взаимодействие со средой (specific interactions with the environment). В силу своей организации система предрасположена к распознаванию тех или иных общих свойств среды (general properties). На подготовительном этапе происходит фиксация в «памяти» системы тех общих свойств среды, которые наиболее частотно активируются в ходе первичного взаимодействия системы и среды, а также тех явлений и действий системы, которые повсеместны в данной среде, т.е. способны возникать в результате воздействия многих стимулов. Эти явления и действия представляют собой наиболее типичные образцы (useful examples) функционирования системы в среде.

На втором этапе в процессе собственно взаимодействия со средой происходит сопоставление зафиксированных в памяти системы образцов с конкретными фактами, наблюдаемыми системой в данном взаимодействии. Система адаптируется к новым условиям, анализирует компоненты среды и фиксирует новую информацию в «памяти». Вступая в различные

взаимодействия со средой и сталкиваюсь с разными стимулами, система становится более «опытной», т.е. в ее «памяти» фиксируются сведения о разных типах стимулов и возможных реакциях. Такая система гораздо быстрее реагирует при попадании в новую среду. Чем «моложе» система, тем больше времени ей требуется, чтобы адаптироваться в новых условиях.

Авторы теории иллюстрируют процесс развития и функционирования когнитивных систем на примере зрения, языковой способности и иммунной системы [Hershberg 2001, Р. 16-20] (языковая способность будет рассмотрена в соответствующем параграфе нашей работы). Акцентируется, что *поле зрения* живого организма определяется той средой, в которой этот организм обитает. Так, пчела и человек видят цветок по-разному, поскольку их органы зрения различаются чувствительностью и контрастностью рецепторов (ср. предрасположенность к распознаванию). Однако зрение обусловлено не только врожденными параметрами, но и той информацией, которая считывается с визуального образа: если зрением фиксируется образ, который не вызывает в памяти никаких ассоциаций, этот образ не воспринимается. Таким образом, видеть – значит научиться распознавать объекты в той или иной среде и соотносить их с определенными смыслами. При этом в зрительной памяти фиксируются не конкретные объекты, а их самые общие свойства – углы, движение и пр. параметры, подсказывающие глазу, *что и как следует* видеть.

Если стимул оказывается в нетипичной для него среде (например, чаша с фруктами на фоне морского пейзажа у Сальвадора Дали в “Apparition of a Face and Fruit Dish on a Beach”), или в незнакомой среде, с которой система не имеет опыта взаимодействия, то, органам зрения требуется некоторое время для того, чтобы адаптироваться и «начать видеть». Однако распознав объект и зафиксировав эту информацию в памяти, система будет впредь легко узнавать эти визуальные образы и соотносить их с имеющимися у системы.

Аналогичным образом основные принципы аутопоэза могут применяться для описания функционирования и развития иммунной системы.

Иммунную систему образуют лимфоциты двух видов: В-лимфоциты и Т-лимфоциты. И первые, и вторые способны создавать рецепторы, которые строятся из одинакового генетического материала, однако они различаются соотношением компонентов и их организацией, что позволяет рецепторам распознавать фактически бесконечное множество молекулярных форм (антигенов). Рецепторы В-лимфоцитов реагируют на внемолекулярные субстанции, рецепторы Т-лимфоцитов выявляют внутримолекулярные субстанции, взаимодействуя с рецепторами тканевой совместимости, которые присутствуют на поверхности каждой клетки организма. В рецепторах тканевой совместимости отражено внутреннее состояние клетки. В-лимфоциты и Т-лимфоциты распознают большинство внутри- и внемолекулярных субстанций, поэтому организм способен обнаружить практически любой патоген и отреагировать на него.

В иммунной системе генетически заложены определенные типы белков, которые формируют рецепторы тканевой совместимости (ср. предрасположенность). В «памяти» системы фиксируется информация о том, какие клетки являются эндогенными для организма. Анализируя незнакомую клетку, иммунная система соотносит характеристики этой клетки с теми сведениями о клеточной структуре организма, которые содержатся в ее «памяти», и таким образом определяет, является ли клетка чужеродной или нет (ср. распознавание общих свойств). При этом в организме содержатся такие антигены, которые наиболее регулярно участвуют в работе иммунной системы, поскольку они содержатся практически во всех клетках организма и активизируются в стрессовых ситуациях (именно тогда, когда включается в работу иммунная система). К таким антигенам, в частности, относятся поддерживающие белки (*maintenance proteins*), которые отвечают за энергетический обмен, образование белков и базовые генетические воздействия. Так, функция белков температурного шока (*heat shock proteins*) заключается в поддержании формы и функций белков в стрессовых ситуациях. Они присутствуют во всех клетках организма и сохраняются на протяжении

всех этапов эволюции (ср. типичные образцы, зафиксированные в «памяти» системы).

Когда иммунная система обнаруживает патоген, она ищет аналогичные образцы в «памяти», идентифицирует его характеристики и определяет приемлемые способы реагирования на него. При этом иммунная система со временем становится более адаптивной (по мере «взросления» системы в В-лимфоцитах формируются рецепторы, способные очень точно реагировать на определенные антигены), однако она сохраняет стабильность и устойчивость благодаря менее гибким Т-лимфоцитам.

Таким образом, специалисты в области медицины и физиологии полагают, что многие системы в организме человека функционируют по одним и тем же принципам – в них генетически заложена способность усваивать общие свойства среды, однако они не содержат предзаданных репрезентаций, типичные образцы фиксируются в «памяти» системы по мере ее развития, что делает систему более гибкой и адаптивной.

2.4.4. Аутопоэз как методологическая основа социологических исследований

Представление о том, что социум является самоорганизующейся системой, уже достаточно долго бытует в социологической науке. Так, с позиций марксизма, общественные институты (экономическая система, власть и пр.) носят надындивидуальный характер, а их развитие независимо от деятельности отдельного человека (в отличие от теорий, в которых структура социума и ее эволюция анализируются с позиций теории деятельности). Однако такие взгляды были и остаются на периферии науки.

Одним из первых ученых, предложивших рассматривать социум как самоорганизующуюся систему, был Н. Луман. С опорой на основные положения теории аутопоэза он пересмотрел многие фундаментальные проблемы социологии, в число которых входили отношения между индивидом

и обществом, отношения между общественными подсистемами и собственно социальной системой, соотношение между стратификацией общества и функциональной дифференциацией.

Согласно Н. Луману, социум следует исследовать как систему коммуникации, узлы которой составляют отдельные индивиды. При этом взаимодействие через коммуникативную сеть осуществляется далеко не во всех случаях: большинство действий направлены на самого индивида (самоотносимы) – это локальные события. По сети информация передается только тогда, когда человек совершает социальное действие. В задачи социологии входит оценка динамики развития системы коммуникации с точки зрения ее функциональной дифференциации, рефлексивности и самоорганизации [Leydesdorff 2003, P. 19].

Таким образом, Н. Луман обозначил новое видение социологии как своего рода теории коммуникации. Естественно, в число основных проблем, решаемых социологией нового типа, вошел вопрос о том, как в индивидуальном акте социальной коммуникации сопряжены социальная и индивидуальная системы. В этом вопросе Н. Луман следует за Т. Парсонсом, который использовал термин «взаимопроникновение» (interpenetration) для описания зон взаимодействия между системами и подсистемами и, в частности, способов интернализации культурных и социальных объектов индивидом.

Как отмечал Н. Луман в работе “Soziale systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie”, социальная система коммуникации и когнитивная система отдельного человека структурно сопряжены: первая не может функционировать без взаимодействия людей, однако по сети передается только собственно действие, а не сам человек. При этом в силу того, что социальная система, адресат и адресант обладают разными референциальными системами, передаваемое действие интерпретируется каждым из участников по-разному (см. [Филиппов 2003]).

Исследователи, развивающие идеи Н. Лумана, отмечают, что при рефлексивном понимании сообщения происходит несколько структурно сопряженных взаимодействий. Поскольку передача сообщения осуществляется посредством социальной системы коммуникации, оно может быть также получено другими реципиентами. При этом реципиентами могут оказаться те люди, которым это сообщение не предназначалось, а это, в свою очередь, повлечет развитие социальной системы, поскольку на следующем этапе ее эволюции распределение действий и передаваемых сообщений среди участников коммуникативной сети будет иным.

В отличие от социальной системы коммуникации и когнитивной системы человека, между которыми возникают отношения структурной сопряженности, другие общественные подсистемы (например, экономика, политика или наука) вступают друг с другом в операциональные отношения. Эти подсистемы являются составной частью целостной системы, поэтому они совершенствуются только тогда, когда это значимо для всей системы.

Таким образом, в коммуникации интегрированы два типа отношений: взаимодействие двух структурно сопряженных систем и задействованных в этом процессе операциональных подсистем.

Например, в социо-когнитивном взаимодействии между учеными обнаруживаются две операционально сопряженные системы коммуникации (социальная и научная, представляющая собой кодифицированную коммуникативную систему). Однако функционирование социальной системы невозможно без участия агентов (индивидов), поэтому ученые также находятся в отношениях структурной сопряженности с социо-когнитивной коммуникацией (в обеих системах). В связи с этим каждое взаимопроникновение (*interpenetration*) должно интерпретироваться с учетом по крайней мере четырех факторов: необходимо противопоставить референциальные системы (агенты и коммуникативные сети) и направления дифференциации для того чтобы проанализировать происходящее взаимодействие.

Л. Лейдесдорф считает такую интерпретацию социума перспективным подходом, полагая, что общественная система должна исследоваться путем анализа (под)систем, которые могут вступать во взаимодействие друг с другом, когда индивидом совершается действие. Самоорганизация позволяет системе поддерживать целостность, не допуская хаоса, поскольку такая система способна систематически обучаться и преодолевать помехи коммуникации за счет использования иных путей развития [Leydesdorff 2003, Р. 30].

Таким образом, в рамках этого подхода анализ социальной системы основывается на теории аутопоэза и математической теории коммуникации (К. Шеннона). Однако ученые указывают на необходимость адаптации этих теорий таким образом, чтобы они могли в полной мере использоваться для анализа социальных явлений.

Аналогичным образом предпринимаются попытки переложения принципов аутопоэза на отдельные социальные подсистемы: культуру (Е. Buchinger), экономическую систему (L. Leydesdorff), общественные организации (системы управления интеллектуальным капиталом) (W. Hall, T. Jackson) и пр.

2.5. Методологическая обработка понятий теории аутопоэза для исследования психолингвистического объекта

В лингвистике также предпринимались попытки адаптации этой теории к анализу языковых фактов и процессов, однако, к сожалению, пока что они представлены единичными исследованиями ([Кравченко 2001; 2008; Пищальникова 2010; Сонин 2010] и др.), хотя то, что опора на биологическую концепцию У. Матураны и Фр. Варелы открывает для языкознания новые перспективы, признается многими учеными-лингвистами и часто отмечается в научных публикациях и выступлениях. На наш взгляд, такая ситуация

связана с тем, что теория аутопозза предлагает только общеполософское описание исследуемого объекта. Однако для её конкретного применения как исследовательского инструмента необходима операционализация терминов, что связано с глубокой методологической обработкой фундаментальных философских положений.

Лингвистическая же сложность решения этой задачи заключается в невозможности создания модели без включения в нее дискретных элементов, в то время как континуальный объект не предполагает их обнаружения. Но теория аутопозза обладает огромным потенциалом в исследовании динамических объектов и открывает новые перспективы научного исследования в самых разных научных областях. В частности, применение ее к психолингвистическому объекту снимает отмеченное противоречие, поскольку дискретность речевой деятельности обеспечивается ее фиксацией средствами языка. Наличие «поверхностных» дискретных компонентов дает основание говорить о том, что аналогичные элементы присутствуют и на уровне когнитивных систем, косвенный доступ к которым обеспечивается через анализ их вербальной репрезентации.

Так, субъект коммуникации вступает в интеракцию с многокомпонентной средой. При этом другие люди представляют собой компоненты среды и могут, как и другие средовые факторы, занимать более значимое или менее значимое положение в иерархической структуре среды. Исходя из этого коммуникация социального субъекта состоит в *постоянной адаптации* его к *постоянно изменяющейся среде*.

С позиции теории аутопозза определяющим свойством субъекта коммуникативного взаимодействия является способность к *самоорганизации*. Поскольку, как мы уже подчеркивали, самоорганизация не доступна изучению инструментами лингвистики, это свойство в лингвистических моделях возможно только постулировать. Самоорганизация в такой модели может быть представлена так называемыми параметрами второго порядка: активностью, языковой способностью и структурностью (Рис. 2.2).

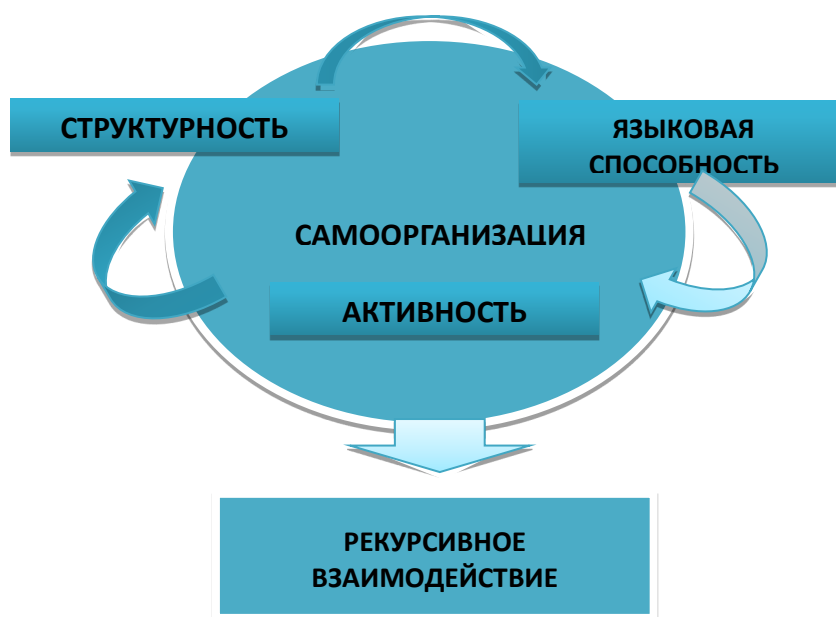

Рис. 2.2. Модель структуры субъекта коммуникации

Структурность как свойство субъекта коммуникации отражает его перцептивно-когнитивно-аффективную базу (термин А. А. Залевской), его коммуникативный опыт, степень сформированности его психических операций (термин А. А. Залевской), его гибкость и пр. Иными словами, свойство структурности включает в себя все то, что создает основу для вступления в коммуникацию.

Свойство активности отражает тот факт, что субъект коммуникации является активным участником взаимодействия со средой.

Во многих работах активность субъекта коммуникации постулируется как самоочевидное свойство. В этих исследованиях представлены перечни средств, маркирующих активность на уровне текста (например, наличие перформативных высказываний; средств выражения модальности и пр.). Но, в сущности, речевая активность как свойство говорящего субъекта не изучена, тогда как она играет ключевую роль в моделировании динамики коммуникации.

Активность – это прежде всего ментальное свойство, а не просто способность вступать в диалогические отношения. Смыслорождения может и не быть, хотя на уровне текста присутствуют соответствующие маркёры

(обращение к собеседнику, конец / начало высказывания и пр.) – ср. ритуальное общение (ситуации приветствия, прощания и пр.), в котором нет смыслопорождения. Это, безусловно, диалогические отношения, но не коммуникация как порождение смыслов.

Языковая способность – неотъемлемое свойство «общающегося» коммуниканта. Описание коммуникации как частного случая взаимодействия невозможно без учета этого свойства высокоорганизованной живой системы (человека).

Как отмечается в работе Л. О. Бутаковой, «языковая способность понимается как *система* потенциальных языковых представлений (Л. В. Щерба), *потенциальная готовность* носителей языка к пониманию и производству речи (Г. И. Богин), *устройство*, предназначенное для осуществления определенных процессов, обладающее возможностями (и накладываемыми на них ограничениями), которые определяются материальным субстратом – мозгом (А. А. Залевская)» [Бутакова 2021 / https://thelib.ru/books/l_o_butakova/dinamika_razvitiya_yazykovoy_sposobnosti_i_rechevoy_kompetencii_nositeley_russkogo_yazyka_regionalnoe_eksperimentalnoe_issledovanie-read-2.html]. Далее исследователь формулирует дефиницию языковой способности как «совокупности операционально-действенных ментальных механизмов или оптимизирующих когнитивных стратегий, осуществляющих вербализацию знаний и мнений и проявление универсального механизма вербализации ментального содержания» [ibid].

Адаптационные возможности субъекта коммуникации определяются разными соотношениями свойств второго порядка. В ситуациях, когда языковая способность не достаточна для совершения ответного речевого действия, коммуникант может использовать свойство активности. Так, в общении на иностранном языке коммуникант, в неполной мере понимающий адресованные ему высказывания, задает последовательность вопросов, чтобы обеспечить взаимопонимание. Кроме того, в качестве адаптационного средства может быть использована структурность. Например, коммуникант,

не способный в полной мере понять адресованные ему высказывания, ориентируется на свой прошлый опыт коммуникативного взаимодействия.

Эффективно выстроенная иерархия свойств активности, структурности и языковой способности обеспечивает адаптацию коммуниканта в среде. В связи с этим релевантным представляется выделение двух типов систем: *нерезистивных*, или способных к быстрому преодолению дисбаланса со средой, и *резистивных*, или обладающих недостаточно развитыми адаптационными свойствами.

Различные соотношения между составляющими модели структуры субъекта социальной коммуникации предлагают разные сценарии коммуникативного поведения социального индивида, которые можно далее проверять экспериментально (см. [Карданова-Бирюкова 2013; 2016; 2018; Kardanova-Biryukova 2017; Абдульмянова 2015] и др.).

Введенная в модель коммуникации система параметров является инструментом для описания структуры когнитивной системы, определения уровня ее сложности и адаптивных возможностей. Такое описание имеет важное значение для моделирования речевого взаимодействия, поскольку другие составляющие речевого взаимодействия в известной степени подчинены системе.

Итак, коммуникация как социальное взаимодействие может быть представлена в виде модели, в которой рекурсивный шаг инкорпорирует три этапа – иерархизация средовых факторов; актуализация фрагмента среды, который нарушил стабильность структуры субъекта; ликвидация возникшего у субъекта дисбаланса за счет реструктуризации системы:

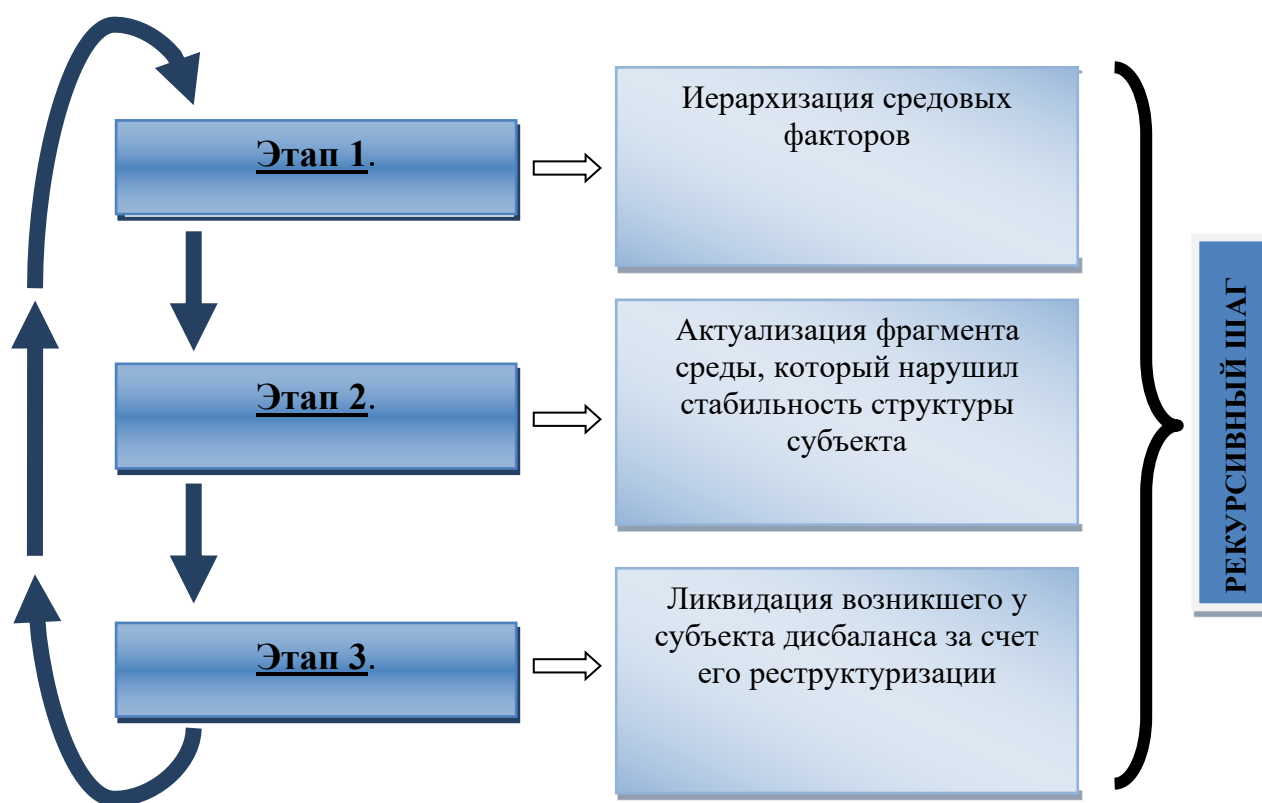

Рис. 2.3. Динамическая модель речевого события

Таким образом конструируется междисциплинарный исследовательский объект – **речевое событие, представляющее собой последовательность речевых действий, производимых в пределах одного коммуникативного акта.** При этом системообразующим принципом эволюции речевого события является рекурсивность, понимаемая как повторяющийся характер взаимодействия субъекта коммуникации и среды, которые обладают пластичностью и адаптивностью.

С этих позиций исследование коммуникации представляет собой **моделирование структуры речевого события как рекурсивного взаимодействия субъекта коммуникации со средой,** в ходе которого происходит их взаимная адаптация, и установление принципов эволюции этого речевого события.

В рекурсивном взаимодействии системы последовательно совершают рекурсивные шаги, т.е. адаптируются в среде и совершают адекватное

ответное действие. Адаптация же предполагает определенную структурную перестройку, или эволюцию. Однако в ряде случаев адаптация может предполагать некоторое упрощение структуры с тем, чтобы «подстроиться» под более простую систему и обеспечить эффективное взаимодействие. Такой рекурсивный шаг носит **регрессивный** характер (в отличие от **прогрессивного** шага, предполагающего усложнение системы).

Если когнитивная система резистивна (это характерно прежде всего для более устойчивых и менее гибких простых систем), адаптация ей принципиально не свойственна. На протяжении коммуникации такая система взаимодействует, опираясь исключительно на формальные компоненты среды (например, отдельные слова, действия и пр.), однако она, как правило, не выстраивает сложные иерархии средовых факторов. Каждое последующее действие такой системы не приводит к ее усложнению – она каждый раз возвращается в отправную точку взаимодействия – **точку рекурсивности**, т.е. ее деятельность является цикличной (Рис. 2.4).

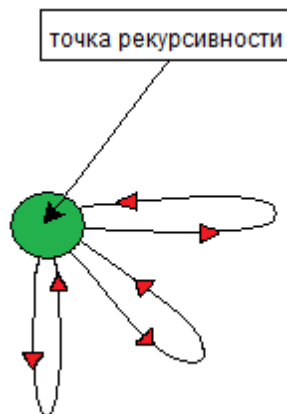

Рис. 2.4. Цикличность взаимодействия когнитивной системы

Следует отметить, что при таком взаимодействии рекурсивные шаги не осуществляются, поскольку резистивная система не адаптируется в среде и, следовательно, не эволюционирует. Это, однако, не означает, что эволюция другой когнитивной системы не происходит. Напротив, действия резистивной системы, вероятно, в определенной степени нарушают ожидания другого

коммуниканта, и поэтому требуют постоянной адаптации в изменяющейся среде.

Если система последовательно совершает рекурсивные шаги в процессе коммуникации, то взаимодействие носит **линейный** характер (Рис. 5).

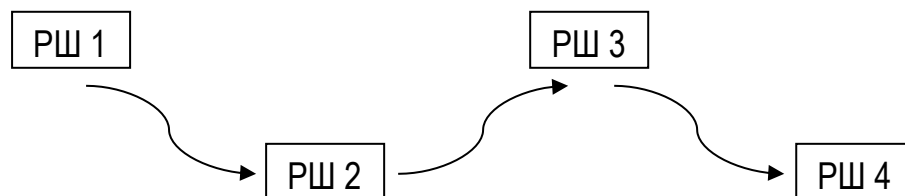

Рис. 2.5. Линейный характер рекурсивного взаимодействия когнитивной системы

Следует отметить, что адаптация когнитивной системы к среде может как осознаваться системой (осуществляться целенаправленно), так и происходить **спонтанно**. Это важный компонент рекурсивного взаимодействия, поэтому в нашу модель был также включен фактор **контролируемости**.

Таким образом, анализ компонентов рекурсивного взаимодействия и их различных соотношений дает возможность разработать типологию рекурсивных шагов и выявить те случаи, когда речевое взаимодействие коммуникантов не основывается на взаимодействии когнитивном, что приводит к утрате рекурсивности. Представляется, что предложенная модель коммуникации существенно отличается от моделей, разрабатываемых в лингвистической науке, поскольку основывается на иной методологической базе. Она опирается на дискретные единицы, однако в ней также находит отражение имманентная континуальность, свойственная процессуальным явлениям.

Дальнейшее уточнение предложенной модели возможно при ее применении к анализу различных типов дискурса, поскольку это позволяет

точнее определить некоторые из включенных в нее факторов, а также выявить универсальные и частные характеристики рекурсивности.

Выводы ПО ГЛАВЕ 2

Представленный в главе краткий обзор демонстрирует потенциал теории аутопоэза в исследовании континуального объекта и открывает новые перспективы научного исследования в самых разных научных областях, в том числе в психолингвистике.

В лингвистике также предпринимались попытки адаптации теории аутопоэза к анализу языковых фактов и процессов, однако, к сожалению, пока что они представлены единичными исследованиями. На наш взгляд, отсутствие необходимого минимума работ в этом направлении связано с тем, что теория аутопоэза предлагает только общефилософское описание исследуемого объекта. Однако для того чтобы она могла применяться как исследовательский инструмент, необходимо переработать ее в теорию второго порядка, т.е. операционализировать ее.

Сложность решения этой задачи заключается в необходимости включения *в модель* дискретных элементов, тогда как континуальный *объект* не равен совокупности таких элементов. Это противоречие снимается в процессуальном психолингвистическом объекте, поскольку дискретность речевой деятельности обеспечивается принципиальным включением в нее членораздельных знаков и их отношений. Анализом вербальной репрезентации континуальности обеспечивается косвенный доступ к «внутренним» когнитивным процессам. Поэтому в психолингвистике есть работы, направленные на методологическую обработку и адаптацию интерпретативных категорий аутопоэтической теории к анализу психолингвистического объекта и демонстрирующие перспективы такого подхода.

Это дает основание говорить о том, что теория аутопоэза обладает существенным объяснительным потенциалом в исследовании динамических объектов и обеспечивает перспективы научного изучения в самых разных научных областях, в том числе в области изучения коммуникации, поскольку в фокусе исследования оказывается именно субъект социальной коммуникации, обладающий определенным набором адаптационных свойств, во многом детерминирующим характер общения.

Коммуниканты в однотипных ситуациях общения, *в силу разных адаптационных свойств, присущих им как когнитивным системам*, выделяют неодинаковый набор релевантных средовых факторов (ситуативных) и по-разному выстраивают их иерархию, и это определяет специфику их коммуникативного поведения. В таком аспекте коммуникация не исследовалась, хотя о важности ряда психологических свойств, актуализируемых в процессе общения, говорилось много [Леонтьев 1971; 1975; Леонтьев 2001 и др.].

Междисциплинарный подход требует и нового интерпретативного аппарата, позволяющего представлять факторы, приводящие к континуальности коммуникации, адекватно целям исследования. Так, термином, обладающим бóльшим объяснительным потенциалом по сравнению с «ситуацией общения», представляется «среда», под которой в теории аутопоэза в применении к коммуникации понимается *область всех возможных взаимодействий субъекта коммуникации, задаваемая его когнитивными свойствами*.

Субъект коммуникации вступает в интеракцию с многокомпонентной средой. При этом другие люди представляют собой компоненты среды и могут, как и другие средовые факторы, занимать более значимое или менее значимое положение в иерархической структуре среды. Исходя из этого коммуникация социального субъекта состоит в *постоянной адаптации его к постоянно изменяющейся среде*.

С позиции теории аутопоэза определяющим свойством субъекта коммуникативного взаимодействия является способность к *самоорганизации*. Поскольку самоорганизация не доступна изучению инструментами собственно лингвистики, это свойство в лингвистических моделях возможно только постулировать. Самоорганизация в такой модели может быть представлена так называемыми параметрами второго порядка: активностью, языковой способностью и структурностью.

Эффективно выстроенная иерархия свойств активности, структурности и языковой способности обеспечивает адаптацию коммуниканта в среде. В связи с этим релевантным представляется выделение двух типов систем: *нерезистивных*, способных к быстрому преодолению дисбаланса со средой, и *резистивных*, обладающих недостаточно развитыми адаптационными свойствами.

Релевантным для исследования лингвистического объекта на основе методологии аутопоэза представляется введение понятия рекурсивного шага как операциональной единицы интерпретации модели. **Рекурсивный шаг – это эволюционное изменение в организации структуры системы, выводящее её на новый уровень взаимодействия со средой.**

Характер и эффективность рекурсивного шага определяются прежде всего когнитивными свойствами субъекта коммуникации: структурностью, активностью и языковой способностью и разной их иерархизацией.

Таким образом, моделирование коммуникации как адаптивного процесса позволяет учесть континуальность коммуникации и построить принципиально динамическую модель. В работе конструируется новый исследовательский объект – **речевое событие как совокупность речевых действий, производимых в пределах одного акта коммуникации.** Системообразующим принципом эволюции речевого события постулируется **рекурсивность, или повторяющийся характер взаимодействия субъекта коммуникации и среды**, которые обладают пластичностью и адаптивностью. С этих позиций исследование коммуникации представляет собой

моделирование структуры речевого события как рекурсивного взаимодействия субъекта коммуникации со средой, в ходе которого происходит их взаимная адаптация, и установление принципов эволюции речевого события.

ГЛАВА 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ РЕАЛИЗАЦИИ АДАПТАЦИОННЫХ СВОЙСТВ УЧАСТНИКАМИ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Как известно, любую научную модель принято верифицировать экспериментальными инструментами. В настоящей главе представлены результаты серии социо- и психолингвистических экспериментов, которые были разработаны специально для верификации представленной в главе 2 аутопоэтической модели коммуникации (Рис. 3.1.).

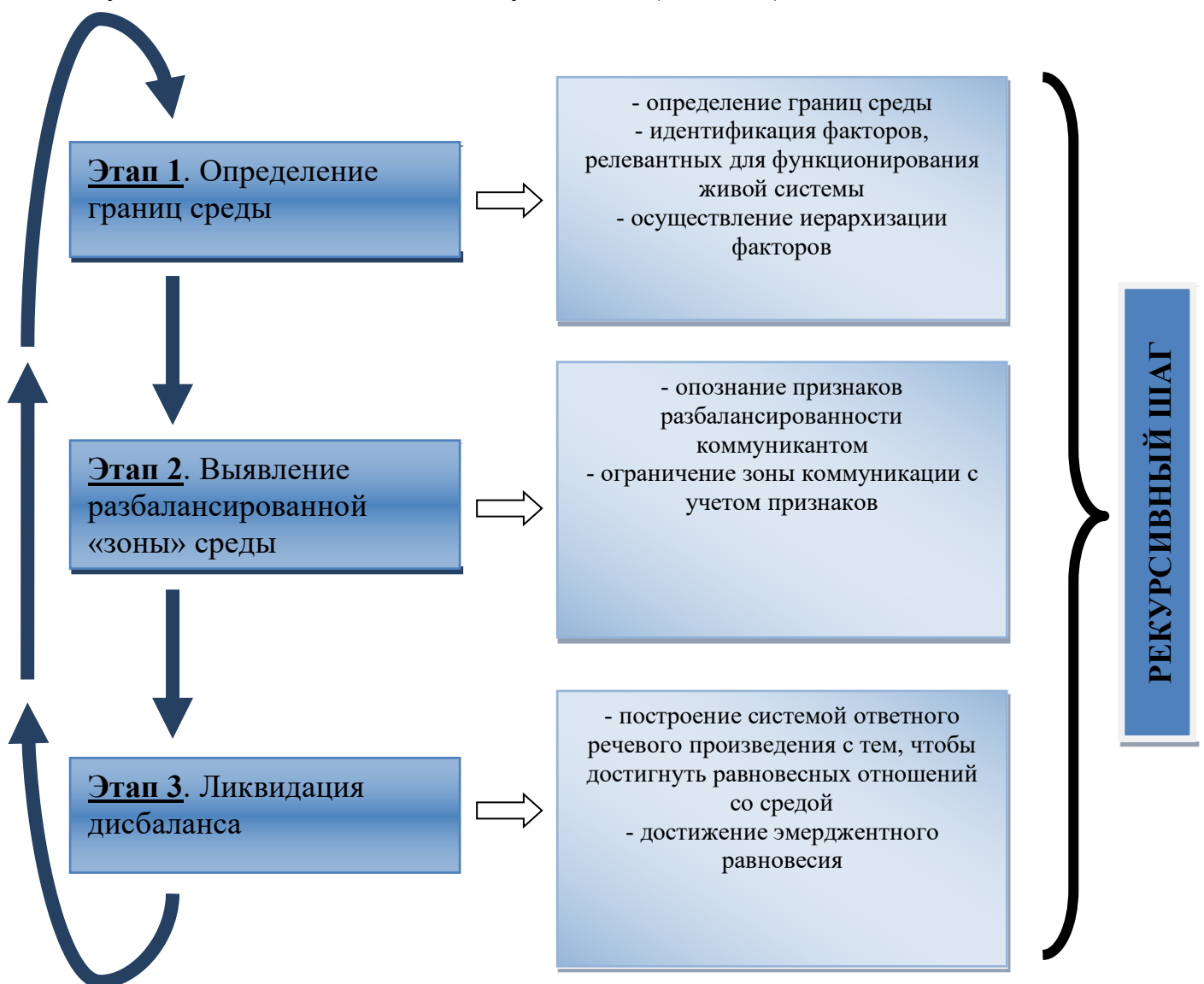

Рис. 3.1. Аутопоэтическая модель коммуникативного взаимодействия

Общая методологическая рамка и дизайн эксперимента направлены на анализ коммуникативного поведения человека в заданных экспериментатором условиях. В эксперименте воссоздавались ситуации естественного социально ориентированного общения, поскольку именно в таких коммуникативных ситуациях человек использует стандартный алгоритм адаптивного поведения с целью максимально быстрого достижения равновесия со средой (и тем самым сохранения собственной организации).

В экспериментальных условиях возможно воспроизведение экстремальных ситуаций, требующих от испытуемых нестандартных ответных действий (в том числе речевых), однако алгоритм адаптации в этом случае может быть существенно вариативным. (Сравнение алгоритмов адаптации в естественных и экспериментальных условиях может стать предметом отдельного исследования с целью развития предложенной модели).

3.1. Верифицируемые гипотезы

На этапе планирования эксперимента основные положения модели были оформлены в виде экспериментальных гипотез.

1. Один из ключевых постулатов теории аутопоэза предполагает зависимость восприятия среды живой системой от её организации как своего рода «инварианта, в который включаются основные способы взаимодействия между функциональными подсистемами, обеспечивающими “индивидуальность” системы» [Матурана 1978, С. 31], т.е. от внутренних отношений компонентов, задающих систему как сложный объект определенного класса. Причем для создания динамической модели, подчеркивающей процессуальность исследуемого феномена, приоритетными являются именно *функциональные отношения* между компонентами, свойства которых реализуются при взаимодействии со средой – неким условным пространственно-временным континуумом, являющимся фрагментом мира, отображающимся в восприятии человека: «каждый говорит то, что говорит, или слышит то, что слышит, в соответствии со своей собственной структурной

детерминацией» [Матурана 2001, С. 173]. Это детально аргументированное в работах создателей теории аутопоэза утверждение указывает на уникальность живых систем, отображенную в специфическом понятии теории аутопоэза – «структура», под которой понимаются «актуальные компоненты и актуальные отношения, в которые они (живые системы – *К. К.-Б.*) должны вступать для построения данного сложного объекта» [Maturana 1978, С. 32-33]. Следовательно, динамичность живой системы, обусловленная ее функциональными отношениями со средой в силу определенной *константной организации*, обнаруживается в *принципиальной подвижности*, нейрофизиологической гибкости ее *структуры*, что приводит к появлению у системы (человека) актуальных состояний, не сводимых к уже имеющимся. Поэтому полное совпадение характеристик даже двух систем, обладающих сходной структурой, маловероятно.

Проецируя эти методологические позиции на концептуальную область психолингвистики, можно утверждать, что для описания живой системы и возможностей ее взаимодействия со средой не релевантен анализ устойчивых ментальных репрезентаций, поскольку в разные моменты времени совокупность свойств, актуальных для функционирования живой системы, является уникальной.

С учетом этого следует признать важность понятия «среда» как «области всех возможных взаимодействий группы объектов (выступающих как таковые вне зависимости от их сложности), задаваемой свойствами этих объектов (их измерениями)» [Maturana 1978, С. 33]. Сре́ды однопорядковых систем, естественно, в значительной степени пересекаются (именно это позволяет живым системам объединяться в более сложные целостности – например, «человек – социум»). Однако при этом не исключены и различия: количество составляющих эту среду факторов (средовых факторов) и их иерархия.

В соответствии с общепсихологической теорией деятельности, вступая во взаимодействие с социумом, в том числе речевое, человек определенным образом отбирает релевантные для своего актуального состояния факторы и

выстраивает их в актуальную для себя иерархию. При этом отбор определяется тем (эмерджентным) состоянием, в котором этот человек пребывает в данный момент времени. В иной момент времени характер актуального для него состояния может измениться, и, следовательно, изменится и характер выстраиваемой им среды.

Таким образом, на основании вышесказанного можно сформулировать **первую экспериментальную гипотезу**, согласно которой *речевое событие структурируется под воздействием иерархии средовых факторов, обусловленной уникальными свойствами и актуальным состоянием субъекта коммуникации.*

Это позволяет предположить, что состав факторов, которые образуют среду той или иной живой системы, и их иерархия будут различными даже при постановке экспериментатором коммуникантов во (внешне) однотипные условия.

Для проверки первой гипотезы было разработано экспериментальное задание, в котором испытуемым предложен ряд типовых ситуаций социального взаимодействия. В соответствии с заданием испытуемые должны составить перечень релевантных для них средовых факторов и ранжировать их. Ожидалось, во-первых, что различия выстроенных испытуемыми иерархий средовых факторов продемонстрируют уникальность тех актуальных состояний, которые характеризуют участников эксперимента в момент выполнения задания. Во-вторых, предполагалось большее совпадение / сходство ответов испытуемых, обладающих однотипными социо-когнитивными характеристиками (возраст, гендер, социальный статус, уровень образования и пр.), на фоне выраженных различий на стыке разных групп испытуемых. Для измерения этого параметра выборка испытуемых была разделена на несколько подгрупп с учетом гендерных, возрастных и пр. параметров.

2. Второй основополагающий тезис теории аутопоэза состоит в том, что поддержание живой системой собственной организации представляет собой

путь к самосохранению. С позиции эволюционной теории до тех пор, пока ничто не нарушает организацию живой системы, не угрожает ее целостности, система не испытывает потребности к взаимодействию.

Следует оговорить, что в социуме релевантно понятие социальной нормы, отклонение от которой приводит к маргинализации индивида, существенно снижая шансы его комфортного существования и даже выживания. Именно поэтому любым индивидом, который испытывает потребность находиться в рамках социальной системы, практикуется прежде всего социально приемлемое поведение (в том числе речевое). Осознание этой потребности закладывается уже в детском возрасте, когда от ребенка ожидается следование определенным поведенческим и иным моделям.

И все же взаимодействия, в которые вступает человек в социуме, в большинстве своем осуществляются только тогда, когда нарушается баланс со средой (что является угрозой для идентичности человека). Нарушение баланса между живой системой и средой – очевидно естественный и хаотический процесс. Как следствие, формируется мотивация к какой-либо деятельности, способной восстановить баланс и тем самым сохранить организацию живой системы. А поскольку структурно одинаковых людей нет, характер удовлетворения их потребностей всегда функционален и в статичных моделях представлен быть не может. Так, известная психологическая модель – пирамида потребностей, разработанная А. Маслоу, иерархически выстраивает привитые социумом потребности (начиная от жизненно необходимых и заканчивая эстетическими) [Maslow 1954; 1962], но она не объясняет, почему переход к другому уровню иерархии принципиально не алгоритмичен: один человек с радостью отдает последние деньги на билет в театр, реализуя эстетическую потребность в ущерб базовой потребности в еде, а другой человек, не испытывающий финансовых трудностей, не видит необходимости в реализации каких бы то ни было эстетических потребностей.

С учетом вышесказанного коммуникация как один из видов взаимодействия людей в социуме может рассматриваться как естественная

реакция живой системы на возникший дисбаланс между нею и ее средой: «...структура социальной системы приводит к реальному коонтогенезу ее компонентов, она же вызывает и их взаимную сопряженность, и любой индивидуальный организм является членом некоторого социального единства лишь до тех пор, пока он остается составным звеном взаимного структурного сопряжения» [Матурана 2001, С.171]. И система, и среда при этом принципиально подвижны, а, следовательно, любой баланс, как и дисбаланс, является временным. Поэтому жизнедеятельность живой системы состоит в постоянном восстановлении равновесных отношений со средой, у людей – в коммуникации, «особом типе поведения (при наличии нервной системы или без таковой) в функционировании организмов в социальных системах» [ibid, С. 171-172]. Таким образом, методологически можно рассматривать коммуникацию (форму социального взаимодействия) как реакцию на посягательство на целостность коммуниканта как живой системы.

Исходя из этого, коммуникация может быть алгоритмизирована следующим образом: субъект коммуникации идентифицирует некий социальный дисбаланс и строит дальнейшее поведение, в том числе речевое, так, чтобы максимально быстро восстановить равновесие, необходимое ему как живой системе.

Вышесказанное дает основание сформулировать **вторую экспериментальную гипотезу**: *субъект коммуникации идентифицирует социальный дисбаланс исходя из собственного актуального состояния, которым определяется алгоритм коммуникации*. Предполагаем, что различие актуальных состояний ряда коммуникантов будет определять различные сценарии их коммуникативного поведения.

Для проверки второй гипотезы было разработано экспериментальное задание, в котором испытуемым предложен ряд коммуникативных ситуаций, предполагающих ответное действие, в том числе речевое. В описании каждой ситуации был назван некий «раздражитель», который потенциально может вывести человека из состояния равновесия. Вместе с тем предполагалось, что,

в соответствии со свойствами коммуникантов, такой «раздражитель» мог оказаться не основным, и испытуемыми могли быть выявлены иные раздражающие факторы. Анализ предложенных испытуемыми сценариев поведения позволяет определить, является ли заложенный в предъявленной ситуации раздражитель определяющим для выстраивания сценария дальнейшего поведения. Статистическая обработка ответов испытуемых дает возможность выявить степень унификации коммуникативного поведения представителей разных групп, обладающих определенными гендерными, возрастными и социо-когнитивными характеристиками.

3. Как только «дисбаланс» идентифицируется живой системой, она начинает совершать действия, направленные на его ликвидацию. При этом количество и характер совершаемых действий определяются актуальным состоянием живой системы. Из этого следует, что людям, обладающим разной структурой, требуется различное количество ответных действий для того, чтобы восстановить равновесные отношения со средой. В связи с этим можно выдвинуть **третью экспериментальную гипотезу: количество и характер действий, в т.ч. речевых, необходимых для ликвидации дисбаланса, определяется актуальным соотношением свойств субъекта коммуникации.**

Поскольку, как уже подчеркивалось, живые системы, обладающие различной структурой, выстраивают разные среды, это накладывает дополнительные ограничения на возможность экспериментальной верификации. Именно поэтому в качестве экспериментального материала было отобрано несколько типовых ситуаций, с которыми испытуемые могут потенциально столкнуться в повседневной жизни.

На верификацию третьей экспериментальной гипотезы было направлено также второе задание, в котором испытуемым было предложено перечислить действия, возможные для них в представленных ситуациях. Вычисление частот каждого из предложенных испытуемыми вариантов в процессе статистической обработки экспериментальных данных позволяет оценить

степень значимости этого действия для восстановления равновесных отношений между коммуникантом и пространством коммуникации.

4. В главе 2 мы акцентировали, что самоорганизация (аутопозз) как фундаментальное биологическое свойство живой системы, определяющая общее движение эволюции этой системы, не доступна изучению инструментами лингвистики. Это свойство в лингвистических моделях возможно только постулировать, апеллируя в методологической основе исследования, – теории аутопозза [Матурана 2001, С. 40]. При этом для изучения человека как члена социальной системы такого исключительно биологического описания не достаточно.

Для того чтобы предложенная нами модель могла быть верифицирована на языковом материале, требуется определить свойства, в которых реализуется собственно самоорганизация. Рассуждения, представленные в главе 2, привели к формулированию следующих свойств субъекта социального взаимодействия: активность, языковая способность и структурность. Далее была построена модель структуры субъекта социального взаимодействия, в которой центральное положение занимает свойство самоорганизации, вокруг него выстроены свойства второго порядка: активность, языковая способность и структурность (*Рис. 3.2.*).

Рис. 3.2. Модель структуры субъекта социальной коммуникации

В соответствии с изложенной методологией, представленные в модели свойства активности, структурности и языковой способности образуют разные иерархии в зависимости от того, какие средовые факторы субъективно идентифицируются коммуникантом. В ситуациях, когда языковая способность оказывается недостаточной для совершения ответного речевого действия, коммуникант может использовать, например, свойство *активности* (примером может быть ситуация общения на иностранном языке, когда коммуникант, в неполной мере понимающий адресованные ему высказывания, задает последовательность вопросов, чтобы обеспечить взаимопонимание и совершить ответное речевое действие) или *структурности* (коммуникант, не способный в полной мере понять адресованные ему высказывания, устанавливает параллели между текущим коммуникативным актом и аналогичными и в ответном речевом действии ориентируется на свой прошлый опыт коммуникативного взаимодействия) и т.п.

Эффективно выстроенная иерархия свойств активности, структурности и языковой способности обеспечивает адаптацию коммуниканта в среде, и

следовательно, восстановление равновесных социальных отношений. Неудачно выбранная доминанта иерархизации, напротив, замедляет процесс адаптации и требует совершения большего числа речевых действий для того, чтобы вновь выстроить равновесные отношения коммуниканта со средой. Нерезистивные коммуниканты способны к быстрому преодолению дисбаланса, резистивные, обладающие недостаточно развитыми адаптационными механизмами, – нет.

С опорой на вышесказанное можно сформулировать **четвертую экспериментальную гипотезу**, согласно которой *способность коммуниканта идентифицировать и использовать релевантную для конкретных условий коммуникации иерархию коммуникативных свойств обеспечивает эффективное восстановление равновесных отношений между субъектом коммуникации и средой*. Количество действий, которые потребуются для этого, будет меньше, чем в случае, когда свойства не выстраиваются в жесткую иерархию.

Для верификации этой гипотезы испытуемым было предложено экспериментальное задание, в котором им требовалось сформулировать ответные речевые действия при предъявлении им ряда высказываний. Высказывания были подобраны таким образом, что для совершения ответного речевого действия требовалась опора на одно из смоделированных коммуникативных свойств: в первом высказывании заложена двусмысленность, препятствующая однозначному пониманию (языковая способность); второе высказывание представляет собой вопрос, требующий опоры на фоновые знания при продуцировании ответного речевого действия (структурность); в третьем высказывании предложена дефиниция понятия *человек разумный*, требующая при совершении ответного речевого действия опоры на собственные знания, – соотнесение определяемого понятия с собственным опытом (структурность); четвертое высказывание – еще одна дефиниция (инфекционного мононуклеоза), содержащая значительное количество медицинских терминов и общенаучной лексики (языковая

способность). Экспериментальные задания были ориентированы только на два свойства живой системы, поскольку свойство активности является присущим человеку компенсаторным механизмом и применяется коммуникантом в исследуемых условиях тогда, когда увеличение числа речевых действий представляется единственно возможным сценарием коммуникативного поведения.

Планирование, разработка дизайна и проведение эксперимента, а также последующая статистическая обработка и интерпретация экспериментальных данных осуществлялись с учетом сформулированных экспериментальных гипотез.

3.2. Описание эксперимента

3.2.1. Экспериментальная выборка

В эксперименте добровольно приняли участие 185 испытуемых в возрасте от 17 до 24 лет (младшая возрастная группа). Отбор испытуемых производился с учетом возрастного критерия и рода деятельности (все испытуемые из этой возрастной группы являются студентами крупных вузов РФ: МГЛУ (г. Москва), Академия ФСБ (г. Москва), МГПУ (г. Москва), МГТУ им. Н.Э. Баумана (г. Москва), Высшая школа экономики (г. Москва), Юго-западный государственный университет (г. Курск)): гомогенность экспериментальной выборки делает полученные в эксперименте данные валидными и позволяет экстраполировать их на всю генеральную совокупность.

Для выявления особенностей коммуникативного поведения в эксперимент была введена дополнительная экспериментальная группа, состоящая из 34 испытуемых в возрасте от 40 до 60 лет (старшая возрастная группа). Включение контрольной группы связано с необходимостью оценить то, насколько универсальными являются выявленные в эксперименте закономерности коммуникативного поведения.

Полярность возрастных групп выступает гарантией того, что испытуемые, вошедшие в две экспериментальные группы, обладают различными социо-когнитивными характеристиками, являющимися определяющими в коммуникативном поведении человека. Если различия коммуникативного поведения не будут установлены при сопоставлении экспериментальных данных, полученных от двух групп, универсальность модели коммуникативного взаимодействия может быть подтверждена.

Число участников в каждой группе отражено в таблице (Табл. 3.1).

	Экспериментальная группа 1 (младшая возрастная группа)	Экспериментальная группа 2 (старшая возрастная группа)
Пол	мужчины – 67 человек женщины – 118 человек	мужчины – 9 человек женщины – 25 человек
Возраст	17-24 года	40-60 лет
Образование	неполное высшее (все испытуемые из ЭГ1)	высшее – 30 человек среднее / среднее специальное – 4 человека
Родной язык	русский	русский
Общее количество анкет	185 анкет	34 анкеты

Таблица 3.1. Социо-когнитивные характеристики участников эксперимента

3.2.2. Экспериментальный материал

В качестве экспериментального материала использовались анкеты на русском языке, включающие три задания (представляющие собой анализ кейсов).

В ходе выполнения первого задания испытуемым предлагалось перечислить релевантные для них факторы в предложенных экспериментальных ситуациях и далее ранжировать их. Для анализа было предложено четыре типовые ситуации (кейса):

Ситуация 1. Вы обсуждаете с коллегами (сокурсниками) актуальную социальную проблему. Ваши точки зрения не совпадают

Ситуация 2. Вы просматриваете странички друзей в социальной сети (типа ВКонтакте или Фейсбук)

Ситуация 3. Ваш научный руководитель рекомендовал Вас для участия в конференции в известном вузе. Вы подготовили доклад. Завтра Вам предстоит выступить

Ситуация 4. Ваш сосед в поезде / самолете начинает разговаривать с Вами.

Экспериментальное задание представляло собой задание открытого типа, в котором испытуемым предлагалось самостоятельно продумать перечень релевантных для них факторов и ранжировать их.

Ожидалось, что различия выстроенных испытуемыми иерархий средовых факторов продемонстрируют уникальность / унифицированность тех актуальных состояний, которые характеризуют участников эксперимента в момент выполнения задания.

Второе задание было направлено на верификацию двух гипотез (№2 и №3). Испытуемым было предложено спрогнозировать последовательность действий, которые они совершили бы в той или иной ситуации социального взаимодействия. В описании каждой ситуации был назван некий «раздражитель», который может вывести живую систему из состояния равновесия. Допускалось, что этот «раздражитель» может оказаться не основным, а испытуемыми могут быть выявлены (смоделированы) иные раздражающие факторы. При этом измерялось сразу два фактора: на первом этапе анализа ответов испытуемых устанавливалось, является ли предложенный в задании «раздражитель» источником дисбаланса для участника эксперимента. Если испытуемый выстраивал стратегию коммуникативного поведения, ориентируясь на предъявленный раздражитель, далее анализировалось то, какое количество действий потребовалось для ликвидации дисбаланса.

Для анализа было предложено четыре типовые ситуации (кейса):

Ситуация 1. К Вам обратился с вопросом мужчина на улице. Вы не расслышали вопрос. Ваши действия.

Ситуация 2. В метро Вас буквально внесли в переполненный вагон. Вы кого-то случайно задели рукой. Вам сделали замечание. Ваши действия.

Ситуация 3. Вы общаетесь со знакомым/ой на остановке автобуса. Человек, также ожидающий автобус, слышит, о чем Вы говорите, и начинает участвовать в разговоре. Ваши действия.

Ситуация 4. Вы отвечаете на комментарий к Вашей фотографии в социальной сети. В комментарии содержится критика. Ваши действия.

Третье экспериментальное задание было направлено на верификацию гипотезы №4. В ходе его выполнения испытуемым было предложено смоделировать ответные речевые действия, которые они использовали бы в ответ на одно из представленных высказываний. Для анализа было предложено четыре высказывания:

Высказывание 1. Вы можете формулировать мысль четко

Высказывание 2. С какой целью был инициирован проект «Марс – 1»?

Высказывание 3. Человек разумный – вид рода Люди из семейства гоминид в отряде приматов, отличается значительной степенью развития материальной и нематериальной культуры, способностью к членораздельной речи и развитому абстрактному мышлению

Высказывание 4. Симптомы инфекционного мононуклеоза – катаральный трахеит, бронхит, мигрень, головокружения, боль в мышцах и суставах (чаще всего в результате лимфостаза), повышение температуры

Анализ ответов испытуемых дает возможность выявить доминантное структурное свойство, являющееся определяющим при совершении ответного речевого действия.

3.2.3. Порядок проведения эксперимента

Эксперимент с русскими испытуемыми проводился в индивидуальном порядке и коллективно. Для распространения анкет использовались как личные контакты, так и сайты вузов, форумы, чаты. Русским испытуемым экспериментальный материал предъявлялся в виде печатной анкеты или в электронном варианте через платформу для проведения онлайн-опросов: www.survio.com.

Как известно, сбор экспериментальных анкет возможно оптимизировать за счет опоры на различные интернет-платформы для проведения массовых опросов, среди которых, пожалуй, наиболее популярны www.survio.com, www.mentimeter.com, www.alchemer.com.

Каждый из представленных в перечне ресурсов позволяет создавать экспериментальные анкеты (опросники) с заданиями разного типа: выбор одной или нескольких позиций из списка, ранжирование объектов, семантический дифференциал, шкалирование, поле для текстового ответа и др. Эти интернет-платформы разработаны специально для проведения масштабных опросов, которые распространяются через любой канал связи: ссылка может быть скопирована в текстовое сообщение, отправлена по электронной почте, размещена на любом интернет-сайте или в социальных сетях. При переходе по ссылке испытуемый попадает непосредственно на страницу экспериментальной анкеты, в которую он мгновенно может вносить ответы. При этом результаты опроса в режиме реального времени отображаются в окне демонстрации данных у экспериментатора, что оказывается крайне удобно при применении подобных опросов, например, непосредственно на учебном занятии.

Описанные интернет-платформы для проведения масштабных опросов представлены бесплатными и платными доступами, различающимися масштабами экспериментальной выборки, общим количеством закладываемых в одну анкету вопросов, выбором типов заданий и

возможностями систематизации полученных данных, однако даже бесплатные версии представляют собой эффективный способ оптимизации сбора экспериментальных данных и их первичной систематизации. В случае если выбранная платформа не позволяет включить в одну анкету большое количество заданий, экспериментатор может разбить анкету на несколько, представив в каждой только один вопрос. А если имеются ограничения по количеству испытуемых (иногда максимально допустимое число участников при использовании бесплатной версии составляет 100 человек), можно создать два опроса с одинаковым набором заданий, либо растянуть эксперимент во времени (т.к. иногда ограничение составляет 100 человек в месяц).

В тексте инструкции, который предварял экспериментальные задания в каждой анкете, указывалось, что испытуемые должны выполнять все задания последовательно и не оставлять поля пустыми. Испытуемым также предлагалось указать в отдельных графах свой возраст, пол и образование для определения сбалансированности выборки по возрастному, социальному и гендерному параметрам.

При предъявлении анкеты в печатном варианте осуществлялся контроль времени выполнения задания (общее время выполнения – 20 минут в связи со средним психологическим показателем сохранения стабильности внимания). Если анкета предлагалась в электронном варианте, в предваряющей выполнение собственно экспериментальных заданий инструкции испытуемых просили выполнить все экспериментальные задание также в течение 20 минут.

3.2.4. Зависимые и независимые переменные

В ходе проведения эксперимента (в трех заданиях) осуществлялась манипуляция двумя переменными: возраст и пол испытуемых. Первая переменная была представлена двумя модальностями: «от 17 до 24 лет» и «от 40 до 60 лет» (периодизация была разработана с опорой на периодизацию развития Э. Эриксона [Эриксон 2006; 2019]). Вторая переменная отражена в двух модальностях: «мужчина» и «женщина».

В первом экспериментальном задании зависимой переменной являлась степень релевантности средовых факторов. Предполагалось, что уникальность актуального состояния живой системы проявится при сопоставлении ответов, полученных от испытуемых, обладающих разными возрастными и гендерными параметрами: участники эксперимента, обладающие однотипными социо-когнитивными характеристиками, будут предлагать сходные варианты ранжирования.

Во втором экспериментальном задании одновременно исследовалось два фактора. Первой зависимой переменной является степень релевантности средового «раздражителя» для коммуниканта. Эта переменная была представлена дихотомией: (1) «раздражитель является релевантным, и испытуемый предпринимает действия для устранения дисбаланса» и (2) «раздражитель является нерелевантным для испытуемого, который не предпринимает никаких действий, направленных на ликвидацию дисбаланса».

Вторая зависимая переменная исследовалась на втором этапе анализа в том случае, если участник эксперимента расценивал раздражитель как значимый. В этой ситуации изучалась зависимость между возрастными и гендерными характеристиками испытуемых и количеством действий, прогнозируемых участниками эксперимента для восстановления равновесия между системой и средой.

В третьем экспериментальном задании зависимой переменной являлся характер иерархизации структурных свойств живой системы, определяющий ответное речевое действие.

На первом этапе анализа экспериментальные анкеты были распределены по группам в зависимости от возрастных и гендерных параметров испытуемых. Далее ответы участников эксперимента подверглись статистической обработке и интерпретации. На завершающем этапе результаты анализа ответов, полученных в разных экспериментальных группах, были сопоставлены между собой с целью определения степени унифицированности / уникальности предложенных испытуемыми решений.

3.3. Результаты эксперимента

3.3.1. Обработка результатов первого этапа эксперимента: оценка релевантности средовых факторов для коммуникантов, обладающих однотипными / различными социо-когнитивными характеристиками

Обработка экспериментальных данных, полученных на первом этапе проведения эксперимента, производилась в несколько этапов.

1. Поскольку перед испытуемыми поставлена задача ранжировать факторы в зависимости от степени их релевантности в пределах данного коммуникативного события, на первом этапе анализа были отдельно рассмотрены ответы, отнесенные испытуемыми к тому или иному рангу и проведен дисперсионный анализ, направленный на **измерение вариации оценок внутри группы** [Гласс, Стэнли 1976, С. 74].
2. Далее применен метод частот, состоящий в **регистрации частот появления тех или иных ответов** (входящих в ту или иную группу). Следует отметить, что испытуемые не во всех случаях заполняли все предложенные для ответов строки. Тем строкам, в которых не содержалось ответа, было присвоено значение «0».
3. На третьем этапе статистической обработки был высчитан коэффициент конкордации, позволяющий вычислить **степень согласованности мнений испытуемых**. Этот этап анализа представляется особенно значимым для верификации предложенной нами модели.
4. Наконец, на последнем этапе обработки данных сопоставлялись ответы младшей и старшей возрастных экспериментальных групп (сопоставление по возрастному параметру). Далее экспериментальная выборка была разбита на две подгруппы в зависимости от пола испытуемых для последующего проведения сопоставления ответов с учетом возрастного и гендерного параметра.

Экспериментальные данные, аккумулированные при предъявлении испытуемым экспериментальных заданий на первом этапе проведения эксперимента, были обработаны с использованием единого алгоритма анализа, включающего систематизацию ответов испытуемых и разработку кластеров, в которые были объединены ответы с близкими содержательными характеристиками, статистическую обработку данных и интерпретацию выявленных доминантных трендов. Для демонстрации возможностей применения этого алгоритма к анализу полученных экспериментальных данных далее приводится детальный разбор двух экспериментальных ситуаций.

Экспериментальная ситуация № 1

На этапе, предвещающем собственно статистическую обработку экспериментальных данных, были отфильтрованы анкеты, не удовлетворяющие условиям эксперимента. Так, из общей совокупности были исключены те анкеты, в которых вместо факторов, релевантных в пределах данного коммуникативного события, испытуемые выстроили последовательность действий, прогнозируемых ими в данной ситуации общения (здесь и далее в 3 и 4 главах в примерах сохранены авторская орфография и пунктуация): *выслушаю его точку зрения – объясню свою – попробую пойти на компромисс; выслушаю обоснованность их суждений – выскажу свои аргументы; подобрать больше аргументов; приведу доказательства моей правоты – попытаюсь убедить – попытаюсь найти компромисс* и др. (10 анкет). В дальнейшем анализе также не учитывались анкеты, которые содержали ответ *не знаю*, равносильный отказу отвечать (1 анкета). В контрольной группе (старшей возрастной группе) отбракованных анкет не было.

Систематизация данных осуществлялась вручную, экспериментальные данные вносились в таблицы в соответствующие ранги (фрагменты таблиц представлены в Приложении 3).

В результате содержательного анализа экспериментальных данных было сформировано двенадцать тематических кластеров:

- СОЦИАЛЬНО ПРИЕМЛЕМЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ;
- ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА);
- СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС / РОЛЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА);
- ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР;
- СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАЦИИ;
- МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ;
- ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ;
- КОЛИЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ КОММУНИКАЦИИ;
- МЕСТО РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ;
- ЗНАЧИМОСТЬ ОБСУЖДАЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ (ДЛЯ СОЦИУМА / ДЛЯ СЕБЯ);
- ВОЗМОЖНОСТЬ КОМПРОМИССА;
- ПРОГНОЗИРУЕМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

В кластер СОЦИАЛЬНО ПРИЕМЛЕМЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ вошли те ответы, в которых испытуемые указывали на важность использования социально одобряемых моделей коммуникативного поведения или перечисляли, по их мнению, социально неприемлемые, например, *как ведут себя собеседники; поведение коллег; вежливость; толерантность; уважение к оппоненту; тон; выражение лица; тон голоса говорящего; поведение сокурсников; мимика и жесты; не перебивают ли друг друга* и др..

В кластер ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА) вошли те ответы, в которых испытуемые указывали на важность использования грамматически, стилистически и орфоэпически

верных языковых структур (*организованность речи; чистота речи; речь говорящего; грамотность речи оппонента* и др.).

Кластер СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС / РОЛЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА) содержит ответы, указывающие на важность для испытуемых учета социальных ролей и статуса коммуникантов. В эту группу вошли ответы типа *образованность; компетентность; опыт; впечатление, производимое оппонентом на окружающих; осведомленность коллег; авторитет говорящего; социальный статус коллег; характеристика личности, выдвигающей свою точку зрения, с которой я не согласен; адекватность* и др.

В кластер ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР были включены ответы, в которых назывались различные эмоциональные реакции участников коммуникации, а также описывался эмоциональный контекст, в котором реализуется предложенная для анализа ситуация (*обособление от конфликта, агрессивность, эмоциональное состояние, настроение, эмоциональность, его психическое состояние* и др.).

Кластер СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАЦИИ включает те ответы, в которых содержится информация о собственно содержании коммуникации (*факты, аргументы; приведенные доказательства собеседником; убедительность аргументов; логика рассуждений; мнения компетентных ученых, писателей; аргументация; четкая систематизация; доказательная база; информация, представленная в интернете, других источниках* и др.).

В кластер МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ вошли ответы, в которых испытуемые указывали на заинтересованность в продолжении коммуникации одной из сторон / обеими сторонами. В эту группу были включены как ответы, описывающие собственную мотивацию, так и ответы, маркирующие заинтересованность оппонента в развитии спора (*личная заинтересованность; его заинтересованность; стоит ли продолжать разговор; моя заинтересованность в данном вопросе* и др.).

В кластер ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ были включены ответы, фиксирующие характер отношений между коммуникантами (оппонентами в споре). В эту группу вошли ответы типа *насколько близки наши отношения (если не близкие, то не буду спорить); его/ее отношение ко мне, мое отношение к нему/ней; уважение к оппоненту; личное отношение; степень близости с этим сокурсником; насколько хорошо я знаю человека* и др.

Кластер КОЛИЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ КОММУНИКАЦИИ содержит ответы, указывающие на значимость количества участников коммуникации для развития дискуссии (*количество коллег; количество оппонентов; количество собеседников* и др.).

Кластер МЕСТО РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ включает ответы типа *место обсуждения проблемы; место проведения беседы; в какой обстановке происходит обсуждение* и др.

В кластер ЗНАЧИМОСТЬ ОБСУЖДАЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ (ДЛЯ СОЦИУМА / ДЛЯ СЕБЯ) вошли ответы, представляющие на социальную релевантность обсуждаемого вопроса или же его релевантность для данного испытуемого, типа *принципиальность вопроса; является ли спор для меня принципиальным; масштаб проблемы; степень важности проблемы* и др.

В кластер ВОЗМОЖНОСТЬ КОМПРОМИССА вошли ответы типа *согласен ли он вообще идти на компромисс; возможность прийти к компромиссу; возможность для компромисса; готовность противоположной стороны к компромиссу* и др.

Кластер ПРОГНОЗИРУЕМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ содержит ответы, в которых испытуемые дают оценку возможным последствиям спора (*последствия конфликта* и др.).

Часть ответов осталась неатрибутированной в силу сложности отнесения их в тот или иной кластер (*выбор стороны; уверенность в своих доводах; переубеждение* и др.) или же в силу того, что они могли быть включены одновременно в несколько кластеров (например, ответ *отношение говорящего* может быть включен как в кластер ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ

ФАКТОР, так и в кластер ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ). Эти ответы были отнесены в группу ДРУГИЕ ОТВЕТЫ.

Статистическая обработка экспериментальных данных состояла в подсчете числа ответов, включенных в каждый кластер, и вычислении процентных соотношений от общего количества аккумулированных анкет. Полученные данные были сведены в таблицу (Табл. 3.2).

	Ответы, относящи ся к рангу 1	Ответы, относящи ся к рангу 2	Ответы, относящи ся к рангу 3	Ответы, относящи ся к рангу 4	Ответы, относящи ся к рангу 5
Кластер СОЦИАЛЬНО ПРИЕМЛЕМЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВ НОГО ПОВЕДЕНИЯ	9,3%	17,1%	13,1%	9,2%	7,4%
Кластер ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА)	-	4,9%	2,8%	3,1%	1,9%
Кластер СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС / РОЛЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА)	10,1%	6,5%	8,4%	7,7%	16,7%
Кластер ЭМОЦИОНАЛЬНЫ Й ФАКТОР	4,7%	9,8%	7,4%	24,6%	12,9%
Кластер СОДЕРЖАТЕЛЬНЫ Е ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАЦИИ	48%	29,3%	25,2%	16,9%	14,8%
Кластер МОТИВАЦИОННЫ Е ФАКТОРЫ	1,5%	1,6%	1,9%	1,5%	1,9%
Кластер ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	3,9%	3,3%	5,6%	6,2%	3,7%
Кластер КОЛИЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ КОММУНИКАЦИИ	-	0,8%	1,9%	-	1,9%
Кластер МЕСТО РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВ НОГО	1,5%	0,8%	0,9%	1,5%	3,7%

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ					
Кластер ЗНАЧИМОСТЬ ОБСУЖДАЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ (ДЛЯ СОЦИУМА / ДЛЯ СЕБЯ)	6,2%	4,9%	6,5%	1,5%	5,6%
Кластер ВОЗМОЖНОСТЬ КОМПРОМИССА	7%	4,1%	12,1%	13,8%	12,9%
Кластер ПРОГНОЗИРУЕМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	1,5%	1,6%	0,9%	-	1,9%
Другие ответы	6,2%	15,4%	13,1%	13,8%	14,8%
Количество отказов	3	3	29	80	96
Общее количество ответов	171 ответ	171 ответ	145 ответов	94 ответа	78 ответов

Таблица 3.2. Статистическая обработка ответов испытуемых (младшая возрастная группа)

Статистическая обработка результатов эксперимента позволила наметить ряд трендов. Перечисляя факторы, релевантные в предъявленной в эксперименте ситуации общения, испытуемые отмечают значимость содержательных параметров коммуникации. Это самый частотный ответ, предлагаемый испытуемыми в этом экспериментальном задании (30,1% от общего числа ответов). Более того, этот ответ занимает верхние ранги в выстроенных участниками эксперимента иерархиях (48% в группе ответов первого ранга; 29,3% в группе ответов второго ранга и т.д.).

Релевантными также представляются кластеры СОЦИАЛЬНО ПРИЕМЛЕМЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ (11,9% от общего числа ответов) и ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР (10,3% от общего числа ответов). Вероятно, коммуникант, оценивающий возможность вступления в спор, основывается в принятии решения на том, будут ли соблюдены социальные нормы коммуникативного взаимодействия. Здесь, безусловно, следует отметить наличие определенного стереотипного поведения, к которому апеллируют испытуемые, называя такие составляющие коммуникативного поведения, как *уважение к оппоненту, толерантность,*

вежливость, тон, выражение лица, жестикация, не перебивают ли друг друга и др. Иными словами, **испытываемыми моделируется некая идеальная ситуация коммуникативного взаимодействия**, как представляется, не являющаяся компиляцией предшествующего положительного и/или негативного коммуникативного опыта, а скорее, искусственно смоделированная ситуация коммуникативного взаимодействия с учетом диктуемых социумом норм поведения.

Поскольку ситуация общения, развивающаяся вокруг спора, предполагает наличие эмоциональных реакций участников коммуникации, в обработанных анкетах содержались как ответы, в которых этот фактор назывался без какой-либо аксиологической интерпретации (*атмосфера во время дебатов; эмоциональное состояние* и др.), так и ответы, фиксирующие конкретные эмоциональные проявления (например, *агрессивность, спокойствие, наличие / отсутствие физических проявлений агрессии или тенденции к ней* и др.).

В целом в кластер **СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС / РОЛЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА)** вошло 9,2% от общего числа ответов; в кластер **ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА)** – 2,4%. В современном обществе значимость человека определяет его общественное бытие. Поэтому потенциального коммуниканта оценивают по ряду параметров: уровень его развития, что находит отражение в таких ответах, как *образованность, опыт, компетентность, осведомленность коллег, глубина мышления собеседника* и др., социальный статус (*авторитет собеседника, образование собеседника социальный статус оппонентов* и др.), внешние параметры (*как выглядит человек, голос, внешность, возраст* и др.).

Здесь, однако, нужно актуализировать противоречие, отмеченное нами во второй главе работы. С одной стороны, в коммуникативное взаимодействие вступают индивиды с разным уровнем развития. Гибкость структуры человека позволяет ему адаптироваться в заданных условиях, подстраиваясь под коммуникативный потенциал людей с другим уровнем сложности системы,

более простых или более сложных. Исходя из этого эволюция понимается как процесс переструктурирования (как усложнения, так и упрощения) живой системы, обеспечивающий, с одной стороны, ее адаптацию в среде, задаваемой актуальной иерархией ее структурных параметров. В связи с этим в модель структуры субъекта социальной коммуникации было включено свойство структурности, отражающее уровень сложности живой системы. С другой стороны, степень релевантности коммуниканта оценивается либо с опорой на исключительно формальные характеристики (авторитет, внешность и др.), не всегда являющиеся адекватными внутреннему развитию, либо на основе субъективной оценки коммуниканта другим участником общения, зачастую не способного оценить сложность собеседника в силу недостаточного собственного развития.

Значительное количество ответов, отнесенных в кластер ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА), вероятно, является данью моде на грамотность, распространившейся в российском социуме в последние годы. Отчасти это связано с существенным снижением возраста интернет-пользователей и катастрофическим ухудшением качества коммуникации в интернет-пространстве. Ошибки, возникающие в силу юного возраста значительного количества пользователей, являются настолько очевидными, что вызывают возмущение даже среди не самых образованных представителей взрослого населения. Видимо, именно это и отражено в ответах испытуемых.

На следующем этапе анализа результаты эксперимента, проведенного с младшей возрастной группой, были сопоставлены с данными, полученными от старшей возрастной группы. Поскольку в контрольную группу вошли испытуемые в возрасте от 40 лет, ожидалось, что перечень релевантных средовых факторов в предъявленной экспериментальной ситуации, составленный участниками из этой группы, будет существенно отличаться от иерархии, выстроенной испытуемыми из основной экспериментальной группы (в возрасте от 17 до 24 лет). Статистическая обработка результатов

эксперимента со старшей возрастной группой осуществлялась по схеме анализа, аналогичной той, которая была разработана для испытуемых младшего возраста.

Статистическая обработка результатов эксперимента со старшей возрастной группой и сопоставительный анализ ответов, полученных от испытуемых, которые входят в контрастные экспериментальные группы, позволил выявить ряд различий в ответах испытуемых, относящихся к разным экспериментальным группам. Так, ответы испытуемых в возрасте от 40 до 60 лет распределились преимущественно между двумя кластерами: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАЦИИ и СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС / РОЛЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА). В то время как в ответах испытуемых в возрасте 17-24 года в кластер СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАЦИИ было отнесено 30,1% ответов, а в кластер СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС / РОЛЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА) – только 9,2%, в старшей возрастной группе в эти кластеры вошло примерно одинаковое число ответов (50% и 42% соответственно). Более того, в третьем, четвертом и пятом рангах ответов, отнесенных к кластеру «СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАЦИИ», отличий выявлено не было: испытуемые предлагали такие ответы, которые, по их мнению, ожидалось от них (социально одобряемые). Именно поэтому они предлагались первыми (занимали верхние ранги), но далее вытеснялись ответами, более актуальными для конкретного испытуемого. Однако количественное преобладание ответов, связанных с социальным статусом собеседника, наблюдается на всех рангах.

В целом испытуемые, входящие в контрольную группу, идентифицировали меньшее количество средовых факторов, релевантных для совершения коммуникации. Их ответы часто стереотипны, в 10% анкет отмечены отказы. Это дает основание говорить о большей степени стереотипизации коммуникативного поведения, следовании жестко заданной

модели речевого поведения, которая, по мнению испытуемого, является социально одобряемой.

Следующий этап обработки данных состоял в сопоставлении ответов, полученных от испытуемых, которые относятся к разным гендерным группам. Согласно верифицируемой гипотезе, количество и качественный состав средовых факторов, идентифицируемых коммуникантом, является уникальным, однако структурное сходство живых систем, обусловленное одинаковыми возрастными, гендерными и пр. характеристиками, формирует ряд единых для группы релевантных средовых факторов. Сравним ответы, полученные от представителей одного возраста (от 17 до 24 лет), которые вошли в разные гендерные группы (Табл. 3.3 и 3.4).

	Ответы, относящи ся к рангу 1	Ответы, относящи ся к рангу 2	Ответы, относящи ся к рангу 3	Ответы, относящи ся к рангу 4	Ответы, относящи ся к рангу 5
Кластер СОЦИАЛЬНО ПРИЕМЛЕМЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВ НОГО ПОВЕДЕНИЯ	11,1%	14%	7,5%	4%	5,9%
Кластер ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА)	-	4%	5%	-	5,9%
Кластер СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС / РОЛЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА)	12,9%	10%	7,5%	4%	5,9%
Кластер ЭМОЦИОНАЛЬНЫ Й ФАКТОР	3,7%	10%	15%	32%	17,6%
Кластер СОДЕРЖАТЕЛЬНЫ Е ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАЦИИ	46,3%	38%	25%	20%	17,6%
Кластер МОТИВАЦИОННЫ Е ФАКТОРЫ	1,9%	-	2,5%	-	-

Кластер ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	3,7%	4%	-	8%	5,9%
Кластер КОЛИЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ КОММУНИКАЦИИ	-	-	-	-	5,9%
Кластер МЕСТО РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	-	-	2,5%	-	-
Кластер ЗНАЧИМОСТЬ ОБСУЖДАЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ (ДЛЯ СОЦИУМА / ДЛЯ СЕБЯ)	5,6%	6%	7,5%	4%	11,8%
Кластер ВОЗМОЖНОСТЬ КОМПРОМИССА	5,6%	6%	15%	16%	23,5%
Кластер ПРОГНОЗИРУЕМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	1,9%	4%	2,5%	-	-
Другие ответы	7,4%	4%	10%	12%	-
Количество отказов	1	5	16	33	43
Общее количество ответов	62 ответа	58 ответов	47 ответов	30 ответов	20 ответов

Таблица 3.3. Статистическая обработка ответов испытуемых (мужчины в возрасте от 17 до 24 лет)

	Ответы, относящиеся к рангу 1	Ответы, относящиеся к рангу 2	Ответы, относящиеся к рангу 3	Ответы, относящиеся к рангу 4	Ответы, относящиеся к рангу 5
Кластер СОЦИАЛЬНО ПРИЕМЛЕМЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ	8%	19,2%	16,4%	12,5%	8,1%
Кластер ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА)	-	5,5%	1,5%	5%	-
Кластер СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС / РОЛЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА)	8%	4,1%	9%	10%	21,6%

Кластер ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР	5,3%	9,6%	3%	20%	10,8%
Кластер СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАЦИИ	49,3%	23,3%	25,4%	15%	13,5%
Кластер МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ	1,3%	2,7%	1,5%	2,5%	2,7%
Кластер ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	4%	2,7%	9%	5%	2,7%
Кластер КОЛИЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ КОММУНИКАЦИИ	-	1,4%	3%	-	-
Кластер МЕСТО РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	2,7%	1,4%	-	2,5%	5,4%
Кластер ЗНАЧИМОСТЬ ОБСУЖДАЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ (ДЛЯ СОЦИУМА / ДЛЯ СЕБЯ)	6,7%	4,1%	6%	-	2,7%
Кластер ВОЗМОЖНОСТЬ КОМПРОМИССА	8%	2,7%	10,4%	12,5%	8,1%
Кластер ПРОГНОЗИРУЕМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	1,3%	-	-	-	2,7%
Другие ответы	5,3%	23,3%	14,9%	15%	21,6%
Количество отказов	2	4	13	46	53
Общее количество ответов	109	107	98	65	58
	ответов	ответов	ответов	ответов	ответов

Таблица 3.4. Статистическая обработка ответов испытуемых (женщины в возрасте от 17 до 24 лет)

Сопоставительный анализ результатов эксперимента показал, что коммуникативное поведение женщин в возрасте от 17 до 24 лет определяется следующими типами средовых факторов: СОЦИАЛЬНО ПРИЕМЛЕМЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ; ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР; СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАЦИИ;

ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Эти кластеры выстраиваются в иерархию, которая сохраняется на всех рангах: доминантными являются средовые факторы, связанные с содержательными параметрами коммуникации (*аргументированность позиций, аргументы сокурсника*) и эмоциональными реакциями (*настроение сокурсника, задевает ли он мои чувства, его психическое состояние*). Доминанты, определяющие коммуникативное поведение молодых людей, в целом совпадают с этим перечнем: СОЦИАЛЬНО ПРИЕМЛЕМЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ; СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС / РОЛЬ КОММУНИКАНТА (ОППОНЕНТА); ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР; СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАЦИИ. Однако общее количество релевантных средовых факторов, выделяемых мужчинами, меньше, и распределение ответов в этих кластерах существенно отличается от иерархии, выстраиваемой в группе женщин.

Верхнюю строку иерархии как в группе женщин, так и в группе мужчин занимают содержательные параметры коммуникации: 49,3% (1 ранг), 23,3% (2 ранг), 25,4% (3 ранг) в группе женщин и 46,3% (1 ранг), 38% (2 ранг), 25% (3 ранг) в группе мужчин. Уже во втором ранге с ответами из этого кластера сопоставимы ответы из кластеров СОЦИАЛЬНО ПРИЕМЛЕМЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ и ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР, а в третьем ранге количество единиц, вошедшие в три наиболее выраженных кластера, фактически выравнивается.

Следует отметить, что результаты дисперсионного анализа в каждой из рассматриваемых подгрупп демонстрируют неоднородность мнений испытуемых, обладающих однотипными гендерными или возрастными характеристиками. Так, в группе женщин в возрасте от 17 до 24 лет наблюдается сравнительно выраженная неоднородность мнений. Это, безусловно, подтверждает первую экспериментальную гипотезу о том, что в целом характер коммуникативного поведения определяется актуальным соотношением свойств субъекта коммуникации и идентифицированными им

средовыми факторами, которые он далее иерархизирует. Тем не менее, *именно на стыке групп (возрастных или гендерных) были выявлены самые значимые различия*. Это дает основания говорить о конечном количестве моделей коммуникативного поведения, которые усваиваются индивидом в процессе социализации. Вариативность коммуникативного поведения, таким образом, не бесконечна, а определена выбором из ограниченного нормами социального взаимодействия числа стереотипных сценариев. При этом по мере взросления и накопления коммуникативного опыта человек привыкает использовать одни и те же модели коммуникативного поведения, что подтверждается и результатами статистической обработки экспериментальных данных: *степень унификации мнений в более взрослой группе испытуемых выше*.

Экспериментальная ситуация № 2

Для дополнительной верификации выявленных трендов и проверки возможности экстраполяции сделанных наблюдений на другие коммуникативные ситуации в эксперимент были введены дополнительные экспериментальные кейсы. Задача, поставленная перед испытуемыми, была идентична той, которую они решали в случае с первой экспериментальной ситуацией: идентифицировать релевантные для вступления в коммуникацию средовые факторы и ранжировать их. Максимально допустимое количество средовых факторов, которые могли указать испытуемые, равнялось пяти.

Обработка данных, полученных при предъявлении экспериментального кейса *Ваш научный руководитель рекомендовал Вас для участия в конференции в известном вузе. Вы подготовили доклад. Завтра Вам предстоит выступить*, осуществлялась по схеме, идентичной той, что использовалась в случае с первой экспериментальной ситуацией.

Для оценки степени согласованности мнений испытуемых внутри каждой экспериментальной группы была разработана классификация, в которую вошли следующие кластеры:

- САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ;

- КАЧЕСТВО ДОКЛАДА;
- ПОДАЧА ДОКЛАДА (МАТЕРИАЛА);
- ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА);
- ЗНАЧИМОСТЬ ТЕМЫ ДОКЛАДА;
- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ;
- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ;
- ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ / ДИСКУССИЯ;
- ОЖИДАНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ.

В кластер САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ вошли ответы участников эксперимента, обнаруживающих значимость характеристик самого докладчика (как внешних, так и внутренних). Испытуемые указывают на *самоуверенность; подготовить внешний вид; одежда; умение себя преподнести; внешний вид; уверенность, твердость голоса; манера поведения; опрятный внешний вид; дресс-код; готова ли одежда; подготовлю костюм и др.*

Кластер КАЧЕСТВО ДОКЛАДА включает ответы, в которых указывается на необходимость качественной подготовки доклада, при этом речь идет прежде всего о содержания доклада и владении материалом: *просвещенность в выбранной теме; проверка знания доклада; уверенность в том, что я готов представить ее [тему]; степень готовности; подготовка; знание материала; степень понимания и усвоения мной доклада; знания на эту тему в широком смысле и др.*

В ряде случаев испытуемые указывали на важность внешней формы при представлении доклада: наличие раздаточных материалов, презентации, качественного оформления сопроводительных материалов, умение правильно распределить время доклада и представить материал кратко и убедительно и др. Эти формальные составляющие доклада были объединены в кластер ПОДАЧА ДОКЛАДА (МАТЕРИАЛА): *контрольный прогон; легкость звучания выступления; логичность высказываний; хорошее знание текста;*

ясность речи; оформление доклада; размер доклада; завершенность доклада; проверю, соответствуют ли мои раздаточные материалы и презентация требованиям; отрепетирую речь; проверю, все ли готово и др.

В кластер ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА) включены ответы испытуемых, в которых указывается на релевантность внешних (средовых) факторов, иными словами, той обстановки, в которой осуществляется презентация доклада: *целевая аудитория; заинтересованность аудитории; регламент; посмотрю, кто входит в комиссию; ознакомлюсь с другими участниками конференции; проверить, соответствует ли выступление формату конференции; кто моя аудитория; наличие необходимого оборудования, название вуза и др.*

Некоторые испытуемые указывали на то, что их участие в мероприятии будет определяться актуальностью и важностью темы доклада. Такие ответы были объединены в кластер ЗНАЧИМОСТЬ ТЕМЫ ДОКЛАДА: *тема доклада; актуальность темы доклада; актуальность доклада; интересная тема; значимость и актуальность своей темы; степень важности и др.*

Кластер ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ объединил ответы участников эксперимента, указывающих на значимость психологического состояния: *просто постараться успокоиться и выспаться; уверенность; открытость к аудитории; боевой настрой; готовность к защите; волнение; готовность выступить на публике; спокойствие; эмоции; моя заинтересованность в выступлении и др.* – и комфорта докладчика: *правильный отдых; сон; хороший сон; хорошее самочувствие; выпью успокоительное; готовность потратить на это весь день; отдых перед выступлением; выспаться и др.*

В кластер ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ / ДИСКУССИЯ вошли ответы испытуемых, в которых указывалось на готовность докладчика участвовать в дискуссии по теме доклада и отвечать на вопросы аудитории (*подготавливаю ответы на возможные вопросы, наверное; продумаю возможные вопросы, которые могут задать после прослушивания доклада;*

ответы на возможные вопросы; умение отвечать на вопросы по выступлению; готовность отвечать на вопросы; продумывание возможных дополнительных вопросов; что могут спросить дополнительно; интерактив и др.).

Последний кластер ОЖИДАНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ объединил ответы испытуемых, в которых говорится о значимости степени соответствия докладчика ожиданиям других людей (научного руководителя, начальника, слушателей и пр.): *отношение преподавателей; критика; мнения; убедиться, что материалы согласованы с научным руководителем; не подвести руководителя; какую реакцию вызовет мое выступление; отправлю свой доклад с правками научному руководителю; соответствие доклада ожиданиям и требованиям; настроение руководителя и др.*

На первом этапе статистической обработки данных были систематизированы ответы, полученные в младшей возрастной группе (мужчины и женщины в возрасте от 17 до 24 лет). Пять анкет были отбракованы во время предварительного изучения экспериментальных материалов в силу их несоответствия требованиям и условиям задания: вместо составления списка релевантных для участия в коммуникации факторов испытуемые перечисляли планируемые действия: *прочитаю несколько раз; выделю фломастером; выучу; красиво распечатать; возьму папку для выступления; перепроверю материал; повторю выступление перед зеркалом; еще раз перечитаю его; выучу введение, чтобы хорошо звучало; выберу костюм, в котором буду выглядеть по-деловому; выплюсь и др.* Таким образом, из 185 анкет в дальнейшем анализе было задействовано 180 экспериментальных бланков.

Результаты статистической обработки экспериментальных данных, полученных от испытуемых из младшей возрастной группы, сведены в таблицу (см. *Таблицу 3.5*).

	Ответы, относящие ся к рангу 1	Ответы, относящие ся к рангу 2	Ответы, относящие ся к рангу 3	Ответы, относящие ся к рангу 4	Ответы, относящие ся к рангу 5
Кластер САМОПРЕЗЕНТА- ЦИЯ	12,2%	15,5%	21,9%	16,7%	15,4%
Кластер КАЧЕСТВО ДОКЛАДА	14,5%	10,9%	7,9%	7,7%	1,9%
Кластер ПОДАЧА ДОКЛАДА (МАТЕРИАЛА)	35,9%	37,5%	23,7%	25,6%	23,1%
Кластер ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТ ВА)	11,5%	14,1%	22,8%	23%	26,9%
Кластер ЗНАЧИМОСТЬ ТЕМЫ ДОКЛАДА	4,6%	1,6%	3,5%	2,6%	-
Кластер ПСИХОЛОГИЧЕС КИЕ ФАКТОРЫ	19,8%	17,2%	13,2%	14,1%	28,8%
Кластер ДОПОЛНИТЕЛЬН ЫЕ ВОПРОСЫ / ДИСКУССИЯ	-	2,3%	4,4%	5,1%	3,8%
Кластер ОЖИДАНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ	1,5%	0,8%	2,6%	5,1%	-
Отказы	8	12	31	75	110
Общее количество ответов	172 ответа	168 ответов	149 ответов	105 ответов	70 ответов

Таблица 3.5. Статистическая обработка ответов испытуемых (младшая возрастная группа)

Анализ данных, представленных в таблице 3.5, позволяет идентифицировать следующие особенности коммуникативного поведения в заданной экспериментальной ситуации, свойственные младшей экспериментальной группе.

Большинство ответов испытуемых на каждом из пяти рангов было отнесено в кластер ПОДАЧА ДОКЛАДА (МАТЕРИАЛА) – 30,6% от общего количества ответов. На первых четырех рангах этот кластер является доминирующим, и только на пятом ранге занимает третью позицию после

кластеров ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ и ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА).

Однако это еще не дает достаточных оснований констатировать высокую степень согласованности мнений испытуемых этой экспериментальной группы: в доминирующий кластер входит только 35,9% ответов (на первом ранге), 37,5% ответов (на втором ранге) и от 23,1% до 25,6% ответов (на рангах 3-5). Около 60% ответов было распределено достаточно равномерно между другими кластерами: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, КАЧЕСТВО ДОКЛАДА, САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ, ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА). Единичные ответы вошли в кластеры ЗНАЧИМОСТЬ ТЕМЫ ДОКЛАДА, ОЖИДАНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ и ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ / ДИСКУССИЯ. Это показывает, что испытуемые младшей возрастной группы не демонстрируют единства, ожидаемого в группе со сходными социокогнитивными характеристиками. Более того, фактически равное количество ответов, вошедших в ряд кластеров, говорит о выраженной неоднородности мнений: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ (17,7% от общего числа ответов), САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ (16,3%), ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА) (18,1%). На разных рангах это соотношение незначительно варьируется, но не является выражено дисбалансированным. Эти же тенденции обнаруживаются и в ходе обработки экспериментальных данных с помощью статистического пакета SPSS: коэффициент конкордации ответов является сравнительно низким.

Следует отметить сравнительно большое количество отказов в этой экспериментальной группе (на 3 и 4 рангах). Это демонстрирует то, что в данной коммуникативной ситуации релевантными являются единичные средовые факторы (до трех). При этом они преимущественно связаны с формальными аспектами презентации доклада (наличием необходимых материалов, подготовкой красивой презентации, раздаточных материалов, планированием того, как будет осуществляться подача доклада, репетицией доклада для обеспечения более качественного звучания речи и пр.),

имиджевыми характеристиками (внешний вид, соответствие дресс-коду, модуляция голоса, умение найти контакт с аудиторией, презентабельность и пр.), а также психологическим настроем и комфортом докладчика (уверенность в себе, отсутствие волнения, готовность к публичному выступлению, умение настроиться на доклад, умение правильно спланировать свой досуг: отдых перед выступлением, сон, прием пищи и др.). Иными словами, в число факторов, релевантных для осуществления подобной академической коммуникации, входят различные формальные составляющие коммуникативной ситуации, а содержательные составляющие коммуникации (качество доклада) оказываются периферийными. Более того, для осуществления коммуникации в заданной экспериментальной ситуации в меньшей степени учитываются характеристики собственно среды. При этом характер взаимодействия между участником коммуникации и средой также никак не оговаривается: нет возможности говорить о том, какие адаптационные механизмы могут быть задействованы коммуникантом для обеспечения равновесных отношений со средой.

Для того чтобы провести сопоставление результатов эксперимента, проведенного с двумя группами испытуемых – младшей возрастной группой и старшей возрастной группой, – аналогичным образом были систематизированы ответы испытуемых в возрасте от 40 до 60 лет. Во время предварительного просмотра экспериментальных анкет была отбракована одна анкета.

В ходе статистической обработки результатов эксперимента с участниками из старшей возрастной группы, была отмечена крайне высокая степень согласованности мнений испытуемых (коэффициент конкордации $>0,8$). В доминирующий кластер ПОДАЧА МАТЕРИАЛА вошло 52,9% ответов на первом ранге и 33,5% ответов на втором ранге, что говорит о том, что для представителей этой группы важны формальные составляющие академической коммуникации. Иными словами, важно эффектно представить

доклад, подготовить яркую презентацию и раздаточные материалы, при этом качество доклада является вторичным (17,6% ответов).

В младшей возрастной группе наблюдается похожая картина, однако доминанта менее выражена: в кластер ПОДАЧА МАТЕРИАЛА вошло 35,9% ответов испытуемых на первом ранге. Но следует отметить, что и на других рангах в этот кластер входит значительное число ответов – 37,5% на втором ранге, 23,7% на третьем ранге, 25,6% на четвертом ранге и 23,1% на пятом ранге (этот кластер перестает быть доминантным, но является одним из наиболее крупных). В старшей возрастной группе доминанта обнаруживается только на первом и втором рангах, далее доминанты меняются (в кластер ПОДАЧА МАТЕРИАЛА входит только 7,7% ответов испытуемых, в то время как в кластеры ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА) и САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ – по 30,8%). На нижних рангах растет число ответов в кластере САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ – 30,8% на третьем ранге; 30% на четвертом ранге; 57% на пятом ранге. Таким образом, в старшей возрастной группе доминанты обнаруживаются на всех рангах (1-5), а в младшей возрастной группе уже на третьем ранге доминанта исчезает и несколько кластеров имеют примерно одинаковый статус.

В отличие от испытуемых из младшей возрастной группы, взрослые участники эксперимента включают в число релевантных средовых факторов ожидания окружающих, особенно если речь идет об отношениях «начальник – подчиненный». В кластер ОЖИДАНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ вошло 17,6% от общего числа ответов на первом ранге (далее ответы этого типа исчезают, но, как известно, именно на первых рангах проявляются наиболее выраженные доминанты). Испытуемые отмечают, что доклад должен соответствовать ожиданиям начальника и других людей (*приказ начальника заставит вступить в коммуникацию; соответствие доклада ожиданиям и требованиям, настроение руководителя*). В младшей возрастной группе в этот кластер вошли единичные ответы, и говорить о значимости этого средового фактора не приходится.

Таким образом, сравнение ответов испытуемых из двух возрастных групп показало, что в старшей возрастной группе обнаруживается более высокая степень согласованности мнений, чем в младшей возрастной группе. Это подтверждается наличием выраженных доминант, которые меняются на разных рангах, однако присутствуют всегда. В младшей возрастной группе мнения являются менее унифицированными: только на первом ранге обнаруживается выраженная доминанта, на остальных рангах сразу несколько кластеров содержат примерно одинаковое количество ответов.

В старшей возрастной группе ряд кластеров остались фактически незаполненными на всех рангах (ЗНАЧИМОСТЬ ТЕМЫ ДОКЛАДА; ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ; ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ / ДИСКУССИЯ, кроме первого ранга: ОЖИДАНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ), что говорит о том, что многие средовые факторы являются для испытуемых этого возраста нерелевантными. Иными словами, коммуникант как живая система ориентирован на то, чтобы соответствовать формальным требованиям, предъявляемым к докладчику (об этом говорят и ответы, вошедшие в кластер ПОДАЧА МАТЕРИАЛА, и ответы, вошедшие в кластер САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ). При этом значимо то, какое впечатление производит докладчик на вышестоящее руководство. Для испытуемых в возрасте от 17 до 24 лет также значимы формальные составляющие академической коммуникации, однако общее количество подобных средовых факторов выше: это говорит о том, что коммуникант распознает и готов учитывать большее число средовых факторов при осуществлении коммуникации в заданной ситуации.

На следующем этапе анализа были сопоставлены ответы, полученные от испытуемых из разных гендерных групп. Младшая экспериментальная группа была разбита на две подгруппы («мужчины в возрасте от 17 до 24 лет» и «женщины в возрасте от 17 до 24 лет»), далее результаты эксперимента, проведенного в двух гендерных группах, сопоставлены между собой. Во время предварительного просмотра экспериментальных анкет было отбраковано

четыре анкеты в группе женщин в возрасте от 17 до 24 лет и одна анкета в группе мужчин в возрасте от 17 до 24 лет. Остальные анкеты были обработаны, а результаты статистического анализа были сведены в таблицы (см. *Таблицы 3.6 и 3.7*):

	Ответы, относящие ся к рангу 1	Ответы, относящие ся к рангу 2	Ответы, относящие ся к рангу 3	Ответы, относящие ся к рангу 4	Ответы, относящие ся к рангу 5
Кластер САМОПРЕЗЕНТА- ЦИЯ	20,8%	15,4%	13,6%	14,8%	13,3%
Кластер КАЧЕСТВО ДОКЛАДА	13,2%	21,2%	15,9%	11,1%	-
Кластер ПОДАЧА ДОКЛАДА (МАТЕРИАЛА)	24,5%	28,8%	20,5%	25,9%	20%
Кластер ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТ ВА)	7,5%	7,7%	22,7%	22,2%	33,3%
Кластер ЗНАЧИМОСТЬ ТЕМЫ ДОКЛАДА	9,4%	3,8%	4,5%	7,4%	-
Кластер ПСИХОЛОГИЧЕС КИЕ ФАКТОРЫ	24,5%	21,2%	18,2%	14,8%	26,7%
Кластер ДОПОЛНИТЕЛЬН ЫЕ ВОПРОСЫ / ДИСКУССИЯ	-	1,9%	4,5%	3,7%	6,7%
Кластер ОЖИДАНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ	-	-	-	-	-
Отказы	5	7	17	35	47
Общее количество ответов	61 ответ	59 ответов	49 ответов	31 ответ	19 ответов

Таблица 3.6. Статистическая обработка ответов испытуемых (мужчины в возрасте от 17 до 24 лет)

	Ответы, относящие	Ответы, относящие	Ответы, относящие	Ответы, относящие	Ответы, относящие
--	----------------------	----------------------	----------------------	----------------------	----------------------

	ся к рангу 1	ся к рангу 2	ся к рангу 3	ся к рангу 4	ся к рангу 5
Кластер САМОПРЕЗЕНТА- ЦИЯ	6,4%	15,8%	27,1%	17,6%	16,2%
Кластер КАЧЕСТВО ДОКЛАДА	15,4%	3,9%	2,9%	5,9%	2,7%
Кластер ПОДАЧА ДОКЛАДА (МАТЕРИАЛА)	43,6%	43,4%	25,7%	25,5%	24,3%
Кластер ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТ ВА)	14,1%	18,4%	22,9%	23,6%	24,3%
Кластер ЗНАЧИМОСТЬ ТЕМЫ ДОКЛАДА	1,3%	-	2,8%	-	-
Кластер ПСИХОЛОГИЧЕС КИЕ ФАКТОРЫ	16,7%	14,5%	10%	13,7%	29,7%
Кластер ДОПОЛНИТЕЛЬН ЫЕ ВОПРОСЫ / ДИСКУССИЯ	-	2,6%	4,3%	5,9%	2,7%
Кластер ОЖИДАНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ	2,6%	1,3%	4,3%	7,8%	-
Отказы	3	5	14	40	63
Общее количество ответов	111 ответов	109 ответов	100 ответов	71 ответ	51 ответ

Таблица 3.7. Статистическая обработка ответов испытуемых (женщины в возрасте от 17 до 24 лет)

Как и в остальных случаях, обработка полученных экспериментальных данных осуществлялась в несколько этапов: были произведены статистические измерения (высчитаны частоты рангов, рассчитан коэффициент конкордации, произведен дисперсионный анализ, рассчитан коэффициент χ^2 Пирсона для оценки значимости межгрупповых различий); доминантные тренды были проинтерпретированы и соотнесены с проверяемыми гипотезами.

В результате статистической обработки данных были идентифицированы некоторые особенности идентификации и иерархизации средовых факторов женщинами и мужчинами в возрасте от 17 до 24 лет.

На первом и втором рангах в обеих экспериментальных группах обнаруживается выраженная доминанта – кластер ПОДАЧА ДОКЛАДА (43,6% на первом ранге и 43,4% на втором ранге в группе женщин и 24,5% на первом ранге и 28,8% на втором ранге в группе молодых мужчин). Таким образом, для испытуемых вне зависимости от гендерной принадлежности важна подача материала: факт наличия необходимых составляющих (презентации, раздаточных материалов), степень подготовленности доклада, качество подачи материала (красивая презентация, интересные примеры). Значимость этих составляющих подготовки публичного выступления очевидна в ответах типа *качество доклада / презентации; способ презентации информации; наполненность презентации, качество; степень подготовки* и др.

На низших рангах, однако, этот кластер утрачивает значимость и выравнивается в процентном отношении со следующими за ним кластерами ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА) в группе женщин и кластерами ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА) и ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ в группе мужчин, а в некоторых случаях даже уступает другим кластерам: ср. на третьем ранге 25,7% vs. 27,1% vs. 22,9%, на четвертом ранге 2,5% vs. 23,6%, на пятом ранге 24,3% vs. 24,3% (женщины); на третьем ранге 20,5% vs. 22,7% vs. 18,2%, на четвертом ранге 25,9% vs. 22,2%, на пятом ранге 20% vs. 33,3% vs. 26,7% (мужчины).

Очевидно, что в группе молодых женщин эта доминанта более выражена, чем в группе молодых мужчин. У первых это наиболее выраженный кластер на первом и втором рангах, более чем в два раза превосходящий по количеству вошедших в него единиц кластер ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, занимающий вторую строку иерархии (43,6% vs. 16,7%). У последних уже на первом ранге нет выраженной доминанты (примерно равны

кластеры САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ, ПОДАЧА ДОКЛАДА и ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ). При этом более или менее стабильно высокие отметки сохраняются на всех рангах в кластерах ПОДАЧА ДОКЛАДА (24,5% – 28,8% – 20,5% – 25,9% – 20%) и ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ (24,5% – 21,2% – 18,2% – 14,8% – 26,7%).

В группе женщин в возрасте от 17 до 24 лет кластер ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА) демонстрирует стабильно высокие значения (14,1% – 18,4% – 22,9% – 23,6% – 24,3%). По мере снижения ранга обнаруживается рост количества единиц, вошедших в этот кластер, а на низших рангах он выравнивается с доминантным кластером ПОДАЧА ДОКЛАДА (МАТЕРИАЛА). Аналогичная динамика обнаруживается и в группе молодых мужчин, хотя на первых рангах этот кластер является малочисленным и уступает большинству других кластеров (7,5% – 7,7% – 22,7% – 22,2% – 33,3%). Эти наблюдения свидетельствуют о том, что решение о вступлении в коммуникативное взаимодействие в подобных ситуациях академического общения, по-видимому, принимается на основе анализа внешних условий коммуникации: *количество человек; кто присутствует на докладе, аудитория; степень официальности мероприятия; кем являются другие выступающие* и пр.

В группе женщин в возрасте от 17 до 24 лет на низших рангах растет число ответов, вошедших в кластер САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ. Это позволяет говорить об определенной степени значимости опрятного внешнего вида, качества речи, прически и пр.: *поставленность голоса и нужная громкость; собственный внешний вид; продумать внешний вид; мой внешний вид* и пр.

Кластер КАЧЕСТВО ДОКЛАДА в группе молодых женщин значим только на первом ранге (15,4% – 3,9% – 2,9% – 5,9% – 2,7%). Это можно, вероятно, объяснить тем, что на первом ранге (в первой строке экспериментальной анкеты) традиционно оказываются социально приемлемые, ожидаемые стереотипные поведенческие модели. Испытуемые, вероятно склонны называть сперва не то, что представляется релевантным им

лично, а то, что, как им кажется, соответствует ожиданиям экспериментатора (известный хотторнский эффект).

Следует отметить, что в группе мужчин в возрасте от 17 до 24 лет, напротив, этот кластер представлен большим числом ответов на всех рангах, что позволяет констатировать более высокую значимость содержания коммуникативного взаимодействия в заданной академической ситуации общения для молодых мужчин, нежели для молодых женщин.

В экспериментальной группе молодых мужчин нет ответов, которые можно отнести в кластер ОЖИДАНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ. Фактически не представлены кластеры ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ / ДИСКУССИЯ и ЗНАЧИМОСТЬ ТЕМЫ ДОКЛАДА. В группе молодых женщин в эти кластеры входит незначительное количество ответов.

Более того, мужчины в возрасте от 17 до 24 лет намного чаще, чем женщины этого возраста, склонны отказываться от выполнения экспериментального задания. В абсолютных цифрах количество отказов в обеих гендерных группах фактически совпадает, однако в процентном соотношении у мужчин потери материала оказались гораздо более существенными (от 5 до 47 отказов в зависимости от ранга, что составляет от 7% до 71% от общего числа экспериментальных анкет в группе мужчин).

В процессе анализа экспериментальных данных неоднократно отмечалась резкая смена приоритетов: на разных рангах доминантными являются ПОДАЧА ДОКЛАДА (МАТЕРИАЛА), САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ (в группе женщин) и ПОДАЧА ДОКЛАДА (МАТЕРИАЛА), ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ и ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА) в группе мужчин).

В целом можно говорить о выраженной неоднородности мнений (это подтверждается и сравнительно низкими значениями коэффициентов конкордации применительно к отдельным подгруппам) как в группе молодых женщин, так и в группе молодых мужчин.

При этом для представителей обеих подгрупп значимы формальные составляющие академической коммуникации (ср. большое число ответов, отнесенных в кластеры САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ и ПОДАЧА МАТЕРИАЛА). Иными словами, судя по ответам испытуемых, форма превалирует над содержанием. Однако в подгруппе молодых мужчин содержание доклада все же значимо.

Выводы ПО РАЗДЕЛУ 3.3.1

Проведенный анализ ответов испытуемых на предъявленные им четыре экспериментальные ситуации (кейса) позволил наметить ряд тенденций.

Экспериментальные данные подтверждают сформулированную на этапе планирования эксперимента гипотезу о том, что алгоритм коммуникативного поведения определяется актуальным соотношением структурных свойств субъекта коммуникации. Так, верифицируя первое положение динамической модели коммуникации о том, что первый этап рекурсивного шага содержит определенные действия субъекта социальной коммуникации (определение границ среды; идентификация факторов, релевантных для функционирования живой системы; осуществление иерархизации релевантных факторов), мы просили испытуемых перечислить факторы, значимые для принятия решения об участии в коммуникативном взаимодействии. и выстроить их актуальную иерархию. Анализ ответов инструментами математической статистики (применялись анализ частот рангов, дисперсионный анализ и коэффициент конкордации) показал, что степень согласованности мнений участников эксперимента сравнительно невысока.

Эта вариативность, однако, не абсолютна, поскольку существуют устойчивые модели коммуникативного поведения, которые определяются исторически сложившимися нормами социальной интеракции. В результате проведенного анализа выявлено, что стереотипизация поведения, в том числе коммуникативного, характерна прежде всего для людей более старшего возраста. Здесь определяющим фактором является опыт участия в

аналогичных коммуникативных ситуациях. Чем моложе субъект, тем более вариативным является его выбор. Однако по мере взросления и приобретения коммуникативного опыта индивид все чаще ориентируется на социально одобряемые образцы коммуникативного поведения.

При этом количество средовых факторов, идентифицируемых коммуникантом на этапе принятия решения относительно важности участия в коммуникативном взаимодействии, сокращается по мере взросления индивида. Вероятно, это связано с тем, что более взрослые коммуниканты ориентируются на уже известные им образцы коммуникативного поведения.

Для среднестатистического индивида релевантны социально одобряемые составляющие коммуникации. Можно предположить, что коммуникация как содержательное взаимодействие утрачивает значимость в современном социуме, уступая место клишированным образцам коммуникативного взаимодействия.

Количество и качественный состав средовых факторов, идентифицированных испытуемыми, которые относятся к разным гендерным группам, принципиально не различаются: коммуникативное поведение человека значимо не определяется его гендерной принадлежностью.

3.3.2. Обработка результатов второго этапа эксперимента: реакция на возникновение диссонанса со средой (возникновение раздражителя)

В данном разделе представлены результаты второго этапа эксперимента, направленного на верификацию двух **экспериментальных гипотез**. Согласно первой экспериментальной гипотезе, *субъект коммуникации идентифицирует социальный дисбаланс исходя из собственного актуального состояния, которым определяется алгоритм коммуникации*. В соответствии со второй проверяемой экспериментальной гипотезой, *количество и характер*

действий, в т.ч. речевых, необходимых для ликвидации дисбаланса, определяется актуальным соотношением свойств субъекта коммуникации.

Рассуждения, представленные в начале текущей главы, позволяют предположить, что сценарий коммуникативного поведения прежде всего определяется актуальным соотношением свойств коммуникантов как живых систем.

В экспериментальном задании испытуемым было предложено четыре типовые ситуации (кейса):

Ситуация 1. К Вам обратился с вопросом мужчина на улице. Вы не расслышали вопрос. Ваши действия.

Ситуация 2. В метро Вас буквально внесли в переполненный вагон. Вы кого-то случайно задели рукой. Вам сделали замечание. Ваши действия.

Ситуация 3. Вы общаетесь со знакомым/ой на остановке автобуса. Человек, также ожидающий автобус, слышит, о чем Вы говорите, и начинает участвовать в разговоре. Ваши действия.

Ситуация 4. Вы отвечаете на комментарий к Вашей фотографии в социальной сети. В комментарии содержится критика. Ваши действия.

В инструкции, предваряющей выполнение задания, было указано, что участникам эксперимента требуется описать последовательность своих действий (как речевых, так и неречевых) в заданных коммуникативных контекстах. Ожидалось, что испытуемые будут идентифицировать заложенный в экспериментальных ситуациях раздражитель и моделировать последовательность своих действий для преодоления дисбаланса.

Вместе с тем мы также предполагали, что средовой фактор, который был задан как раздражитель, мог оказать нерелевантным для участника эксперимента. В алгоритме обработки экспериментальных данных подобные сценарии также учитывались.

Как и на первом этапе эксперимента, в процессе систематизации и статистической обработки данных применялись критерий χ^2 Пирсона для определения того, являются ли межгрупповые различия статистически

значимыми, и коэффициент конкордации, позволяющий оценить степень согласованности мнений внутри группы.

На стыке экспериментальных подгрупп ожидалось самые выраженные различия, поскольку испытуемые, входящие в них, представляют собой отличные друг от друга типы самоорганизующихся систем. Однако и в пределах одной экспериментальной группы не следовало ожидать значительного единства. Это связано с тем, что коммуникация определяется индивидуальными характеристиками живой системы (коммуниканта), среди которых существенны три основных: структурность, языковая способность, активность.

Поскольку эти характеристики коммуниканта являются уникальными, они приводят и к уникальности коммуникативного поведения индивида. Степень их влияния также устанавливалась в ходе обработки экспериментальных данных.

Результаты эксперимента

Систематизация и статистический анализ ответов, полученных от участников эксперимента, осуществлялись в несколько этапов:

- **на первом этапе** данные распределялись в кластеры в зависимости от того, какое количество ответных речевых / неречевых действий прогнозирует потенциальный участник коммуникации в заданной экспериментальной ситуации;
- **на втором этапе** подсчитывались те ответы, в которых предлагались нелинейные сценарии коммуникативного поведения;
- **на третьем этапе** выявлялись частные особенности коммуникативного поведения, выстраиваемого участниками эксперимента.

На основании трендов, выявленных в результате статистической обработки экспериментальных данных, осуществлялась содержательная интерпретация результатов эксперимента. Для выявления межгрупповых

различий обработка данных осуществлялась в каждой из экспериментальных групп, разделенных на подгруппы: ЭГ1, в которую вошли женщины в возрасте от 17 до 24 лет; ЭГ2, в которую вошли мужчины в возрасте от 17 до 24 лет; ЭГ3, в которую вошли участники эксперимента в возрасте от 40 до 60 лет (без дифференциации по половому признаку).

ЭГ1 (женщины в возрасте от 17 до 24 лет)

В результате произведенных подсчетов выявлены факторы, определяющие количество ответных речевых / неречевых действий, прогнозируемых участниками эксперимента, вошедшими в эту экспериментальную группу.

Во-первых, количество ответных речевых действий определяется стереотипностью коммуникативной ситуации, предлагаемой для анализа: чем более типичной является коммуникативная ситуация, тем меньше ответных речевых / неречевых действий прогнозируют участники эксперимента. Так, ситуация, предполагающая ответную реакцию на замечание в вагоне поезда метро, наиболее стереотипна, поэтому количество прогнозируемых ответных речевых / неречевых действий в этой ситуации минимально (одно либо два ответных действия, в единичных случаях три действия; см. *Таблицу 3.9.*): одно ответное речевое / неречевое действие (надстрочные знаки используются для демонстрации количественных подсчетов) – *Извинюсь¹; Извинюсь за свои действия¹; Извиниться¹; Извинюсь за сделанное¹; Попрошу прощение за причиненные неудобства¹*; два ответных речевых / неречевых действия – *Извините,¹ но не забывайте, что мы находимся в переполненном вагоне²; Убрать руку¹ и попросить прощения²; Извиниться¹ и встать² так, чтобы никого не задевать. И желательно рядом с поручнем; Извиниться¹ и мило улыбнуться²; Извинюсь¹, конечно же, и постараюсь² стать как можно меньше причиняя дискомфорт окружающим*; три ответных речевых / неречевых действия – *Я смущусь¹, тихо извинюсь² и буду еще долго из-за этого переживать³.*

Во-вторых, ответное речевое поведение коммуниканта определяется тем, является взаимодействие фронтальным или дистантным. В случае дистантного взаимодействия участники более свободны в выборе стратегии ответного речевого поведения. Так, в экспериментальной ситуации №4 моделируется взаимодействие между участниками интернет-общения. Представляется, что в интернет-взаимодействии участники в меньшей степени ограничены социально закрепленными нормами коммуникативного поведения, поэтому они могут выстраивать среду, ориентируясь на собственные потребности и мотивы. Иерархизация средовых факторов происходит, таким образом, нестандартным образом.

В результате анализа ответов испытуемых из ЭГ1 при предъявлении им экспериментальной ситуации №4 выявлено, что молодые женщины прогнозируют меньше ответных речевых / неречевых действий (одно либо два действия, при этом в остальные группы не вошло ни одного ответа; см. *Таблицу 3.11.*). Эти наблюдения также подтверждаются наличием сравнительно большого количества отказов (9%). Дополнительным аргументом в поддержку этой точки зрения являются ответы, в которых участники эксперимента специально отмечают, что они готовы отвечать на критические комментарии только знакомых людей (ср. *Если критика чужого человека, то не стану обращать внимание и удалю комментарий. Если знакомый, то напишу ему в л.с. и поговорю с ним; Оценю, кем является комментатор, знаю ли я его, и насколько близко мы общаемся. Если это незнакомый человек, то не буду отвечать на комментарий, если же комментарий друга или знакомого, то, возможно, прислушаюсь к критике*).

Напротив, в тех ситуациях, когда коммуникативное взаимодействие инициировано человеком, который непосредственно обращается к субъекту коммуникативного взаимодействия (как в экспериментальных ситуациях №1 и №3), равновесие между живой системой и средой, как правило, нарушается. В связи с этим субъект коммуникативного взаимодействия обязан учитывать данный средовый фактор и совершать ответные речевые / неречевые действия

для восстановления баланса со средой. При этом количество прогнозируемых ответных действий будет бóльшим (см. *Таблицы 3.8 и 3.10*): одно ответное речевое / неречевое действие – *Переспросить*¹; *Не замечать этого человека*¹; *Отойду от него подальше*¹; *Попрошу повторить вопрос*¹; два ответных речевых / неречевых действия – *Вытащу наушники*¹ из ушей и *переспрошу*²; *Переспрошу*¹ вопрос и *постараюсь на него ответить*²; *Переспрошу*¹ вопрос, *попытаюсь помочь*²; *Сказать: «Мы не с Вами разговариваем»*¹ и *отвернуться*²; *Постараюсь отойти*¹ от этого человека и *отвести*² своего знакомого подальше; *Я попрошу его повторить*¹ вопрос. Если знаю ответ – *подскажу*², если нет – *извинюсь*², *скажу*³, что не могу помочь; три ответных речевых / неречевых действия – *Извинюсь*¹, *скажу*², что не расслышала, *попрошу повторить*³; *Переспросить*¹. *Подумать*² над ответом. *Помочь*³ всем, чем можешь, либо, когда не знаешь информацию: «Извините, но я не знаю»; *Извиниться*¹, *попросить повторить*² вопрос и *попытаюсь помочь*³; *Выслушать*¹ его, *прокомментировать*² и *отойти*³; четыре ответных речевых / неречевых действия – *Посмотрю*¹ на него с диким удивлением, *переглянусь*² с другом, *посмеюсь*³, *отойду*⁴ вместе с другом; *Вытащу*¹ наушники, *улыбнусь*², *извинюсь*³, *попрошу повторить*⁴.

В результате произведенной систематизации и статистической обработки экспериментальных данных были построены *Таблицы 3.8 – 3.11*:

Количество речевых / неречевых действий, прогнозируемых участниками эксперимента	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Одно речевое / неречевое действие	38%
Два речевых / неречевых действия	49%
Три речевых / неречевых действия	19%
Четыре речевых / неречевых действия	1%

Таблица 3.8. Статистическая обработка ответов испытуемых из ЭГ1 при предъявлении экспериментальной ситуации № 1

Количество речевых / неречевых действий, прогнозируемых участниками эксперимента	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Одно речевое / неречевое действие	69,4%
Два речевых / неречевых действия	29,4%
Три речевых / неречевых действия	1,2%
Четыре речевых / неречевых действия	-

Таблица 3.9. Статистическая обработка ответов испытуемых из ЭГ1 при предъявлении экспериментальной ситуации № 2

Количество речевых / неречевых действий, прогнозируемых участниками эксперимента	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Одно речевое / неречевое действие	58%
Два речевых / неречевых действия	36%
Три речевых / неречевых действия	4%
Четыре речевых / неречевых действия	1%
Отказ	1%

Таблица 3.10. Статистическая обработка ответов испытуемых из ЭГ1 при предъявлении экспериментальной ситуации № 3

Количество речевых / неречевых действий, прогнозируемых участниками эксперимента	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Одно речевое / неречевое действие	79%
Два речевых / неречевых действия	12%
Три речевых / неречевых действия	-
Четыре речевых / неречевых действия	-
Отказ	9%

Таблица 3.11. Статистическая обработка ответов испытуемых из ЭГ1 при предъявлении экспериментальной ситуации № 4

Отдельно были рассмотрены случаи, когда испытуемые прогнозировали всего одно или два ответных речевых / неречевых действия. Как правило, такие сценарии содержат очевидные речевые / неречевые действия, ожидаемые в заданной экспериментальной ситуации: *Попрошу повторить вопрос; Вежливо попрошу повторить вопрос; Переспрошу, если он выглядит не как бездомный* (экспериментальная ситуация №1); *Извинюсь; Закачу глаза; Проигнорирую или извинюсь (зависит от ситуации); Нахамлю* (экспериментальная ситуация №2); *Отойти от него подальше; Промолчу, никак неотреагирую; Поддержу беседу; Игнорировать* (экспериментальная ситуация №3); *Переведу все напряжение в шутку; Проигнорирую; Отвечу сарказмом; Я, как правило, не отвечаю на подобные сообщения* (экспериментальная ситуация №4).

Наиболее показательны те случаи, когда испытуемые не воспринимают заложенный в экспериментальной ситуации раздражитель как создающий дисбаланс между живой системой (самим коммуникантом) и его средой.

Так, при предъявлении испытуемым экспериментальной ситуации №1 получены следующие ответы, предполагающие, что раздражитель не был включен в среду: *Не обращаю внимание; Сделаю вид, что не поняла вопроса, и пойду дальше; Переспрошу (если на улице темно, то убежу)* и др.

При предъявлении экспериментальной ситуации №2 получено сравнительно много ответов, в которых, в сущности, содержится отказ от совершения ответного речевого / неречевого действия: *Проигнорирую или извинюсь (зависит от ситуации); Промолчу; Проигнорирую, не вижу смысла вступать в перепалки в таких условиях; Промолчу* и др. В случае с экспериментальной ситуацией №2 также наблюдается сравнительно много нелинейных сценариев, в которых отказ от включения раздражителя в свою среду представляет собой один из возможных способов коммуникативного поведения: *Извинюсь. А если плохое настроение, промолчу, ибо в переполненном вагоне нечего выпендриваться. Народу и так много.*

Наименьшее количество ответов, содержащих отказ от совершения ответного речевого / неречевого действия, получено при предъявлении экспериментальной ситуации №3; вероятно, в данной ситуации функцию раздражителя выполняет непосредственно человек в ситуации социальной коммуникации. Непосредственное обращение к коммуниканту требует совершения ответного речевого действия: раздражитель становится частью среды коммуниканта и предполагает совершение какого-либо ответного речевого / неречевого действия. В связи с этим отказ от взаимодействия содержался только в единичных ответах: *Промолчать*; *Игнорировать*; *Промолчу, никак не отреагирую* и др.

Наконец, в экспериментальной ситуации № 4 количество ответов, в которых содержится отказ от совершения ответного речевого / неречевого действия, является наибольшим в силу специфики предъявленной коммуникативной ситуации (общение в интернет-среде). Как отмечалось выше, коммуникант считает возможным не рассматривать раздражитель как часть своей среды в тех случаях, когда коммуникативное взаимодействие является дистантным и обезличенным. С этим, как представляется, связано и значительное количество отказов (9%), и большое число ответов, в которых содержится отказ от совершения ответного действия: *Если критика обоснована – «спасибо»*. *Если нет – даже комментировать не стану*; *Я, как правило, не отвечаю на подобные сообщения* и др.

Таким образом, анализ экспериментальных данных позволяет говорить о том, что решение о включении раздражителя в свою среду принимается коммуникантом с учетом *степени дистантности коммуникации* и *степени стереотипности* предъявляемой коммуникативной ситуации.

Количество ответных речевых действий определяется, в частности, предшествующим коммуникативным опытом участника общения. В тех случаях, когда в коммуникативном опыте человека имеется ориентир (аналогичная ситуация), потенциальная коммуникативная ситуация, предъявленная в экспериментальном задании, осмысливается более детально.

Когда же испытуемый в меньшей степени ориентируется на предшествующий коммуникативный опыт, он предлагает сравнительно поверхностное осмысление коммуникативной ситуации и перечисляет только самые простые и очевидные речевые / неречевые действия. При этом количество таких действий ограничено одним или двумя.

Развернутые сценарии коммуникативного поведения содержатся в ответах испытуемых, полученных при предъявлении им ситуаций межличностного общения (экспериментальные ситуации №1, 2, 3). Как представляется, большое количество ответных речевых / неречевых действий является для представителей этой экспериментальной группы маркером социально приемлемого коммуникативного поведения (и показателем вежливости), поэтому, по мнению испытуемых, такие последовательности действий требуются в тех ситуациях, когда коммуникант обращается непосредственно к ним. (Отсюда такое число развернутых сценариев в экспериментальной ситуации №1, в которой нормы этикета диктуют определенную последовательность ответных речевых / неречевых действий, – 20% ответов, содержащих три / четыре действия).

На следующем этапе анализа изучены ответы испытуемых из ЭГ1, предлагающие нелинейные сценарии ответного коммуникативного поведения.

Нелинейные сценарии, которые предлагают участники эксперимента, отражают зависимость выбора адаптационных механизмов от актуального состояния коммуниканта. Так, если испытуемый указывает, что его коммуникативное поведение в той или иной экспериментальной ситуации зависит от ряда обстоятельств (настроения, характера взаимодействия, типа раздражителя и др.), он стремится проанализировать собственное состояние на момент вступления в коммуникацию. Такие нелинейные сценарии являются особенно информативными, поскольку они маркируют степень внутригрупповой неоднородности. В каждой экспериментальной группе было

подсчитано количество нелинейных сценариев, а результаты статистической обработки оформлены в виде таблиц – *Таблицы 3.12 – 3.15*:

Линейный / нелинейный сценарий ответного коммуникативного поведения	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Линейный сценарий	80%
Нелинейный сценарий	20%

*Таблица 3.12. Выбор сценария ответного коммуникативного поведения
испытуемыми из ЭГ1 (экспериментальная ситуация № 1)*

Линейный / нелинейный сценарий ответного коммуникативного поведения	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Линейный сценарий	88%
Нелинейный сценарий	12%

*Таблица 3.13. Выбор сценария ответного коммуникативного поведения
испытуемыми из ЭГ1 (экспериментальная ситуация № 2)*

Линейный / нелинейный сценарий ответного коммуникативного поведения	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Линейный сценарий	68%
Нелинейный сценарий	32%

*Таблица 3.14. Выбор сценария ответного коммуникативного поведения
испытуемыми из ЭГ1 (экспериментальная ситуация № 3)*

Линейный / нелинейный сценарий ответного коммуникативного поведения	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Линейный сценарий	66%
Нелинейный сценарий	34%

*Таблица 3.15. Выбор сценария ответного коммуникативного поведения
испытуемыми из ЭГ1 (экспериментальная ситуация № 4)*

Нелинейный сценарий коммуникативного взаимодействия выстраивается испытуемым преимущественно на основе предшествующего коммуникативного опыта, поскольку коммуникант моделирует уже известный ему сценарий коммуникативного поведения в знакомой ему ситуации общения. У участников эксперимента, входящих в младшую экспериментальную группу, таких шаблонных сценариев сравнительно немного (ср. представители ЭГ1 выстраивают нелинейные сценарии в 20% случаев (экспериментальная ситуация №1), 12% случаев (экспериментальная

ситуация №2), 32% случаев (экспериментальная ситуация №3), 34% случаев (экспериментальная ситуация №4)).

Линейный же сценарий, напротив, демонстрирует то, что испытуемый ориентируется на стереотипную коммуникативную ситуацию. Он исходит из известных ему стереотипных ситуаций, с которыми он вовсе необязательно сталкивался в личном опыте. Так, отвечая на задание, относящееся к экспериментальной ситуации №2, участники эксперимента редко предлагали нелинейные сценарии коммуникативного поведения (в 12% ответов). Это, вероятно, связано с тем, что в экспериментальной ситуации отражена типичная ситуация социального взаимодействия, предполагающая шаблонные ответные речевые / неречевые действия: *Извинюсь; Попрошу прощения; Закачу глаза; Проигнорирую или извинюсь (зависит от ситуации); Нахамлю; Промолчу* и др.

Таким образом, в результате проведенного анализа был сделан вывод о том, что молодые женщины предлагают довольно много развернутых ответов, описывающих последовательность речевых / неречевых действий: *Переспрошу, отвечу на вопрос (если знаю ответ). Извинюсь, скажу, что не могу помочь; Я попрошу его повторить вопрос. Если знаю ответ – подскажу, если нет – извинюсь, скажу, что не могу помочь; Убрать то, что мешало его слышать (например, снять свои наушники) и спокойно выслушать (экспериментальная ситуация 1); Выслушать и не отвечать на агрессию вокруг. Не стоит вступать в перепалку с пассажирами; Извинюсь и попытаюсь отодвинуться от человека, чтобы не получить «случайно» в ответ; В зависимости от настроения. Могу извиниться, могу промолчать, могу ответить в грубой форме (экспериментальная ситуация 2); Прекращу говорить и подожду, пока незнакомец поймет, что мы не хотим с ним говорить; Спокойно, без агрессии дать понять, что вам уже нужно идти, либо поговорить, поддержав, буквально 5 мин.; Удивлюсь его поведению, и, если он/она выглядит странно, отойду в сторону, однако, если его слова на данную тематику «очень в тему», отвечу на его/ее слова (экспериментальная*

ситуация 3); *В зависимости от обоснованности критики, проигнорировать или ответить на комментарии; Приму критику к сведению. Любая критика всегда помогает изменяться в лучшую сторону; Если критика по существу, поблагодарю человека за то, что указал на что-то важное, если нет – удалю комментарий* (экспериментальная ситуация 4). Вероятно, это доказывает, что испытуемые из этой экспериментальной группы выстраивают некий сценарий поведения в рамках заданной коммуникативной ситуации без опоры на шаблонные ответные действия из своего предшествующего коммуникативного опыта.

При этом в ряде случаев описываются не конкретные речевые / неречевые действия, а эмоциональные реакции на них: *Извинюсь, конечно же, и постараюсь стать как можно меньше, не причиняя дискомфорт окружающим* (экспериментальная ситуация 2); *Извинюсь и буду долго переживать по этому поводу* (экспериментальная ситуация 2). Такие ответы отражают желание испытуемых выстроить более широкий контекст собственного речевого / неречевого поведения.

Анализ всей совокупности экспериментальных анкет показал, что ответы испытуемых из ЭГ1 часто полярны. Так, некоторые из них входят в бинарные группы: «вежливые», например, *Извинюсь и скажу, что сделала это не специально* (экспериментальная ситуация 2); *Попрошу прощения и сделаю невинное выражение лица (как у котика из «Шрека»)* (экспериментальная ситуация 2) и «грубые», например, *Попрошу, чтобы человек отстал* (экспериментальная ситуация 3); *Нахамлю* (экспериментальная ситуация 3).

Некоторые ответы можно распределить на шкале «развернутый нелинейный сценарий – минимум действий (отказ от ответных действий)». Так, в первую группу входят ответы, построенные по модели *если... то*: *Спокойно поблагодарю за комментарий (если он не грубый) и продолжу дальше заниматься своими делами. Если комментарий грубый, то не отвечу на него и заблокирую пользователя; Пройгнорирую; если критика слишком*

острая и необоснованная – удалю этот комментарий (экспериментальная ситуация 4); Если человек покажется мне интересным, органично вольется в разговор, то буду поддерживать разговор. Если человек мне не нравится, вызывает подозрения и негативную реакцию, попрошу его не вмешиваться и отойти; Если новый собеседник говорит по существу, то поддержу его активность, если нет, деликатно сменю тему со знакомой на ту, в которую не сможет вмешаться посторонний (экспериментальная ситуация 3).

Во вторую группу были включены ответы, содержащие одно ответное речевое / неречевое действие или предполагающие отказ от совершения ответного речевого действия (например, *Игнор* (экспериментальная ситуация 4), *Извинюсь* (экспериментальная ситуация 2), *Промолчу* (экспериментальная ситуация 2)).

Некоторые ответы испытуемых из этой экспериментальной группы вошли в группу «оценка ситуации как социально приемлемой»: *Продолжу разговор втроем, часто сама комментирую и вступаю в разговор третьих лиц* (экспериментальная ситуация 3). Альтернативу этой группе составили ответы, вошедшие в кластер «оценка ситуации как социально неприемлемой»: *Сделаю замечание о том, что это некультурно; попрошу знакомого / ую отойти в другое место / в сторону* (экспериментальная ситуация 3).

ЭГ2 (мужчины в возрасте от 17 до 24 лет)

В этой группе, как и в рассмотренной группе № 1, количество прогнозируемых ответных речевых / неречевых действий, зависит от ряда факторов.

Во-первых, только при предъявлении испытуемым экспериментальной ситуации №1 получено статистически значимое количество развернутых ответных коммуникативных сценариев, в которые вошло больше двух речевых / неречевых действий: *Переспрошу¹, постараюсь помочь², в случае если я бессилен, подскажу³, где ему смогут помочь те или иные источники; Если вопрос был задан вежливо и нерезко, то переспросить¹ и постараться*

*помочь*². Если резко и грубо – проигнорировать²; Молча¹ пройду мимо. Отрицательно покачаю головой². Если человек остановил меня, и я готов отвечать на вопрос², то в такой ситуации я переспрошу³ его и постараюсь ответить⁴. Это связано с характером моделируемого социального взаимодействия: обратиться к прохожему за помощью рассматривается как норма социального взаимодействия (неагрессивное проникновение раздражителя в среду живой системы), что требует соответствующего ответного речевого / неречевого поведения. Именно поэтому участники эксперимента моделируют сценарии вежливого коммуникативного поведения, в которые входит достаточное количество шагов для достижения социального равновесия.

В ответах, полученных при предъявлении остальных экспериментальных ситуаций, развернутых сценариев коммуникативного поведения было существенно меньше, а в некоторых случаях они отсутствовали.

Во-вторых, анализ показал, что для молодых мужчин важно моделировать сценарии вежливого коммуникативного поведения. Испытуемые специально оговаривают, что в заданной экспериментальной ситуации их ответные действия будут вежливыми: *Вежливо переспросить, после чего постараться ответить на вопрос; Переспросить в вежливой форме и помочь* (экспериментальная ситуация №1); *Вежливо извинюсь* (экспериментальная ситуация №2); *Ответить вежливо, но достаточно равнодушно, так, чтобы ожидающий понял, что его вмешательство нежелательно; Отойти, в вежливой форме показать человеку, что он лезет не в свое дело* (экспериментальная ситуация №3). Только при предъявлении испытуемым экспериментальной ситуации №4 подобные сценарии отсутствовали, что, вероятно, связано с дистантным общением в интернет-пространстве.

В-третьих, в ответах представителей ЭГ2 фактически отсутствуют агрессивные сценарии коммуникативного поведения. В отличие от девушек,

входящих в эту же возрастную группу, молодые люди расценивают предъявленные им экспериментальные ситуации как социально приемлемые и готовы идти на контакт с другими участниками заданных коммуникативных ситуаций, не отвечая на раздражитель агрессией. Агрессивные сценарии наблюдались только в следующих случаях: *Я отвечу агрессией, так как это было не по моей вине; Взгляну с презрением и промолчу; Либо не обратить внимания, либо ответить на замечание замечанием* (экспериментальная ситуация №2); *Осуждающе посмотрю на встречающего в разговор и прекращу данный разговор; «Не лезьте в наш разговор»; Странно на него посмотрю* (экспериментальная ситуация №3); *Удалю этот комментарий. Ограничу доступ к комментариям; Проигнорирую, либо попрошу с сарказмом прощения, за то, что не удовлетворил вкусы комментатора* (экспериментальная ситуация №4). Как представляется, агрессивный сценарий прогнозируемого коммуникативного поведения отражает желание коммуниканта сохранить целостность своей среды и вытеснить раздражитель из своего личного пространства без совершения каких-либо адаптивных действий. Судя по результатам эксперимента, подобная поведенческая стратегия в большей степени свойственна молодым женщинам, нежели мужчинам.

В результате произведенной систематизации и статистической обработки экспериментальных данных были построены *Таблицы 3.16 – 3.19*:

Количество речевых / неречевых действий, прогнозируемых участниками эксперимента	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Одно речевое / неречевое действие	49,2%
Два речевых / неречевых действия	32,2%
Три речевых / неречевых действия	15,2%
Четыре речевых / неречевых действия	3,4%

Таблица 3.16. Статистическая обработка ответов испытуемых из ЭГ2 при предъявлении экспериментальной ситуации № 1

Количество речевых / неречевых действий, прогнозируемых участниками эксперимента	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Одно речевое / неречевое действие	76,3%
Два речевых / неречевых действия	20,3%
Три речевых / неречевых действия	1,7%
Четыре речевых / неречевых действия	-
Отказ	1,7%

Таблица 3.17. Статистическая обработка ответов испытуемых из ЭГ2 при предъявлении экспериментальной ситуации № 2

Количество речевых / неречевых действий, прогнозируемых участниками эксперимента	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Одно речевое / неречевое действие	72,9%
Два речевых / неречевых действия	20,3%
Три речевых / неречевых действия	3,4%
Четыре речевых / неречевых действия	1,7%
Отказ	1,7%

Таблица 3.18. Статистическая обработка ответов испытуемых из ЭГ2 при предъявлении экспериментальной ситуации № 3

Количество речевых / неречевых действий, прогнозируемых участниками эксперимента	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Одно речевое / неречевое действие	72,9%
Два речевых / неречевых действия	11,9%
Три речевых / неречевых действия	5,1%
Четыре речевых / неречевых действия	-
Отказ	10,2%

Таблица 3.19. Статистическая обработка ответов испытуемых из ЭГ2 при предъявлении экспериментальной ситуации № 4

Сравнительный анализ ответов мужчин и женщин из возрастной группы от 17 до 24 лет выявил ряд особенностей коммуникативного поведения представителей этих экспериментальных подгрупп.

При предъявлении экспериментальной ситуации №1 мужчины предлагают ответы, содержащие меньше речевых / неречевых действий, чем женщины: они рассматривают данную ситуацию как стереотипную и перечисляют только базовые составляющие коммуникативного поведения (только основные речевые / неречевые действия). Так, в ЭГ1 одно ответное речевое / неречевое действие содержится в 38% ответов, два ответных речевых / неречевых действия – в 49% случаев, три ответных речевых / неречевых действия – в 12% ответов, четыре ответных речевых / неречевых действия – в 1% случаев, а в ЭГ2 одно ответное речевое / неречевое действие содержится в 49,2% случаев, два ответных речевых / неречевых действия – в 32,2% ответов, три ответных речевых / неречевых действия – в 15,2% ответов, четыре ответных речевых / неречевых действия – в 3,4% случаев. Такое распределение ответов демонстрирует, что молодые мужчины предлагают ответы, содержащие меньше ответных действий (большинство ответов содержит всего одно ответное действие), чем женщины в возрасте от 17 до 24 лет. Однако при этом участники ЭГ2 также предлагают сравнительно много развернутых сценариев коммуникативного поведения, что, в частности, свидетельствует о восприимчивости молодых мужчин к данной ситуации как норме социального поведения, требующую совершения какого-то количества ответных речевых / неречевых действий. Ответы молодых женщин также содержат сравнительно много развернутых сценариев, тем не менее, количество таких сценариев статистически менее значимо, чем у мужчин в возрасте от 17 до 24 лет.

При предъявлении экспериментальной ситуации №2 молодые мужчины также прогнозируют шаблонные последовательности ответных речевых / неречевых действий, содержащие преимущественно одно или два действия. В целом количество ответных действий, включенных в заданную коммуникативную ситуацию, у них меньше, чем у женщин этой возрастной группы (ср.: одно речевое / неречевое действие – 76,3% ответов мужчин в возрасте от 17 до 24 лет vs. 69% ответов женщин в возрасте от 17 до 24 лет; два речевых / неречевых действия – 20,3% ответов мужчин vs. 29% ответов

женщин. При этом следует отметить большое количество отказов от совершения ответного речевого действия в ответах молодых мужчин (ср. *Взгляну с презрением и промолчу; Извиниться. Если касание незначительное – проигнорировать; Буду стоять дальше; Если замечание вежливо, извиниться, если грубое – оставить без внимания; Отойду в сторону*).

Как и в экспериментальной группе женщин из младшей возрастной группы, ответы молодых мужчин распределяются в две полярные группы: «вежливые» и «грубые»: *Вежливо извинюсь; Извиниться перед человеком, объяснить ситуацию, что вы не виноваты в этом; Взгляну с презрением и промолчу; Буду стоять дальше; Я отвечу агрессией, так как это было не по моей вине* и др. Однако, в целом, женщины в возрасте от 17 до 24 лет в большей степени склонны агрессивно реагировать на подобный раздражитель.

При предъявлении экспериментальной ситуации №3 молодые мужчины склонны прогнозировать единичные ответные речевые / неречевые действия (одно ответное речевое действие – 72,9% в группе мужчин в возрасте от 17 до 24 лет vs. 58% в группе женщин в возрасте от 17 до 24 лет; два ответных речевых / неречевых действия – 20,3% в группе молодых мужчин vs. 36% в группе женщин младшего возраста; три ответных речевых / неречевых действия – 3,4% vs. 4% соответственно). Простая коммуникативная ситуация, заложенная в данном экспериментальном задании, вероятно, по мнению молодых людей, не требует совершения большого числа ответных действий для восстановления равновесия со средой. Женщинам из этой возрастной группы свойственно желание оправдаться, объяснить свои действия (ср. *Постараюсь вежливо ответить. Далее буду обращаться лишь к знакомому, намекая на то, что третий человек нам мешает; Удивлюсь его поведению, и, если он/она выглядит странно, отойду в сторону, однако, если его слова на данную тематику «очень в тему», отвечу на его/ее слова и др.*).

И в этой экспериментальной ситуации молодые мужчины предлагают меньше агрессивных сценариев, чем молодые женщины (ср. *Перестану разговаривать; «Не лезьте в наш разговор»*). Более того, в их ответах,

полученных при предъявлении этой экспериментальной ситуации, часто маркирована вежливость (ср. *Вежливо* покажу человеку, что он является лишним в разговоре; *Отойти, в вежливой форме* показать человеку, что он лезет не в свое дело и др.). Данные обнаруживают, что мужчины в возрасте от 17 до 24 лет воспринимают заданную коммуникативную ситуацию как социально приемлемую и не возражают против «вторжения» в личный разговор третьего коммуниканта. Они открыты для социального взаимодействия, в то время как девушки в возрасте от 17 до 24 лет в меньшей степени готовы поддержать диалог с незнакомцем в социально детерминированной ситуации общения.

Экспериментальную ситуацию №4 и мужчины, и женщины из младшей возрастной группы воспринимают как простую, поэтому последовательность прогнозируемых ответных речевых / неречевых действий в ответах испытуемых включает не более одного / двух действий (ЭГ2: одно ответное действие – 72,9%; два ответных действия – 11,9%, три ответных действия – 5,1%, отказы – 10,2%; ЭГ1: одно ответное действие – 79%%; два ответных действия – 12%, отказы – 9%).

Следует обратить внимание на значительное количество отказов от совершения ответного речевого / неречевого действия, полученных при предъявлении именно этой экспериментальной ситуации, что, как отмечалось выше, связано с возможностями, отрываемыми особой коммуникационной платформой – Интернетом: коммуникант может регулировать состав и иерархию средовых факторов в своей среде и исключать те раздражители, которые препятствуют сохранению равновесия между живой системой (коммуникантом) и его средой. Отсюда и большое число ответов, содержащих отказ от совершения ответного действия, в обеих экспериментальных группах, а в тех случаях, когда сценарий ответного коммуникативного поведения моделируется, входящие в него действия являются неразвернутыми: *Ответить; Пошутить в ответ; Если критика адекватна – приму к сведению,*

*иначе – проигнорирую; Отишучусь; Поблагодарю за критику (за честность);
Отвечу с шуткой, сарказмом и др.*

На следующем этапе анализа были рассмотрены ответы представителей ЭГ2, содержащие нелинейные сценарии коммуникативного поведения. Результаты статистической обработки экспериментальных данных систематизированы в таблицах 3.20 – 3.23:

Линейный / нелинейный сценарий ответного коммуникативного поведения	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Линейный сценарий	88,1%
Нелинейный сценарий	11,9%

*Таблица 3.20. Выбор сценария ответного коммуникативного поведения
испытуемыми из ЭГ2 (экспериментальная ситуация № 1)*

Линейный / нелинейный сценарий ответного коммуникативного поведения	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Линейный сценарий	74,6%
Нелинейный сценарий	25,4%

*Таблица 3.21. Выбор сценария ответного коммуникативного поведения
испытуемыми из ЭГ2 (экспериментальная ситуация № 2)*

Линейный / нелинейный сценарий ответного коммуникативного поведения	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Линейный сценарий	52,5%
Нелинейный сценарий	47,5%

*Таблица 3.22. Выбор сценария ответного коммуникативного поведения
испытуемыми из ЭГ2 (экспериментальная ситуация № 3)*

Линейный / нелинейный сценарий ответного коммуникативного поведения	Статистика ответов, вошедших в каждый из кластеров
Линейный сценарий	62,7%
Нелинейный сценарий	37,3%

*Таблица 3.23. Выбор сценария ответного коммуникативного поведения
испытуемыми из ЭГ2 (экспериментальная ситуация № 4)*

Сопоставительный анализ ответов мужчин и женщин из младшей экспериментальной группы показал, что мужчины предлагают значительно больше нелинейных сценариев, чем женщины тогда, когда им предъявляется экспериментальная ситуация №2 (25,4% vs. 12%). При этом выбор сценария

коммуникативного поведения определяется рядом факторов: реакция человека, которого Вы задели (ср. *Извиниться за это и если человек жаждет объяснений, то попытаться рассказать ему, что это было случайностью; Может попросу прощения (зависит от реакции того человека)*); характер касания (ср. *Извиниться. Если касание незначительное – проигнорировать*); характер замечания (ср. *Если замечание вежливо, извиниться, если грубое – оставить без внимания*). В ряде случаев выбор поведенческого сценария в принципе не мотивируется (ср. *Либо не обратить внимание, либо ответить на замечание замечанием; Извинюсь или проигнорирую замечание; Попрошу прощения или промолчу*). Женщины в возрасте от 17 до 24 лет либо не мотивируют выбор того или иного сценария коммуникативного поведения (ср. *Проигнорирую или извинюсь (зависит от ситуации); Либо проигнорирую, либо извинюсь; Любо извинюсь, либо промолчу и не стану обращать внимание*), либо ориентируются на собственное настроение (ср. *Извинюсь. Если у меня плохое настроение, наору в ответ; В зависимости от настроения. Могу извиниться, могу промолчать, могу ответить в грубой форме; Извинюсь. А если плохое настроение, промолчу, ибо в переполненном вагоне нечего выпендриваться. Народу и так много*).

При предъявлении экспериментальной ситуации №3 и мужчины, и женщины из младшей возрастной группы предлагают значительное количество нелинейных сценариев (47,5% ответов, содержащих нелинейные сценарии, в экспериментальной группе №2 vs. 32% ответов, содержащих нелинейные сценарии, в экспериментальной группе №1).

Таким образом, сопоставительный анализ ответов мужчин и женщин из младшей экспериментальной группы позволил выявить следующие тренды:

1) Участники эксперимента мужского пола в возрасте от 17 до 24 лет предлагают преимущественно неразвернутые ответы, отражающие минимум ответных речевых / неречевых действий (*Извинюсь* (экспериментальная ситуация 2); *Начнем общаться вместе с ним* (экспериментальная ситуация 3);

Ответить (экспериментальная ситуация 4); *Удалю комментарий* (экспериментальная ситуация 4)).

2) При этом ответы испытуемых демонстрируют в целом положительное отношение участников из этой группы к предъявленным экспериментальным ситуациям: они открыты для коммуникативного взаимодействия, не реагируют на обращенное к ним речевое действие негативно, не конфликтны: ср. *Ответить так, чтобы не развивать конфликт* (экспериментальная ситуация 2); *Ничего не имею против, пусть включается в разговор* (экспериментальная ситуация 3); *Обсудить, спросить, что не так с фотографией, чтобы стать лучше* (экспериментальная ситуация 4). Это несомненно свидетельствует об их открытости для социального взаимодействия, о готовности участвовать в коммуникации.

Контрольная подгруппа (мужчины и женщины в возрасте от 40 до 60 лет)

Участники эксперимента женского пола в возрасте от 40 до 60 лет преимущественно предлагают развернутые комментарии, в которых описывается целиком последовательность действий (сценарий часто нелинейный): *Если сильно спешу – пройду не останавливаясь, если знаю ответ на вопрос и не спешу – остановлюсь и отвечу, объясню, если надо. Переспрошу, уточню и т.п.; Задержусь, переспрошу, что он спросил, отвечу, если знаю ответ. Не отвечу, если вопрос не корректен; Спокойно молча посмотреть на мужчину, оценить все. Если положительно – уточнить вопрос. Если отрицательно – извиниться и быстро удалиться* (экспериментальная ситуация 1); *Если я виновата – извиняюсь. Но в данном случае... Как правило, раньше отвечала что-то в оправдание типа я не виновата, все толкаются и т.п. В последнее время – просто не отвечаю таким скандальным и вредным людям; Извинюсь, но подумаю о человеке не очень хорошо* (экспериментальная ситуация 2); *Если разговор наш был «не о чем», то буду не против его участия. Если обсуждалось что-то касающееся нас, то постараюсь никак не реагировать на его участие; Если реплика*

подходила к ситуации и была в тему, выслушать его. Если неадекватно говорит, то сдержанноотреагирую, тем самым показав нежелание дальнейшего общения; Обменяемся улыбками, но не включим разговор и отойдем подальше (экспериментальная ситуация 3); Если критика от близкого человека (друга), то попрошу пояснить конкретнее, что вызвало эту критику; Если это критика друга – приму или посмеюсь. Если незнакомый человек, удалю комментарий; Отвечу что-то в шутливой форме – не покажу обиду, но в шутке выражу свое мнение по этому поводу (экспериментальная ситуация 4).

Напротив, испытуемые мужского пола в возрасте от 40 до 60 лет отвечают односложно: *Отшучусь (ситуация 4); Извинюсь (ситуация 2); Промолчу (ситуация 2); Проигнорирую (ситуация 4).* Следует особо отметить тот факт, что среди ответов представителей этой группы было выявлено много агрессивных, социально неприветствуемых форм поведения (например, *Выскажу свое недовольство по поводу его вмешательства в чужой разговор (ситуация 3); Если тема личная, то «пошлю» (ситуация 3)).*

Проведенный анализ ответов испытуемых, полученных в ходе проведения эксперимента, позволил сделать следующие выводы.

1. На стыке четырех основных групп наблюдаются самые выраженные различия.

2. Чем более многочисленна группа, тем более выражены различия. Так, в самой большой количественно группе женщин в возрасте от 17 до 24 лет наблюдаются самые выраженные расхождения.

3. Шаблонные ответы свойственны всем экспериментальным группам, однако в большей степени проявляются в старшей экспериментальной группе, что, скорее всего, связано с попыткой поиска ориентира в собственном коммуникативном опыте.

4. Опора на предшествующий коммуникативный опыт, как представляется, также обнаруживается в том, что испытуемые описывают

развернутые последовательности действий, часто нелинейные. Особенно это характерно для женщин в возрасте от 40 до 60 лет.

5. Мужчины из обеих возрастных групп предлагают менее развернутые ответы, включающие меньшее число ответных речевых / неречевых действий, чем женщины из обеих возрастных групп.

6. Характер взаимодействия часто определяют индивидуальные особенности коммуниканта, которые в теории аутопоэза называются актуальными состояниями живой системы (Ср. *если не в настроении...* – в таких ответах испытуемые указывают на субъективные факторы, которые определяют характер ответного речевого / неречевого действия).

Выводы ПО РАЗДЕЛУ 3.3.2

Анализ коммуникативного поведения, моделируемого участниками этого этапа эксперимента, с позиций аутопоэтической теории следует учитывать, что испытуемые *ориентированы на минимизирование усилий*, направленных на восстановление равновесия со средой. Так, в результате анализа аккумулированных экспериментальных данных было выявлено, что, выстраивая собственное коммуникативное поведение в заданных экспериментатором условиях, представители сопоставляемых гендерных и возрастных групп не демонстрируют уникальных поведенческих сценариев. Общий тренд на быстрое восстановление равновесия в результате приложения минимального усилия наблюдается во всех ответах.

Есть частные особенности, связанные с гендерными и возрастными факторами, но вряд ли можно рассматривать эти характеристики как уникальные. Так, отмечена большая многословность женщин или более выраженная степень агрессии в прогнозируемых ими речевых действиях и зависимость моделирования развернутых нелинейных коммуникативных сценариев от возраста испытуемых.

Сопоставляя итоги обработки результатов первого и второго экспериментальных этапов, мы установили, что, выстраивая *разные иерархии*

средовых факторов, испытываемые в любом случае моделируют сравнительно простые и однотипные поведенческие сценарии. Это подтверждается сравнительно низким коэффициентом конкордации фактически во всех экспериментальных группах.

3.3.3. Обработка результатов третьего этапа эксперимента: реакция на возникновение диссонанса со средой (вербальные факторы)

В ходе проведения третьего этапа эксперимента испытуемым было предложено сформулировать ответные речевые действия на адресованные им высказывания.

Предложенное участникам эксперимента задание было направлено на верификацию экспериментальной гипотезы, согласно которой *способность коммуниканта идентифицировать и использовать релевантную для конкретных условий коммуникации иерархию коммуникативных свойств обеспечивает эффективное восстановление равновесных отношений между субъектом коммуникации и средой.* Цель исследования состояла в установлении особенностей реализации коммуникантами, обладающими разными возрастными, гендерными и пр. характеристиками, адаптационных механизмов.

Задействованные в эксперименте стимульные высказывания содержали следующие особенности. Первое высказывание *Вы можете формулировать мысль четко* является двусмысленным и может рассматриваться как комплимент или как критическое замечание. Ожидается, что испытуемые столкнутся с проблемой определения коммуникативного намерения адресанта, и это будет препятствовать совершению ответного речевого действия.

Для формулирования ответа на второе стимульное высказывание *С какой целью был инициирован проект «Марс – 1»?* требуется опора на фоновые

знания, являющиеся составляющей структурности живой системы (коммуниканта). Прогнозировалось, что отсутствие необходимых фоновых знаний потребует от участников эксперимента актуализации ряда адаптационных механизмов, в число которых входит как использование стратегии самопрезентации и отказ от совершения ответного речевого действия, так и повышение уровня активности и использование встречных уточняющих вопросов.

В третьем и четвертом стимульных высказываниях *Человек разумный – вид рода Люди из семейства гоминид в отряде приматов, отличается значительной степенью развития материальной и нематериальной культуры, способностью к членораздельной речи и развитому абстрактному мышлению; Симптомы инфекционного мононуклеоза – катаральный трахеит, бронхит, мигрень, головокружения, боль в мышцах и суставах (чаще всего в результате лимфостаза), повышение температуры тела (как следствие – повышенное потоотделение)* содержится ряд общенаучных и специальных терминов, поэтому понимание исходного высказывания и формулирование ответного речевого действия требует высокого уровня сформированности языковой способности. В случае его отсутствия прогнозируется применение испытуемыми различных адаптационных механизмов для совершения ответного речевого действия: это позволяет коммуниканту поддерживать общение, не отказываясь от дальнейшего участия в коммуникации. Иными словами, для участников общения важно совершать ответные речевые действия, даже если при этом не происходит взаимодействия на когнитивном уровне.

В этом этапе эксперимента принимала участие та же экспериментальная выборка: младшую возрастную группу составляли 185 испытуемых (118 женщин и 67 мужчин), а в старшую возрастную группу вошло 34 испытуемых. Поскольку ожидалось, что основные различия будут выявлены на стыке экспериментальных подгрупп, анализ экспериментальных данных

осуществлялся по группам, далее проводился сопоставительный анализ полученных результатов.

Результаты обработки экспериментальных данных, полученных при предъявлении каждого стимульного высказывания, рассматривались отдельно.

Стимульное высказывание №1

При предъявлении испытуемым стимульного высказывания *Вы можете формулировать мысль четко* были получены разные (иногда полярные) ответы. Предположительно, характер восприятия исходного высказывания (в качестве комплементарного или критического) и, следовательно, характер ответного речевого действия определяется социокогнитивными характеристиками участников эксперимента.

В связи с этим наиболее выраженные различия ожидаются на стыке экспериментальных групп (младшая vs. старшая; мужчины vs. женщины). Степень согласованности мнений испытуемых внутри каждой группы демонстрирует, является ли коммуникативное поведение в подобной ситуации социально маркированным и стереотипным или определяется индивидуальными характеристиками коммуниканта (актуальным состоянием живой системы).

Младшая экспериментальная подгруппа (мужчины и женщины в возрасте от 17 до 24 лет)

Как было отмечено выше, стимульное высказывание *Вы можете формулировать мысль четко* может трактоваться неоднозначно: с одной стороны, этот комментарий может расцениваться как комплимент, с другой – как критическое замечание.

Ответы, аккумулированные в ходе проведения этого экспериментального этапа, в группе испытуемых в возрасте от 17 до 24 лет, распределены в ряд кластеров:

- ОТВЕТНАЯ РЕАКЦИЯ НА КОМПЛИМЕНТ;
- УБЕЖДЕННОСТЬ В СОБСТВЕННОЙ СПОСОБНОСТИ;
- ОТВЕТНАЯ РЕАКЦИЯ НА КРИТИЧЕСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ;
- ПРИЗНАНИЕ СОБСТВЕННОЙ НЕСПОСОБНОСТИ;
- УКАЗАНИЕ НА ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ В ОТВЕТЕ;
- ОТКАЗ.

Первый кластер содержит ответы испытуемых, предполагающие, что участники эксперимента восприняли этот комментарий как комплементарное высказывание, адресованное им: *Спасибо. Жалко, что не всегда получается; Спасибо. Мне было важно это услышать и др.*

Во второй кластер вошли ответы, отражающие убежденность испытуемых в том, что они способны вербализовать мысль: *Ну да, могу; Да, могу); Спасибо, я знаю; Могу, Вам, наверное, просто плохо слышно и др.*

В кластер ОТВЕТНАЯ РЕАКЦИЯ НА КРИТИЧЕСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ включены ответы, судя по которым участники эксперимента восприняли адресованное им высказывание как критику: *Хорошо, но для этого мне понадобится время; Да, но мне нужна минута; Я постараюсь сейчас переформулировать и выскажу мысль четко и др.*

Кластер ПРИЗНАНИЕ СОБСТВЕННОЙ НЕСПОСОБНОСТИ формулировать мысль четко включает ответы, признающие, что человек не всегда способен облечь мысль в прозрачную вербальную форму: *Не всегда; Не всегда получается формулировать мысль четко и др.*

В некоторых случаях испытуемые производили анализ исходного высказывания и указывали на присутствующую в нем амбивалентность: *Это вопрос или утверждение? Если первое, то да, я очень постараюсь, если второе, то спасибо за положительную оценку и др.*

В ряде анкет поле для ответа оставалось незаполненным: такие ответы вошли в кластер ОТКАЗ.

В том случае, если ответ испытуемого было сложно интерпретировать однозначно, мы относили его в кластер ДРУГИЕ: *Да, нет, не знаю; На настоящее время очень важно четко формулировать свою мысль на поставленный вопрос или на предложенное высказывание. Это показывает то, как человек владеет речью и др.*

Систематизация ответов, аккумулярованных при предъявлении данного высказывания испытуемым младшего возраста, позволила идентифицировать характерные особенности ответных речевых действий, моделируемых в заданных условиях участниками эксперимента. Данные были оформлены в виде таблицы (см. *Таблицу 3.24*):

Название кластера	Количество ответов женщин в возрасте от 17 до 24 лет	Количество ответов мужчин в возрасте от 17 до 24 лет
ОТВЕТНАЯ РЕАКЦИЯ НА КОМПЛИМЕНТ	42%	24%
УБЕЖДЕННОСТЬ В СОБСТВЕННОЙ СПОСОБНОСТИ	25%	44%
ОТВЕТНАЯ РЕАКЦИЯ НА КРИТИЧЕСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ	16%	14%
ПРИЗНАНИЕ СОБСТВЕННОЙ НЕСПОСОБНОСТИ	6%	10%
УКАЗАНИЕ НА ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ В ОТВЕТЕ	5%	-
ОТКАЗ	1%	5%
ДРУГИЕ	5%	3%

Таблица 3.24. Статистическая обработка ответов испытуемых из младшей экспериментальной группы (на стимульное высказывание № 1)

В результате проведенного нами статистического анализа и интерпретации полученных данных были выявлены следующие особенности ответного коммуникативного поведения молодых участников эксперимента:

Женщины в возрасте от 17 до 24 лет в большей степени склонны воспринимать адресованное им высказывание как комплимент. Вероятно, это связано с определенными стереотипами, касающимися социально приемлемых форм коммуникации, а именно ожиданием похвалы, а не критики в коммуникативном взаимодействии. Видимо, для молодых женщин этот сценарий наиболее очевиден. В связи с этим в моделируемых ответных речевых действиях они благодарят за адресованный им комплимент: *Спасибо, если Вы это заметили, значит, и о Вас можно сказать то же самое; Спасибо; Спасибо большое!; Спасибо. Жалко, что не всегда получается и др.*

Следующим по частотности является кластер УБЕЖДЕННОСТЬ В СОБСТВЕННОЙ СПОСОБНОСТИ формулировать мысль четко (25% от общего количества ответов): *Очень приятно обмениваться с вами идеями и мыслями; Могу; Ну да, могу; Конечно, данной способностью обладает большая часть населения планеты, этому обучают на разных этапах развития человека, и чем старше, тем сложнее процесс; Я знаю и др.*

В ответах мужчин в возрасте от 17 до 24 лет доминанта выстроена с точностью наоборот: первую строку занимает кластер УБЕЖДЕННОСТЬ В СОБСТВЕННОЙ СПОСОБНОСТИ (44%), за ним следует ОТВЕТНАЯ РЕАКЦИЯ НА КОМПЛИМЕНТ (24%).

Только 16% испытуемых женского пола и 14% испытуемых мужского пола восприняли адресованное им стимульное высказывание как критическое замечание. Многие готовы сразу же исправить ситуацию и переформулировать мысль (*Извините, сейчас; Ладно, давайте попробую объяснить по-другому; Простите, сейчас постараюсь переформулировать так, чтобы было понятнее; Хорошо, но для этого мне понадобится время; Да, но мне нужна минута и др.*). Такие субъекты коммуникации представляют собой нерезистивные живые системы, способные к адаптации и готовые совершать ответные действия, направленные на восстановление равновесных отношений.

Напротив, некоторые испытуемые из обеих гендерных подгрупп продемонстрировали свою резистивность, констатируя, что они не способны формулировать мысль четко и не готовы к ответным действиям, ср. *Не всегда; Не совсем; Не могу; Ха-ха. Это вряд ли. Увы, Вы не правы* и др.

Старшая экспериментальная подгруппа (мужчины и женщины в возрасте от 40 до 60 лет)

На следующем этапе анализа были систематизированы ответы, полученные от контрольной группы, в которую вошли женщины и мужчины в возрасте от 40 до 60 лет (обработано 34 экспериментальные анкеты).

Следует отметить, что коммуниканты, обладающие бóльшим коммуникативным опытом, склонны воспринимать адресованное им высказывание как комплимент. Среди женщин и мужчин этой возрастной подгруппы частотны ответы типа *Спасибо; Хорошо, меня это радует; Стараюсь так делать всегда; Спасибо, очень приятна такая оценка; Благодарю; Спасибо. Стараюсь. Это качество важно в моей работе* и др. (29%). При этом сравнительно много ответов отнесено в кластер ПРИЗНАНИЕ СОБСТВЕННОЙ СПОСОБНОСТИ выражаться четко: *Да; Да, могу* (15%).

В редких случаях это высказывание воспринимается как критическое замечание: ср. *Да, я могу формулировать мысль четко, если меня не будут прерывать; Я и так достаточно четко высказываюсь, что Вам не понятно?*

В некоторых случаях ответы звучат довольно грубо: некоторые ориентированы на то, чтобы обидеть собеседника (*Я постараюсь объяснить доступным для вас языком*), другие демонстрируют, что коммуникант занимает оборонительную позицию (*Да, я могу формулировать мысль четко, если меня не будут прерывать; Я и так достаточно четко высказываюсь, что Вам не понятно?*). Однако это низкочастотные ответы (приблизительно 4-5% от общего числа аккумулярованных анкет).

Гендерные особенности в такой немногочисленной группе выявить сложно, однако, в целом, мужчины более лаконичны и менее склонны давать пояснения (*Да, конечно; Могу и др.*).

Сопоставительный анализ результатов эксперимента с представителями всех четырех подгрупп позволяет говорить о том, что молодые участники коммуникативного взаимодействия чаще воспринимают этот комментарий как средовый раздражитель, требующий совершения ответных речевых действий. Они более многословны и ориентированы на объяснение того, как они восприняли адресованное им высказывание.

Можно также констатировать наличие гендерной особенности: мужчины чаще дают неразвернутый констатирующий ответ, не предполагающий продолжения дискуссии.

Стимульное высказывание №2

На следующем этапе эксперимента были систематизированы ответы испытуемых на стимульное высказывание *С какой целью был инициирован проект «Марс – 1»?* На этапе формулирования задания было выдвинуто предположение, что, когда участники эксперимента обладали недостаточными фоновыми знаниями, они могли либо указать на незнание верного ответа, либо использовать различные адаптационные механизмы для вуалирования собственного незнания или для получения дополнительных ориентиров при формулировании ответного речевого действия (например, испытуемые могли задать встречный вопрос). С учетом того, что испытуемые могли использовать различные адаптационные механизмы, ответы группировались в следующие кластеры:

- УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТВЕТА (САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ);
- ВЕРНЫЙ ОТВЕТ;
- НЕВЕРНЫЙ ОТВЕТ / ДОГАДКА;
- ПРИЗНАНИЕ НЕЗНАНИЯ ОТВЕТА;

- ВСТРЕЧНЫЙ ВОПРОС;
- ОТКАЗ.

В кластер УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТВЕТА (САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ) вошли речевые действия испытуемых, в которых не содержался ответ на исходный вопрос. При этом участники эксперимента вуалировали факт незнания правильного ответа за счет переключения фокуса внимания в ответном речевом действии на собственную личность (*С целью, чтобы вы поинтересовались; Гугл говорит, что...; Что, простите?; Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к его предпосылкам. Более того, нужно также принять во внимание причины и цели данного проекта; С такой же, с какой был инициирован проект «измерение скорости полета кузнечика» и др.*).

Некоторые испытуемые предложили верные ответы на стимульный вопрос. Эти речевые действия были сгруппированы в кластер ВЕРНЫЙ ОТВЕТ: *С целью заселения группы людей на Марс и отслеживания их жизни через камеры; Как я знаю, проект Марс-1 инициирован с целью колонизации Марса; Когда-нибудь человечеству станет тесно на Земле, к этому времени мы должны уже иметь хоть один путь расширения территории; Насколько я знаю, это проект о заселении Марса и др.*

В некоторых случаях ответные речевые действия содержали догадку или неверный ответ на исходный вопрос. Такие речевые действия вошли в кластер НЕВЕРНЫЙ ОТВЕТ / ДОГАДКА (*Цели данного проекта были важны для страны, но и для мира в целом. В случае успешного завершения проекта, страна поднимала свой уровень в политической системе мира; Точно не знаю. Возможно, это связано с исследованием космоса; Спасибо за вопрос, думаю, чтобы понять, стоит ли дальше изучать планету Марс; Станция, предназначенная для исследования поверхности и пространства вокруг Марса; С целью познания космического пространства, для открытий в области науки, что помогает развить человечество и др.*).

Кластер ПРИЗНАНИЕ НЕЗНАНИЯ составили речевые действия, в которых содержалось признание факта незнания ответа на стимульный вопрос: *Понятия не имею; К сожалению, я не знаю; Спасибо за вопрос, но, к сожалению, я не могу ответить на него; Я не знаю. Что это?; К сожалению, космические проекты не входят в круг моих интересов; Не знаю; Я не владею этой информацией; Не знаю такого проекта. Что это?; Я не осведомлен в этом вопросе* и др.

В кластер ВСТРЕЧНЫЙ ВОПРОС вошли те ответные речевые действия, в которых испытуемые формулировали уточняющий вопрос (*Что это за проект? Расскажите подробнее; А вы как считаете?; Я как-то читала про этот проект, но это было давно, не могли бы Вы мне напомнить о чем там?; Что это за проект?* и др.). Анализ ответов, объединенных в этом кластере, представляется особенно значимым в силу того, что в них реализуется такое свойство говорящего, как активность.

Резистивные живые системы, не готовые к совершению адаптационных действий, часто отказываются от выполнения ответного речевого действия. Эти ответы вошли в кластер ОТКАЗ.

Поскольку наиболее очевидные различия, как и на других этапах эксперимента, ожидаются на межгрупповом срезе, экспериментальные данные обрабатывались отдельно в каждой из экспериментальных подгрупп. Далее был проведен сопоставительный анализ межгрупповых особенностей. Внутри экспериментальных групп также ожидалась некоторая неоднородность, поэтому отдельный этап анализа состоял в выявлении внутригрупповых трендов.

Младшая экспериментальная группа (мужчины и женщины в возрасте от 17 до 24 лет)

На первом этапе обработки экспериментальных данных систематизированы ответы испытуемых младшей возрастной группы. В этой группе выделены две подгруппы по гендерному признаку, поскольку именно на межгрупповом срезе различия наиболее эксплицированы. Ответы были сведены в таблицу (см. *Таблицу 3.25*):

Название кластера	Количество ответов женщин в возрасте от 17 до 24 лет	Количество ответов мужчин в возрасте от 17 до 24 лет
УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТВЕТА (САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ)	9%	6%
ВЕРНЫЙ ОТВЕТ	20%	19%
НЕВЕРНЫЙ ОТВЕТ / ДОГАДКА	24%	41%
ПРИЗНАНИЕ НЕЗНАНИЯ	40%	32%
ВСТРЕЧНЫЙ ВОПРОС	5%	
ОТКАЗ	2%	2%

Таблица 3.25. Статистическая обработка ответов испытуемых из младшей экспериментальной группы (на стимульное высказывание № 2)

Статистическая обработка ответных речевых действий, предложенных испытуемыми младшей экспериментальной группы, позволяет говорить о следующих доминантах.

32% ответов мужчин и 40% ответов женщин в возрасте от 17 до 24 лет вошли в кластер ПРИЗНАНИЕ НЕЗНАНИЯ: испытуемые, не владея необходимой фоновой информацией, предпочитали отказываться от дальнейшего коммуникативного взаимодействия. Такие ответные речевые действия свидетельствуют о резистивности живой системы, отказе от восприятия раздражителя как элемента среды и, следовательно, от совершения каких-либо адаптационных действий. В сущности, такие ответы не предполагают дальнейшей коммуникации: *Извините, но, к сожалению, я не могу ответить на этот вопрос; Спасибо за вопрос, но, к сожалению, я не*

могу ответить на него; К сожалению, не знаю; Не имею ни малейшего понятия; Не знаю; К сожалению, космические проекты не входят в круг моих интересов; Я не владею этой информацией; Я не осведомлен в этом вопросе и др.

В группах молодых мужчин и женщин этот кластер выделяется на основе сравнительно небольшого количества ответов. Такое статистическое соотношение можно интерпретировать как нежелание коммуникантов в юном возрасте участвовать в общении, а необходимые для коммуникации фоновые знания оказываются недостаточно сформированными. Один из адаптационных механизмов предполагает в этом случае более активное участие в коммуникации (формулировании встречных уточняющих вопросов, комментировании и пр.), однако, судя по результатам эксперимента, испытуемые редко задействуют свойство активности. Так, в группе женщин в возрасте от 17 до 24 лет только 5% испытуемых сформулировали встречный вопрос (например, *Что это за проект? Расскажите подробнее; А вы как считаете?; Я как-то читала про этот проект, но это было давно, не могли бы Вы мне напомнить о чем там?; Что это за проект?* и др.). В редких случаях участники эксперимента предлагали комбинированные ответы: сначала они признавали незнание верного ответа, а далее формулировали встречный вопрос (*Я не знаю. Что это?; К сожалению, я не знаю. Не могли бы Вы рассказать мне об этом?*). Испытуемые, входящие в экспериментальную группу мужчин в возрасте от 17 до 24 лет, не формулировали встречные вопросы, следовательно, активность в заданной коммуникативной ситуации для них не характерна.

Следует отметить, что в экспериментальной группе, в которую вошли мужчины в возрасте от 17 до 24 лет, наибольшее число ответов было отнесено в кластер НЕВЕРНЫЙ ОТВЕТ / ДОГАДКА (41%). Напротив, в группе молодых женщин этот кластер занимает только второе место (24%). Именно в этом кластере были сгруппированы ответы, в которых реализуются различные

адаптационные механизмы. Некоторые из них требуют детального рассмотрения.

При формулировании ответов, основанных на догадке, многие испытуемые используют логическую операцию **генерализации**. Так, молодые мужчины склонны вуалировать незнание верного ответа на стимульный вопрос за счет использования общих формулировок: *Для исследования поверхности Марса; С целью познания космического пространства, для открытий в области науки, что помогает развить человечество; Станция, предназначенная для исследования поверхности и пространства вокруг Марса; С целью исследования космоса. В частности, Марса. Предполагая полет на Марс; Для освоения Марса и различных исследований; С целью исследовать планету, на которой возможна жизнь и др.* Нет оснований считать такие ответы абсолютно неверными, поскольку проект «Марс-1», предполагающий создание колонии на Марсе, в частности, решает задачу освоения космического пространства и исследования поверхности планеты. Однако в этих ответах не содержится какая-либо информация о проекте. Более того, в большинстве таких ответных речевых действий проект не упоминается вовсе. Следовательно, рассматривать такие ответы как верные неправомерно.

В некоторых случаях предлагается настолько общий ответ, что логическая связь между стимульным высказыванием и ответным речевым действием полностью утрачивается (*Полагаю, с целью получения новых знаний и новой информации; Исключительно в целях научного познания; Прежде всего, с целью проверки состоятельности и конкурентоспособности отечественной космонавтики*).

Некоторые ответы, основанные на догадке, являются **оценочными**: *Потратить больше денег Роскосмоса; С целью вытянуть денег из людей. Как мы видим сейчас, его развитие остановлено, и, скорее всего, не восстановится ближайшие лет пять. «Марс-1» изначально набрал меньше людей (желающих), чем они рекламировали; Чтобы получить огромные средства, половину из которых потратить на зарплату ученым, вторую*

половину – на начальные разработки космического проекта, а затем – попросить дополнительные средства на проект «Марс – 2»; Для «отмытия» денег. В таких ответных речевых действиях фокус смещается с описания собственно проекта на оценку схемы финансирования проекта. При этом оценка, содержащаяся в данных ответных речевых действиях, является субъективной.

Испытуемые, входящие в группу женщин в возрасте от 17 до 24 лет, также используют операцию генерализации: *Цели данного проекта были важны для страны, но и для мира в целом. В случае успешного завершения проекта, страна поднимала свой уровень в политической системе мира; Для научных исследований;) Знаете, не знаю точную цель данного проекта. Но думаю, что... это связано с космонавтикой?; С целью изучения просторов Вселенной; С научной; С целью найти инопланетян и затусоваться и др.*

Однако ответы молодых женщин не являются оценочными. Более того, никто из испытуемых из этой экспериментальной группы не комментировал другие аспекты реализации проекта.

В кластер ВЕРНЫЙ ОТВЕТ вошло приблизительно одинаковое число ответных речевых действий как мужчин, так и женщин (19% vs. 20%). Ответные речевые действия, объединенные в эту группу, дифференцируются в зависимости от степени детализации. В некоторых случаях ответы являются более общими (мужчины: *Насколько я знаю, это проект о заселении Марса; Этот проект был создан для попытки отправить человека на Марс, чтобы узнать, сможет ли он выжить в тех условиях; Проект «Марс – 1» был инициирован с целью исследования возможности колонизации Марса человеком; Чтобы улететь на Марс; Высадить людей на Марс; Если не ошибаюсь, то этот проект подразумевает переселение людей на марс примерно к 2023 году. Людям всегда хочется чего-то нового...); женщины: *С целью оккупации территории, пригодной для физического существования человека; Для создания некой колонии землян на Марсе, т.н. первый полет людей на Марс будет в один конец. Но как мне кажется, это только слова,**

чтобы обмануть людей; Колонизация Марса; Данный проект был инициирован с целью основания колонии людей для дальнейшего развития человеческого общества, расширения ареала обитания; С целью заселения группы людей на Марс и отслеживания их жизни через камеры; Как я знаю, проект Марс-1 инициирован с целью колонизации Марса; Когда-нибудь человечеству станет тесно на Земле, к этому времени мы должны уже иметь хоть один путь расширения территории; Проект «Марс-1» был инициирован с целью создания жизни на Марсе; С целью создать первые человеческие поселения на Марсе к апрелю 2023 г.; С целью создания человеческих поселений на Марсе; Создание жизни на планете Марс; Скорее всего, чтобы проверить, смогут ли люди жить вне планеты Земля).

В других случаях испытуемые предлагают более детализованные ответы (мужчины: Данный проект предполагал полет на Марс с целью основания колонии для проживания на поверхности и транслирования происходящего по телевидению; Данный проект предполагал полет на Марс с целью основания колонии для проживания на поверхности и транслирования происходящего по телевидению; 1) Попытка колонизации Марса людьми. 2) Изучение Марса на основе опыта людей, побывавших на данной планете. 3) Попытка подтверждения наличия древней жизни на Марсе. 4) Финансовая перспектива за счет использования ископаемых на планете; Научный проект, руководимый Басом Лансдорпом и предполагающий полет на Марс с последующим основанием колонии на его поверхности и транслирования всего происходящего по телевидению; Во-первых, ради развития космической программы, хотя и было сказано, что это не космическая программа. Это частная космическая программа, а значит, взаимосвязь с государственными все равно будет иметь место, а во-вторых, ради колонизации новой планеты с целью поиска и добычи полезных ископаемых, необходимых странам на Земле, а так же, «разгрузка» Земли, т.к. возможность переселения на Марс позволит держать популяцию Земли на необходимом для нее уровне; женщины: «Марс-1» запустили по официальным данным для проведения

научных экспериментов по изучению потенциала наличия жизни на Марсе и его дальнейшей колонизации. Хотя, как по мне, это больше похоже на реальности шоу из серии «Шоу Трумана»; Данный проект был инициирован с целью полета на Марс с последующим основанием колонии на его поверхности и трансляцией всего происходящего по телевидению; Проект «Марс – 1» был разработан с целью более подробного изучения планеты Марс, и возможного ее заселения группой добровольцев со всех стран мира; Проект «Марс – 1» инициирован с целью проведения исследований на поверхности Марса, чтобы в будущем обеспечить людям возможность проживания на нем). Таким образом, 6 ответов (10%) молодых мужчин представляют собой более общую формулировку, в то время как 4 ответа (7%) являются более детализованными, в группе молодых женщин общих ответов было 12 (14%), а детализованных – 3 (3,5%).

Более того, некоторые ответы были скопированы из различных интернет-источников или скомпилированы с опорой на соответствующую литературу. Вероятно, эти случаи тоже можно рассматривать как проявление свойства активности живой системы, поскольку испытуемый совершил адаптационное действие, направленное на устранение дисбаланса со средой, выполнив поиск информации и ликвидировав нехватку фоновых знаний. Так, на сайте энциклопедии Wikipedia указано «**Mars One** (рус. *Марс-один*) – частный проект, руководимый Басом Лансдорпом и предполагающий полет на Марс с последующим основанием колонии на его поверхности и трансляцией всего происходящего по телевидению» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Mars_One). Идентичная или близкая формулировка содержится в следующих ответах: *Данный проект был инициирован с целью полета на Марс с последующим основанием колонии на его поверхности и трансляцией всего происходящего по телевидению (жен); Данный проект предполагал полет на Марс с целью основания колонии для проживания на поверхности и транслирования происходящего по телевидению (муж); Данный проект предполагал полет на Марс с целью*

основания колонии для проживания на поверхности и транслирования происходящего по телевидению (муж); Научный проект, руководимый Басом Лансдорпом и предполагающий полет на Марс с последующим основанием колонии на его поверхности и транслирования всего происходящего по телевидению (муж).

Наконец, сравнительно небольшой кластер ответов составили речевые действия мужчин и женщин в возрасте от 17 до 24 лет, ориентированные на вуалирование незнания верного ответа. При этом одна из частотных коммуникативных стратегий – стратегия самопрезентации, т.е. смещение фокуса внимания в ответе с обсуждаемой проблемы на личность коммуниканта.

Так, молодые женщины могут отвечать агрессивно (*С целью, чтобы вы поинтересовались*) или использовать иронию (*Гугл говорит, что...*).

Иногда испытуемые комментируют собственное речевое действие, не формулируя собственно ответ: (*Четко и спокойно обозначу цель проекта по пунктам*) *Мы ставили перед собой следующие цели....* Такое ответное речевое действие направлено на демонстрацию уровня собственного развития и осведомленности, однако не допускает возможности верификации правомерности сделанного заявления.

Встречаются и намеренно усложненные формулировки, ориентированные на формирование определенного впечатления об уровне собственного развития, являющиеся клише академического дискурса (*Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к его предпосылкам. Более того, нужно также принять во внимание причины и цели данного проекта*).

В некоторых случаях самопрезентация реализуется в виде наивного ответного вопроса (*Что, простите?*). Следует, однако, отметить, что в отличие от ответных речевых действий, вошедших в кластер ВСТРЕЧНЫЙ ВОПРОС, вопросы этой группы не являются уточняющими. Скорее, это этикетные формулы, формирующие внешнюю канву коммуникации, но не

предполагающие взаимодействие коммуниканта со средой (и другим коммуникантом как компонентом этой среды).

Иногда самопрезентация присутствует и в ответах, отнесенных в другие кластеры (*Это не входит в мое исследование; С целью найти инопланетян и затусоваться*). Это проявляется в особенностях идиостиля (использование сниженного регистра) или же в использовании клише академического дискурса.

В ответах молодых мужчин также может присутствовать самопрезентация, состоящая в ироничных ответных формулировках (*С такой же, с какой был инициирован проект «измерение скорости полета кузнечика»*), в репликах, вуалирующих незнание верного ответа (*В настоящий момент разглашение этой информации запрещено*), или в неправомерном переключении на другую линию коммуникации (*Я лучше перескажу вам, о чём идет речь в книге «Марсианин»*).

Стратегия самопрезентации может быть интегрирована в ответы, построенные с опорой на иные коммуникативные стратегии (*Во-первых, с политической, надо же было показать, что Нидерланды крутые, а где-то на пятом или шестом месте маячит идея развития космоса и покорение людьми Марса; С целью вытянуть денег из людей. Как мы видим сейчас, его развитие остановлено, и, скорее всего, не восстановится ближайшие лет пять. «Марс-1» изначально набрал меньше людей (желающих), чем они рекламировали; Чтобы получить огромные средства, половину из которых потратить на зарплату ученым, вторую половину – на начальные разработки космического проекта, а затем – попросить дополнительные средства на проект «Марс – 2»*). В экспериментальной группе мужчин в возрасте от 17 до 24 лет самопрезентация реализуется в ответах, содержащих субъективные критические комментарии, и проявляется в формулировании такого ответа, который маркирует наличие более глубоких знаний в обсуждаемой области (при этом коммуникант намекает на их наличие, однако по тем или иным причинам предпочитает их утаить).

Таким образом, сопоставительный анализ экспериментальных данных, полученных при предъявлении испытуемым в возрасте от 17 до 24 лет экспериментального задания №2, позволил выявить следующие межгрупповые особенности.

1. Большинство ответов молодых мужчин вошло в кластер НЕВЕРНЫЙ ОТВЕТ / ДОГАДКА, многие из которых построены с использованием логической операции генерализации. Некоторые ответы являются настолько общими, что фактически между ними и стимульным вопросом утрачивается логическая связь. В ряде ответов, отнесенных в этот кластер, представлена субъективная оценка схемы финансирования проекта «Марс-1». Ответные речевые действия этого типа в меньшей степени отмечены в экспериментальной группе молодых женщин. При этом большинство ответов, вошедших в кластер НЕВЕРНЫЙ ОТВЕТ / ДОГАДКА, построены с опорой на логическую операцию генерализации. Женщины в возрасте от 17 до 24 лет не комментируют различные составляющие проекта, субъективная оценка в ответах, предложенных ими, отсутствует.

2) В экспериментальной группе, в которую вошли женщины в возрасте от 17 до 24 лет, доминантный кластер составляют речевые действия, в которых участники эксперимента открыто признают незнание верного ответа. Как представляется, такие ответные речевые действия свойственны резистивным живым системам, которые склонны отказаться от дальнейшей коммуникации в том случае, если она требует от них дополнительных адаптационных действий. В кластер ПРИЗНАНИЕ НЕЗНАНИЯ также вошло значительное число ответов молодых мужчин, что говорит об отсутствии выраженного гендерного различия (вероятно, это особенность возрастная).

3) В кластер ВЕРНЫЙ ОТВЕТ вошли ответы молодых мужчин и женщин, построенные с опорой на необходимые фоновые знания и характеризующиеся разной степенью детализации. При этом в ряде случаев при формулировании ответа очевидна опора на интернет-источники и другую литературу (цитирование или перефразирование информации, представленной в

источниках). В этих ответных речевых действиях реализуется активность коммуникантов. В экспериментальной группе, в которую вошли женщины в возрасте от 17 до 24 лет, были предложены немногочисленные ответы, отнесенные в кластер ВСТРЕЧНЫЙ ВОПРОС. Как представляется, такая коммуникативная стратегия также отражает активный характер взаимодействия между живой системой и средой. Адаптация при этом состоит в совершении большего числа речевых действий для восстановления равновесия со средой.

4) Единичные ответы, предложенные испытуемыми из обеих гендерных групп, были отнесены в кластер УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТВЕТА (САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ). В таких случаях участники эксперимента смещают фокус с обсуждения проблемы на собственную личность. Ответные речевые действия, отнесенные в этот кластер, представлены агрессивными репликами, рамочными описаниями речевых действий, использованием клише академического дискурса и неправомерно усложненных псевдоакадемических формулировок сниженного регистра и под. В ряде случаев использование стратегии самопрезентации комбинируется с другими коммуникативными стратегиями.

5) В группе женщин в возрасте от 17 до 24 лет более выражены внутригрупповые различия: ответы испытуемых входят в большее число кластеров. Один кластер является доминантным (ПРИЗНАНИЕ НЕЗНАНИЯ), статистические различия между остальными кластерами не представляются релевантными. Напротив, в группе мужчин в возрасте от 17 до 24 лет тренды более очевидны: есть две доминанты: кластер НЕВЕРНЫЙ ОТВЕТ / ДОГАДКА и кластер ПРИЗНАНИЕ НЕЗНАНИЯ. Другие кластеры содержат статистически незначимое количество ответов или не представлены вообще.

Старшая экспериментальная группа (мужчины и женщины в возрасте от 40 до 60 лет)

В результате статистической обработки ответов, полученных от испытуемых из старшей экспериментальной группы, выяснилось, что более взрослые испытуемые преимущественно не владеют этим фоновым знанием: в ряде случаев они признают факт НЕЗНАНИЯ ОТВЕТА на поставленный вопрос (*понятия не имею; не знаю; А что это?; Вот это я точно не помню – не имею отношения к космической сфере; К сожалению, я не знаю, в чем заключается суть проекта; Не в курсе этого проекта и др.*), в других случаях ответ основан на ДОГАДКЕ (*изучение планеты Марс; для исследования поверхности Марса; наверное, для каких-то исследований на Марсе; С целью поддержать космическую промышленность, показать, что не совсем умерла; исследование Марса и космического пространства при полете к Марсу; для исследования поверхности Марса и др.*). Межгрупповые гендерные различия при этом отсутствуют: процент ответов, отнесенных в каждую из подгрупп, не обнаруживает статистически значимых различий (НЕЗНАНИЕ ОТВЕТА: 42% в подгруппе женщин vs. 50% в подгруппе мужчин; ДОГАДКА: 29% в подгруппе женщин vs. 20% в подгруппе мужчин).

Всего в трех анкетах, полученных от женщин из этой возрастной группы, содержится правильный ответ, однако, в отличие от молодых испытуемых, женщины в возрасте 40 – 60 лет не предлагают развернутых ответов (можно предположить, что они задействовали адаптационное свойство активности и поискали ответ в интернет-источниках, но не сочли необходимым детально изложить прочитанное, ограничившись краткой выжимкой): *Чтобы найти возможную жизнь и полезные ископаемые на другой планете и рассматривать ее в будущем как объект колонизации; Это частный проект, созданный с целью осуществить первый полет к Марсу и создать первые поселения на Марсе; Проект «Марс-1» был инициирован с целью колонизации Марса.*

Всего в четырех случаях используется стратегия генерализации, позволяющая завуалировать слабую степень владения информацией: с

исследовательской (2); прогресса; для достижения конечной цели, которую мы обсуждали ранее.

Мужчины фактически не пытаются совершать ответные речевые действия, провоцирующие к продолжению разговора. В 50% случаев прямо признается факт незнания ответа, в единичных анкетах содержатся неразвернутые ответы, основанные на догадке (*найти жизнь на Марсе; судя по всему, с непонятной, т.к. последовали Марс-2, ...3 и т.д.; проект освоения соседних планет и Галактики*).

Таким образом, на основе статистического анализа и сопоставления данных по всем экспериментальным подгруппам можно предположить, что молодые люди в большей степени готовы задействовать адаптационное свойство активности. Им любопытно получить ответ и озвучить его (многие анкеты заполнялись фронтально, и молодые участники эксперимента вручную переносили дефиниции, найденные ими в Интернете, в экспериментальную анкету).

Взрослые участники эксперимента, напротив, не готовы к активной коммуникации в ситуации, когда им не хватает фоновых знаний для совершения ответного речевого действия.

Экспериментальная ситуация №3

Третья экспериментальная ситуация была представлена стимульным высказыванием *Человек разумный – вид рода Люди из семейства гоминид в отряде приматов, отличается значительной степенью развития материальной и нематериальной культуры, способностью к членораздельной речи и развитому абстрактному мышлению, содержащим ряд общенаучных и специальных терминов и требующим от адресата достаточного уровня сформированности языковой способности для совершения ответного речевого действия*. В случае если языковая способность сформирована недостаточно, коммуниканты, вероятно, будут применять различные адаптационные механизмы, чтобы сохранить свой статус участника коммуникации.

Анализ экспериментальных данных осуществлялся отдельно в каждой из экспериментальных групп, далее был проведен сопоставительный анализ на межгрупповом срезе.

Младшая экспериментальная группа (мужчины и женщины в возрасте от 17 до 24 лет)

Для анализа ответов испытуемых в возрасте от 17 до 24 лет были предложены следующие кластеры:

- ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ;
- УТОЧНЕНИЕ ИСХОДНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ;
- ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА ИСХОДНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ;
- КОММЕНТИРОВАНИЕ ИСХОДНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ (СУБЪЕКТИВНОЕ);
- САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ;
- ПРИНЯТИЕ К СВЕДЕНИЮ;
- АНАЛИЗ ИСХОДНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ;
- ОЦЕНКА АДРЕСАНТА (СМЕЩЕНИЕ ФОКУСА);
- ОЦЕНКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАК ИЗВЕСТНОГО ФАКТА;
- ОЦЕНКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАК НЕИЗВЕСТНОГО ФАКТА;
- ОТКАЗ.

В кластер ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ вошли ответы, в которых участники эксперимента соглашались со стимульным высказыванием, при этом из ответного речевого действия не очевидно, каким именно образом понято исходное определение. Иными словами, испытуемые не предлагали собственный комментарий к стимульному определению, что делает невозможной оценку характера понимания (*Хорошо; Я тоже это читала. Я с вами абсолютно согласна; Я понимаю, о чем вы говорите; Да, это верно; Да, это ключевые факторы, которые отличают нас от животных; Я поддерживаю Вашу точку зрения; Зависит, в какой ситуации прозвучит эта*

фраза. Соглашусь с высказыванием; Да; Наверное, Вы правы; Полностью с вами согласен и др.).

Кластер УТОЧНЕНИЕ ИСХОДНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ включает ответы испытуемых, в которых содержится комментарий к стимульному определению. Участники эксперимента при этом формулировали уточняющий комментарий к исходному определению, поясняя его содержание, развивая представленную в нем мысль и пр. *(Недавно был выявлен факт того, что шимпанзе обладает определенной степенью интеллекта, а люди и обезьяны происходят от общего предка; ...Что отличает его от животных; Человек разумный является представителем высшей классификации (люди); И до сих пор так точно и не известно, что послужило толчком к развитию и появлению человека разумного; Также человек – животное социальное, чьё существование невозможно без социума; Нет, человек – создание Бога, созданное по Его подобию; Человек разумный относится к подотряду человекообразных обезьян; Не существует антропологических доказательств происхождения человека от обезьяны. В теории Дарвина пропущены некоторые звенья и др.).*

В кластер ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА ИСХОДНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ объединены ответы, отражающие эмоциональные реакции испытуемых на стимульное высказывание. При этом степень понимания и логическая связь между исходным высказыванием и ответным речевым действием не является очевидной *(Интересно; Ммм, как интересно!; Очень интересно; Довольно познавательно. Не могли бы Вы рассказать мне об этом поподробнее; Очень интересный факт; Это замечательно; Очень интересно и др.).*

Отдельный кластер (КОММЕНТИРОВАНИЕ ИСХОДНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ (СУБЪЕКТИВНОЕ)) составляют ответы, в которых предлагается комментарий к исходному определению, отражающий субъективную точку зрения на его содержание. При этом собственно содержание определения не уточняется *(Именно эти признаки отличают*

данный вид от других представителей; Вы абсолютно правы, если рассматривать человека как биологическое существо. Но это не единственное верное определение...; Данная теория еще не была доказана. Но я с ней согласна; Сегодня, к сожалению, не всех людей можно отнести к этому виду; Эти вещи стоит развести. К тому же, это далеко не все наши отличия; Очень хорошо, но Ваш подход «слегка» не вариативен; Я придерживаюсь религиозной точки зрения определения людей, подобное высказывание считаю не вполне нормальным; Это вопрос и др.).

В кластер САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ вошли ответные речевые действия, в которых фокус смещается с содержания исходного определения на личность участника коммуникации (*А вы кто такой? Откуда знаете?; Человек умеет мыслить позитивно ☺; Логично; Очень рада, что Вы приблизились к моменту, когда вас можно будет назвать человеком разумным и прочли энциклопедию; Вы являетесь сторонником теории Дарвина? Вы можете представить мне промежуточный вид животного, находящегося между приматом и так называемым людей из семейства гоминид?; Очень приятно, а я Иван; Можно задам вопрос? Тогда почему мы еще на Земле?; Человек разумный – это я. ну почти всегда =D и др.).*

В некоторых случаях испытуемые выражали непонимание того, каким образом стимульное высказывание встраивается в коммуникативное взаимодействие между ними и предполагаемым собеседником. В ответных речевых действиях содержатся комментарии типа *Согласна с Вами, но зачем мне эта информация?; Я ошибся аудиторией; Спасибо, но это к чему?; С какой целью Вы мне это сообщаете?; И что?; Зачем вы мне это говорите?; И в чем собственно заключается вопрос?* и др. Как представляется, они ориентированы на то, чтобы уточнить логику коммуникативного взаимодействия с собеседником. Иными словами, для участников эксперимента такая коммуникативная ситуация представляется исключительно гипотетической, не соотносимой с их коммуникативным

опытом и не транслируемой на привычную для них межличностную коммуникацию.

В кластер ПРИНЯТИЕ К СВЕДЕНИЮ вошли ответы, в которых участники эксперимента принимают стимульную дефиницию к сведению, однако не комментируют ее (*Спасибо, буду знать; Спасибо за информацию, думаю, что она пригодится тем, кто глубоко изучается классификацию биологических видов на Земле; Понятно; Благодарю за инфу; Ясно...; Спасибо за такой подробный рассказ об отличиях homo sapiens от животных; Спасибо за информацию и др.*). Ответы, вошедшие в этот кластер, различаются разной степенью детализации и вежливости. Из них очевидно, что участники эксперимента не владеют достаточной информацией по заданной теме (по крайней мере, демонстрируют это), поэтому ответное речевое действие является шаблонным (это этикетная формула, типичная для социальной коммуникации).

Особый кластер составили ответные речевые действия, в которых содержится претензия на достаточную степень понимания стимульного высказывания участником эксперимента (АНАЛИЗ ИСХОДНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ). В ответах этой группы содержится оценка предъявленной в эксперименте дефиниции и в некоторых случаях уточняющие комментарии (*Это, по моему мнению, очень хорошо выстроенное высказывание / определение; Довольно классическое определение человека, хотя многие современные философы непременно постараются его оспорить; Очень подробное определение, спасибо; Хорошее определение, но я бы дал другое и др.*). Однако в отличие от ответов, вошедших в кластер УТОЧНЕНИЕ ИСХОДНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ, эти ответные речевые действия не включают содержательные уточнения.

В ряде случаев испытуемые склонны смещать фокус внимания с содержания сообщения на личность собеседника (*У Вас неплохие знания в области биологии. Давно Вас интересует эта тема? Вы поддерживаете точку зрения Дарвина?; Ты изучаешь биологию?; Ты очень умный, мне далеко*

до тебя и др.). Ответы этого типа вошли в кластер ОЦЕНКА АДРЕСАНТА (СМЕЩЕНИЕ ФОКУСА).

В кластеры ОЦЕНКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАК ИЗВЕСТНОГО ФАКТА и ОЦЕНКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАК НЕИЗВЕСТНОГО ФАКТА вошли ответы, в которых испытуемые констатируют, что им известна / не известна содержащаяся в стимульном высказывании информация. При этом они не уточняют характер и степень понимания исходной дефиниции, поэтому делать какие-либо выводы о степени соответствия между уровнем сформированности языковой способности коммуниканта и сложностью стимульного высказывания не представляется возможным (*Да, я проходила это в школе, на уроках биологии; Я помню, мы проходили что-то подобное на уроках биологии в школе; Я знала об этом; Это известный факт; Мне это не известно; Не знаю; Я не биолог и др.*).

Наконец, в отдельный кластер вошли отказы испытуемых формулировать ответное речевое действие (ОТКАЗ).

Результаты статистической обработки ответов, полученных от испытуемых из младшей возрастной группы, были систематизированы в. *Таблице 3.26:*

Название кластера	Количество ответов женщин в возрасте от 17 до 24 лет	Количество ответов мужчин в возрасте от 17 до 24 лет
ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ	16%	27%
УТОЧНЕНИЕ ИСХОДНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ	19%	24%
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА ИСХОДНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ	8,2%	5%
КОММЕНТИРОВАНИЕ ИСХОДНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ (СУБЪЕКТИВНОЕ)	9,4%	12%
САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ	7%	7%

ВЫСКАЗЫВАНИЕ НЕПОНИМАНИЯ	5%	8%
ПРИНЯТИЕ К СВЕДЕНИЮ	9,4%	3%
АНАЛИЗ ИСХОДНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ	5%	2%
ОЦЕНКА АДРЕСАНТА (СМЕЩЕНИЕ ФОКУСА)	2%	2%
ОЦЕНКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАК ИЗВЕСТНОГО ФАКТА	11%	-
ОЦЕНКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАК НЕИЗВЕСТНОГО ФАКТА	1%	3%
ОТКАЗ	6%	7%

Таблица 3.26. Статистическая обработка ответов испытуемых из младшей экспериментальной группы (стимульное высказывание № 3)

При анализе ответов испытуемых из младшей экспериментальной группы, полученных при предъявлении им экспериментальной ситуации №3, задействована классификация, в которой учитывались как те случаи, когда испытуемые обладали достаточном уровнем сформированности языковой способности для полноценного понимания исходного высказывания и совершения ответного речевого действия, так и те случаи, когда испытуемым для совершения ответного речевого действия не доставало уровня сформированности языковой способности и ими были задействованы различные адаптационные механизмы.

Предположительно, достаточный уровень сформированности языковой способности отражен в кластерах УТОЧНЕНИЕ ИСХОДНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ и АНАЛИЗ ИСХОДНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ, поскольку в ответах, вошедших в данные кластеры, требуется опора на содержательные составляющие стимульного высказывания. Таким образом, 24% молодых женщин и 25% молодых мужчин предложили ответы, в которых очевиден достаточно высокий уровень сформированности языковой способности (*Недавно был выявлен факт того, что шимпанзе обладает определенной степенью интеллекта, а люди и обезьяны происходят от общего предка; ...Что отличает его от животных; И до сих пор так точно и не известно,*

что послужило толчком к развитию и появлению человека разумного; Человек разумный является представителем высшей классификации (люди); Также человек – животное социальное, чьё существование невозможно без социума; Нет, человек – создание Бога, созданное по Его подобию; Человек разумный относится к подотряду человекообразных обезьян и др.). В остальных случаях характер языковой способности либо не очевиден, либо языковая способность является недостаточно сформированной для совершения ответного речевого действия, и испытуемые задействуют различные адаптационные механизмы. Следует отметить, что применение адаптационных механизмов позволяет совершить ответное речевое действие, однако при этом коммуникация совершается только на уровне обмена речевыми сообщениями, но не опосредуется когнитивным взаимодействием участников общения. Так, и мужчины, и женщины, входящие в младшую возрастную группу, в ответных речевых действиях, предлагают эмоциональную реакцию (5% и 8% соответственно), субъективный комментарий исходного определения (12% и 9%), высказывают непонимание (8% и 5%), принимают стимульную дефиницию к сведению (3% и 9%), смещают фокус с собственно сообщения на собеседника (2% и 2%). Во все перечисленные кластеры вошло сравнительно небольшое количество ответов представителей обеих гендерных групп. При этом отсутствуют выраженные (статистически значимые) межгрупповые различия.

Отдельный кластер составляют ответы испытуемых, в которых наблюдается смещение фокуса внимания с сообщения на собственную личность коммуниканта. Этот адаптационный механизм принято связывать с самопрезентацией участника коммуникации.

Самопрезентация проявляется как в виде высказываний, направленных на то, чтобы продемонстрировать степень интеллектуального развития коммуниканта через неполные (вуалирующие актуальную степень владения информацией) комментарии (*Логично; Вы являетесь сторонником теории Дарвина? Вы можете представить мне промежуточный вид животного,*

находящегося между приматом и так называемым людей из семейства гоминид?; Пропустили знак препинания), через ироничные и язвительные замечания (А вы кто такой? Откуда знаете?; Человек умеет мыслить позитивно ☺; Очень рада, что Вы приблизились к моменту, когда вас можно будет назвать человеком разумным и прочли энциклопедию; Очень приятно, а я Иван; Можно задам вопрос? Тогда почему мы еще на Земле?; Интересная тема для беседы на первом свидании, Карл), через хвалебные (часто в свой же адрес) изречения (Человек разумный – это я. ну почти всегда =D). Следует, однако, отметить, что стратегия самопрезентации реализуется только в некоторых ответах (7% ответов молодых женщин и 7% ответов молодых мужчин) и не является частотным компенсаторным механизмом.

Ряд кластеров объединяет ответные речевые действия, в которых испытуемые открыто признают непонимание исходного определения: кластер ОТКАЗ (6% ответов молодых женщин и 7% ответов молодых мужчин) и кластер ОЦЕНКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАК НЕИЗВЕСТНОГО ФАКТА (1% и 3% соответственно). В этих кластерах также не наблюдается каких-либо статистически значимых межгрупповых различий.

Наконец, еще одна группа кластеров включает ответы испытуемых, по содержанию которых невозможно оценить степень понимания стимульного высказывания участником эксперимента. Так, ответы, вошедшие в кластер ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ, не позволяют проанализировать то, насколько испытуемый понял исходное сообщение, при том, что в самом ответе содержится согласие с содержанием стимульного высказывания (16% ответов молодых женщин и 27% ответов молодых мужчин). Этот кластер объединяет большинство ответов испытуемых – очевидно, это доминантная стратегия совершения ответного речевого действия. Кроме того, именно в этом кластере наблюдаются выраженные межгрупповые различия.

Старшая экспериментальная группа (мужчины и женщины в возрасте от 40 до 60 лет)

В процессе статистической обработки и интерпретации полученных ответов оценивалась степень сформированности языковой способности, позволяющей участникам эксперимента совершать адекватные ситуации общения ответные речевые действия.

Так, мужчины из старшей возрастной группы склонны просто согласиться с этой дефиницией без какой-либо детализации (*Согласен; Соглашусь; Соглашусь с этой формулировкой* – 30% ответов). В единичных случаях высказывается несогласие: *Это не соответствует действительности*. Некоторые анкеты содержат ироничный комментарий: *Ай донт андерстенд; Хорошо, так о чем мы говорили?; ...хорошая формулировка, надо запомнить* и пр. В целом, выраженных доминант мы не обнаружили, что, вероятно, связано с малым числом аккумулярованных анкет.

Более позитивные комментарии были предложены в группе женщин в возрасте от 40 до 60 лет: *очень познавательно, вспомнила уроки биологии; очень полезная информация* (21%), но есть и единичные агрессивные комментарии типа *К чему весь этот бред?* В ряде случаев предлагается уточнение дефиниции (ср. *А также высоким развитием всех высших психических функций; Я не согласна с этим. Человек – создание Божие, не имеющее никакого отношения к животному миру в общем, и к обезьянам, в частности; Определение homo sapiens – человек разумный у меня вызывает все большее сомнение, ибо поведение людей в последнее время все больше не соответствует данному определению; Членораздельная речь и развитое абстрактное мышление покидают его в состоянии алкогольного опьянения* – 17%).

В целом в контрольной подгруппе не наблюдается единства в характере ответных речевых действий. Как представляется, участники эксперимента не смогли встроить данное высказывание в коммуникативный контекст, несмотря на то, что в задании специально оговаривалось, что это речевое действие может относиться к любому этапу коммуникативного взаимодействия. Более того, сложность стимульного высказывания не

позволила воспользоваться клишированным ответом. Вероятно, именно в связи с этими факторами ответы испытуемых старшей возрастной группы не отличаются унифицированностью.

Напротив, более молодые испытуемые отреагировали более развернутыми и соответствующими гипотетическому коммуникативному контексту репликами. Безусловно, это позволяет говорить о более высокой степени резистивности взрослых коммуникантов и их нежелании моделировать коммуникативное взаимодействие в неожиданных для них, нестереотипных контекстах.

Экспериментальная ситуация №4

Экспериментальная ситуация №4 была предложена участникам эксперимента с целью дополнительной верификации результатов, полученных при анализе ответов испытуемых на стимульное высказывание, предъявленное в экспериментальной ситуации №3.

Экспериментальная ситуация №4 также содержала дефиницию, нагруженную большим количеством общенаучных и специальных (медицинских) терминов: *Симптомы инфекционного мононуклеоза – катаральный трахеит, бронхит, мигрень, головокружения, боль в мышцах и суставах (чаще всего в результате лимфостаза), повышение температуры тела (как следствие – повышенное потоотделение)*. В отличие от стимульного высказывания №3, дефиниция, предъявленная в экспериментальной ситуации №4, содержала большее число узкоспециальных (медицинских) терминов, что несомненно затрудняет процесс понимания, поскольку лишает коммуниканта текстовых опор (термин А.А. Залевской). Так, при прочтении этого экспериментального текста некоторые испытуемые, вероятно, не смогут ориентироваться на такие элементы этого определения, как *мононуклеоз, катаральный трахеит, лимфостаз*. В связи с этим процесс понимания этого текста и выстраивание ментальной репрезентации будет

осуществляться с опорой на ограниченное количество текстовых компонентов (*инфекционный, бронхит, мигрень, головокружения, боль, повышение температуры, потоотделение*). Ограниченное количество опор вряд ли приведет к полному непониманию данной дефиниции, однако неизбежно исказит или ограничит ее понимание.

В процессе статистической обработки ответов, полученных от разных групп испытуемых, была использована классификация, включающая кластеры, в целом повторяющие группы, использованные при обработке ответов, полученных при предъявлении экспериментальной ситуации №3.

Результаты статистической обработки ответов испытуемых из младшей возрастной группы были систематизированы в *Таблицу 3.27*:

Название кластера	Количество ответов женщин в возрасте от 17 до 24 лет	Количество ответов мужчин в возрасте от 17 до 24 лет
ПРИЗНАНИЕ НЕЗНАНИЯ	9%	27%
УТОЧНЯЮЩИЕ ВОПРОСЫ / КОММЕНТАРИИ	10,5%	7%
СМЕЩЕНИЕ ФОКУСА НА СОБСТВЕННОЕ САМОЧУВСТВИЕ	13%	10%
ОБЩЕМЕДИЦИНСКИЙ КОММЕНТАРИЙ	18%	12%
ЭТИКЕТНАЯ РЕПЛИКА (ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ РАЗГОВОРА)	2%	1,5%
ПРИНЯТИЕ К СВЕДЕНИЮ	26%	19%
САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ	3,5%	3%
СМЕЩЕНИЕ ФОКУСА ВНИМАНИЯ НА СОБЕСЕДНИКА	5%	7%
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ	6%	7%
ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ	2%	1,5%
ОТКАЗ	5%	5%

Таблица 3.27. Статистическая обработка ответов испытуемых из младшей экспериментальной группы (на стимульное высказывание № 4)

По аналогии с классификацией, разработанной для обработки ответов, которые были получены при предъявлении экспериментальной ситуации №3, основанием для классификации ответов испытуемых на стимульное высказывание №4, являлось то, была ли достаточной степень сформированности языковой способности коммуниканта для полноценного понимания стимульного высказывания и совершения адекватного (с ориентацией на содержание исходного определения) ответного речевого действия.

Поскольку исходная дефиниция в этом случае содержала большее количество сложных в языковом отношении элементов (терминов латинского происхождения, многосложных слов), большинство испытуемых – мужчин в возрасте от 17 до 24 лет – в ответном речевом действии признали непонимание исходного сообщения (27 %). Таким образом, они предпочли открыто заявить о недостаточной степени сформированности собственной языковой способности и, следовательно, отказаться от дальнейшего участия в коммуникации. В этот кластер вошли ответы типа *К сожалению, я не обладаю достаточными знаниями в этой области, Обилие терминов и ничтожные медицинские знания не позволяют мне, товарищ говорящий, воспринять эту информацию. Не могли бы Вы для меня упростить все это?; Мне никогда не приходилось сталкиваться с подобным; Не знаю; Я не врач; Я теперь то же самое, но только по-русски* и др.

Напротив, сравнительно немного ответов молодых женщин вошло в этот кластер (9%), среди них *Я не сильна в медицине, Я не врач, извольте объясняться более рудиментарными терминами; К сожалению, я не могу обсудить с вами эту тему, т.к. не разбираюсь в медицине; Впервые слышу о таком заболевании; Я в этом не разбираюсь* и др.

Аналогичную функцию отказа от продолжения коммуникативного взаимодействия выполняют ответы, вошедшие в кластер ОТКАЗ. В этих

случаях участники эксперимента либо в принципе предпочитали не формулировать ответное речевое действие и ставили в соответствующей графе прочерк, либо указывали на то, что в этой коммуникативной ситуации предпочитают промолчать. Таких ответов было сравнительно немного в обеих гендерных группах, а статистически значимые межгрупповые различия отсутствовали (5% vs. 5%).

В группе женщин в возрасте от 17 до 24 лет большинство ответов вошли в кластер ПРИНЯТИЕ К СВЕДЕНИЮ (26% ответов). Речевые действия этого типа не дают возможности оценить степень понимания исходного высказывания, поскольку не содержат указания на содержательные составляющие стимульной дефиниции. Как представляется, такие ответные речевые действия представляют собой этикетные формулы, частотно реализуемые в социальной коммуникации. При этом коммуникант видит свою задачу в совершении ответного речевого действия, не предполагающего когнитивное взаимодействие. В этот кластер вошли ответы типа *Интересно*, *Спасибо, буду знать*; *Понятно*; *Интересная информация, спасибо*; *Спасибо, я учту*; *Спасибо, теперь буду знать*; *Спасибо за информацию, Приму к сведению!* и др.

Этот кластер объединяет значительное число ответов, предложенных молодыми мужчинами (19%), и является вторым после доминантного кластера ПРИЗНАНИЕ НЕЗНАНИЯ. Так же, как и в группе молодых женщин, в этот кластер вошли ответы, не позволяющие оценить степень соответствия между уровнем языковой способности испытуемых и уровнем сложности стимульного высказывания. Это этикетные формулы, ориентированные на поддержание коммуникации на вербальном уровне без осуществления когнитивного взаимодействия (*Спасибо за подробную информацию*, *Спасибо, я запомнил*; *Благодарю за полезную информацию*; *ОК. На групп похоже*; *Буду знать*; *Спасибо, буду иметь в виду* и др.).

В отдельный кластер (ЭТИКЕТНАЯ РЕПЛИКА) были объединены ответы, представляющие собой собственно этикетные комментарии, формулы

вежливости (*Не болей; Мне очень интересна медицина, продолжайте; Как любопытно, продолжайте и др.*). При том что таких ответов было крайне мало, они, в сущности, призывают собеседника к продолжению коммуникации без совершения полноценного (содержательного) ответного речевого действия (молодые женщины – 2%; молодые мужчины – 1,5%).

Вторую ступень в иерархии ответов женщин в возрасте от 17 до 24 лет занимают ответные речевые действия, вошедшие в кластер ОБЩЕМЕДИЦИНСКИЙ КОММЕНТАРИЙ (18%). Этот кластер объединил и рекомендации обратиться к врачу и сдать анализы, и описание иных симптомов мононуклеоза (как реальных, так и вымышленных), и рекомендации по профилактике этого заболевания (*Если заметить эти симптомы на начальной стадии, можно избежать тяжелых последствий и дальнейшего распространения данной болезни; При наличии хотя бы 50% вышеуказанных признаков логично было бы сдать анализы, необходимые для выявления подобного заболевания; Мононуклеоз – инфекция, имеющая действительно множество симптомов, поэтому следите за здоровьем во избежание тяжких последствий; В принципе, да. А еще нарушения сна и аппетита, «дикая» слабость; Нужно внимательно следить за своим здоровьем и отслеживать эти признаки; Каждый человек должен знать о симптомах инфекционного мононуклеоза, чтобы в случае необходимости смочь обнаружить инфекцию и вовремя обратиться за медицинской помощью; Специального метода лечения не существует, рекомендуется принимать жаропонижающие средства и ограничить физические нагрузки из-за опасности разрыва селезенки и др.*).

В группе молодых мужчин такие ответы также представлены (12%), например, *Стоит приложить все усилия, чтобы минимизировать вероятность развития данной болезни; Очень интересен тот факт, что болезнь передается воздушно-капельным путем, контактным, парентеральными путями; Однако это тяжелая болезнь. Высокая температура тяжело переносится; Предстоит от этого лечиться любыми*

возможными и доступными способами; Симптомы инфекционного мононуклеоза проявляются чаще всего у взрослых, у детей их не бывает. Их течение подобно вирусным гепатитам, поэтому иногда трудно отличить. Я мог бы рассказать про изменение показателей крови, мочи при моно-, но не вижу смысла и др.

Следует отметить, что общемедицинские комментарии, сформулированные как женщинами, так и мужчинами, являются настолько общими, что не позволяют оценить то, обладают ли участники эксперимента достаточным уровнем сформированности языковой способности для понимания дефиниции и совершения ответного речевого действия, адекватного стимульному высказыванию.

Ряд ответов испытуемых, полученных при предъявлении стимульного высказывания №4, демонстрирует, что участники социальной коммуникации могут выстраивать ответное речевое действие, ориентируясь на общий контекст коммуникации. При предъявлении стимульного высказывания медицинской тематики 13% женщин и 10% мужчин в возрасте от 17 до 24 лет предложили ответные реплики, описывающие собственное самочувствие и самочувствие других людей. Иными словами, в ответах наблюдается логическое смещение, не обусловленное исходным сообщением (*Нет, у меня нет таких симптомов; Надеюсь, что такое заболевание обойдет людей стороной; Ой, какой кошмар. Теперь мне будет казаться, что это у меня; У меня кружится голова и болят мышцы, о боже, у меня мононуклеоз; Доктор, я выживу?; У меня нет таких симптомов; И как мне вылечиться?; Надеюсь, что эта болезнь не достигнет ни меня, ни моих близких; Выражу свою радость, связанную с полным отсутствием каких-либо проблем со своим собственным здоровьем и др.*).

В отличие от экспериментальной ситуации №3, при предъявлении экспериментальной ситуации №4, испытуемые крайне редко выражали согласие с исходной дефиницией (женщины – 2%; мужчины – 1,5%) и переключались на стратегию самопрезентации (3,5% vs. 3% соответственно).

В некоторых ответах наблюдается смещение фокуса внимания на собеседника, при этом комментарии являются преимущественно комплементарными (*Вы, вероятно, работаете в области медицины; Здорово, молодец, глубокие познания в биологии и медицине, до которых мне нет дела; Вы определенно интересуетесь биологией; Поражен вашей эрудированностью в этом вопросе и количеством выданной информации; Вы хорошо информированы и др.*). Однако общее число таких ответов незначительно, а межгрупповые различия статистически нерелевантны (женщины – 5%; мужчины – 7%).

Аналогичное процентное соотношение наблюдается в кластере ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ. Ответы этого типа представлены в обеих гендерных группах, однако не являются многочисленными (женщины – 6%; мужчины – 7%): *Кошмар; Ужасные симптомы, я считаю, что если вы заметите у себя такие симптомы, вам срочно надо обратиться к врачу; Какой ужас! Пойду скорее записываться к врачу. Но подскажите, как это лечится?; Ужас!; Ужас!!; Какая комплексная болезнь!; Какой ужас и др.*

В сущности, во всех перечисленных кластерах содержатся ответы, вуалирующие реальный уровень понимания участником эксперимента исходной дефиниции. Следовательно, в абсолютном большинстве ответов, полученных в ходе проведения эксперимента с младшей экспериментальной группой, задействован адаптационный механизм, позволяющий осуществлять социальную коммуникацию без демонстрации того, насколько точно было понято исходное высказывание. Это дает основания говорить о том, что участник социальной коммуникации прежде всего ориентирован на поддержание своего статуса коммуниканта. При этом степень понимания сообщения, адресованного ему, представляется нерелевантной. Из этого следует, что коммуникация как акт социального взаимодействия реализует фатическую функцию.

Описывая этот процесс в терминах теории аутопоэза, можно сказать, что живая система прежде всего ориентирована на самосохранение и

минимизацию усилий, направленных на восстановление равновесия со средой. При недостаточном уровне сформированности языковой способности для полноценного понимания адресованного ему высказывания и совершения ответного речевого действия, адекватного этому высказыванию, адаптивной живая система стремится «завуалировать» диссонанс со средой, реализовав поверхностное речевое действие, не направленное на устранение раздражителя, а скорее, нивелирующее его значимость.

Таким образом, те стратегии, которые использовали участники эксперимента младшей возрастной группы, представляют собой адаптационные механизмы, позволяющие живой системе нейтрализовать диссонанс со средой, затратив на это минимум усилий.

Кроме того, результаты эксперимента показывают, что языковая способность – свойство, менее значимое для современного члена социума. Это также подтверждается многочисленными исследованиями деформации языковой способности современных детей и подростков (см. [Гуц 2005; Христова 2006; Динамика развития... 2010; Пищальникова, Баженова 2017; Детство... 2018] и др.).

Только 10,5% женщин и 7% мужчин младшей возрастной группы готовы устранить непонимание стимульного высказывания за счет постановки встречных (уточняющих) вопросов, например, *Где можно подхватить это заболевание?; Кто находится в группе риска?; Существуют ли еще какие-нибудь внешние симптомы проявления этой болезни?; Какие меры нужно предпринять для его лечения?; Чтобы Вы посоветовали в качестве лечения? Я читала об этом в справочнике фельдшера; Насколько опасен инфекционный мононуклеоз?; Какие способы борьбы с данным заболеванием известны современной медицине?* и др.

Ответы, вошедшие в этот кластер, дают основание говорить о том, что *активность является возможным компенсаторным механизмом в тех случаях, когда коммуникант обладает недостаточным уровнем сформированности языковой способности*, однако реализуется этот механизм

только отдельными коммуникантами (около 10% от общего числа испытуемых), т.е. не является частотным.

Таким образом, анализ ответов испытуемых из младшей возрастной группы позволяет наметить ряд трендов.

1. Столкнувшись со стимульным высказыванием, сложным в языковом отношении, 27% мужчин в возрасте от 17 до 24 лет указали на то, что они не поняли адресованную им реплику. Такой ответ позволяет вывести (устранить) раздражитель из своей среды без совершения каких-либо ответных адаптивных действий. В социальном взаимодействии такой коммуникант, скорее всего, откажется от участия в дальнейшей коммуникации. Для женщин в возрасте от 17 до 24 лет такая коммуникативная стратегия является менее типичной (9% ответов).

2. Значительное число ответов как молодых женщин, так и молодых мужчин (26% и 19% соответственно) вошло в кластер ПРИНЯТИЕ К СВЕДЕНИЮ. При этом ответы этого типа представляют собой преимущественно этикетные формулы, основная функция которых состоит в стимулировании дальнейшей дискуссии. Однако они не позволяют оценить то, насколько было понято адресованное собеседнику высказывание.

3. Эксперимент показал, что для женщин важно поддерживать коммуникацию даже в тех ситуациях, когда адресованное им высказывание не может быть полноценно ими понято. В таких случаях они склонны предлагать общемедицинский комментарий (18%). Мужчинам этот адаптационный механизм также свойственен, но в меньшей степени (12%).

4. Достаточно часто происходит смещение фокуса внимания на собственное самочувствие (женщины – 13%, мужчины – 10%).

5. Эксперимент выявил сравнительно мало случаев выражения согласия, самопрезентации, эмоциональных реакций, смещения фокуса внимания на говорящего, этикетных реплик (следует отметить, что эти адаптационные механизмы частотно применялись испытуемыми при предъявлении им иных

стимульных высказываний). При этом не наблюдалось выраженных гендерных различий.

6. В результате обработки результатов эксперимента выявлена выраженная внутригрупповая неоднородность: ответы распределяются в большое число кластеров, при этом в каждом кластере оказывается мало ответов.

7. Основные коммуникативные стратегии можно объединить в группу адаптационных механизмов, направленных на вуалирование непонимания исходного высказывания и создание поверхностной коммуникации без когнитивного взаимодействия с собеседником.

8) Только в 10,5% ответов женщин и 7% ответов мужчин задействован иной адаптационный механизм, состоящий в активности коммуниканта. Участники эксперимента задавали уточняющие вопросы / делали уточняющие комментарии с тем, чтобы более точно понять смысл адресованного им высказывания и преодолеть разрыв, возникший между уровнем сформированности языковой способности и языковой сложностью стимульного высказывания.

Старшая экспериментальная группа (мужчины и женщины в возрасте от 40 до 60 лет)

Как и в случае с стимульным высказыванием № 3, в ответах участников эксперимента из старшей возрастной группы на предъявленное им высказывание № 4 не наблюдается единства. Многие испытуемые не скрывали свое незнание и отвечали: *Не знаю; Я не врач; не владею информацией* (17% в ответах женщин vs. 30% в ответах мужчин). Было сравнительно много отказов в экспериментальных анкетах, заполненных женщинами (12,5%).

Но при этом следует отметить, что некоторые испытуемые, входящие в подгруппу женщин в возрасте от 40 до 60 лет, продемонстрировали желание развить коммуникацию и ответить таким образом, чтобы диалог имел продолжение: *Как это лечится? К чему это? Надеюсь, это не мой диагноз; Неужели все настолько серьезно?* и др.

Анализ данных этой группы фактически полностью повторяет распределение ответов участников эксперимента из контрольной группы при предъявлении им стимульного высказывания № 3.

Выводы ПО РАЗДЕЛУ 3.3.3

Третий этап экспериментального исследования был направлен на верификацию четвертой гипотезы, согласно которой *способность коммуниканта идентифицировать и использовать релевантную для конкретных условий коммуникации иерархию коммуникативных свойств обеспечивает эффективное восстановление равновесных отношений между субъектом коммуникации и средой.*

Для верификации экспериментальной гипотезы разработано задание, в котором испытуемым предложено сформулировать ответные речевые действия при предъявлении им ряда высказываний. Стимульные высказывания подобраны таким образом, что для совершения ответного речевого действия требовалась опора на одно из смоделированных коммуникативных свойств: в первом высказывании заложена двусмысленность, препятствующая однозначному пониманию (языковая способность); второе высказывание представляет собой вопрос, требующий опоры на фоновые знания при продуцировании ответного речевого действия (структурность); в третьем высказывании предложена дефиниция понятия, требующая при совершении ответного речевого действия опоры на собственные знания, – соотнесение определяемого понятия с собственным опытом (структурность); четвертое высказывание – еще одна дефиниция, содержащая значительное количество медицинских терминов и общенаучной лексики (языковая способность). Экспериментальные задания были ориентированы только на два свойства живой системы, поскольку свойство активности является присущим человеку компенсаторным механизмом и применяется коммуникантом в исследуемых условиях тогда, когда увеличение

числа речевых действий представляется единственно возможным сценарием коммуникативного поведения.

В результате анализа аккумулярованного экспериментального материала были выявлены некоторые особенности реализации адаптационных свойств субъектами коммуникации, обладающими разными возрастными и гендерными параметрами. Так, представители старшей возрастной группы преимущественно не выходят за рамки стереотипного ответного речевого действия. Они в меньшей степени задействуют активность как компенсаторным механизм в том случае, если свойства структурности и языковой способности не ориентируют в ответной коммуникации.

Напротив, молодые участники эксперимента продемонстрировали большую гибкость и способность выйти за рамки шаблонных коммуникативных ситуаций.

3.4. Особенности рекурсивного взаимодействия при диалогическом общении на иностранном языке (на основе экспериментальных данных)

Поскольку коммуникация на иностранном языке может в значительной степени отличаться от коммуникации на родном языке (особенно в условиях недостаточной степени сформированности языковой способности), был спланирован и проведен вспомогательный эксперимент, направленный на выявление особенностей такой коммуникации.

Как представляется, характер рекурсивного шага при коммуникации на иностранном языке должен определяться теми же параметрами, что и при коммуникации на родном языке: степенью сформированности языковой способности; структурностью и активностью субъекта коммуникации. Для того чтобы рассмотреть, каким образом происходит взаимодействие указанных факторов, был проведен эксперимент с участием студентов, изучающий иностранный язык (английский).

Цель эксперимента состояла в выявлении характера рекурсивного взаимодействия при диалогическом общении на иностранном языке. На основе анализа экспериментальных данных были выявлены некоторые общие и культурно обусловленные закономерности диалогической коммуникации.

Верифицируемые гипотезы

Первая экспериментальная гипотеза заключается в том, что *рекурсивность представляет собой универсальную характеристику*. При коммуникации на иностранном языке рекурсивное взаимодействие, вероятно, реализуется в той же степени, что и при коммуникации на родном языке. Следует, однако, отметить, что участвующие в этом когнитивные механизмы могут быть разными.

Вторая гипотеза состоит в том, что при *недостаточной ясности контекста или при непонимании контекста испытуемым следует ожидать смену доминирующего мотива*. Верификация этой гипотезы позволит сделать выводы относительно того, опосредуется ли социальное (вербальное) взаимодействие взаимодействием ментальных систем.

Согласно третьей гипотезе, *характер рекурсивного шага определяется предшествующим коммуникативным опытом испытуемого*. В связи с этим следует ожидать, что комментарии испытуемых к последующим высказываниям будут в значительной степени зависеть от тех ответов, которые они предложили ранее. Если стимульные высказывания соотнесены испытуемым с общими фрагментами сознания (т.е. встроены в общую ассоциативно-вербальную сеть), в своих реакциях он будет опираться на предшествующий коммуникативный опыт, а, следовательно, между его ответами можно будет установить связи. При этом даже не связанные между собой высказывания могут выстраиваться испытуемым в определенные логические цепочки.

Описание эксперимента

В эксперименте добровольно приняли участие 28 студентов 3-5 курсов Московского городского педагогического университета. Родной язык испытуемых – русский, изучаемый иностранный язык – английский.

Экспериментальный материал был отобран на форумах «Political Crossfire Forum» (<http://www.politicalcrossfire.com>) и «Politics Forum» (<http://www.politicsforum.org>). Участники этих форумов обсуждают широкий спектр политических, экономических, социальных и нравственных проблем. Любой зарегистрированный участник форума имеет право инициировать дискуссию по какой-либо теме, при этом первый комментарий (оставленный инициатором обсуждения), как правило, содержит либо статью из прессы с собственным пояснением или без него, либо представляет собой объемное высказывание по поднимаемому вопросу.

Для эксперимента были отобраны 6 текстовых фрагментов из 4 форумов: «Is Europe in the First Steps of Economic Implosion» (2 комментария, написанные одним участником дискуссии); «Terrorist Attack Kills Dozens in Moscow Subway» (2 комментария, написанные одним участником дискуссии); «Spill, Baby, Spill» (1 комментарий); «Human Rights for the Most Vulnerable» (1 комментарий). Следует отметить, что отобранные текстовые фрагменты различны по размеру; в 3 из них рассматриваются общие темы (экономическая нестабильность в Европе и проблема абортов); 3 комментария посвящены обсуждению последних событий в мире (террористические акты в московском метро и разлив нефти в Мексиканском заливе); в двух высказываниях есть прецедентные имена (Lubyanka, KGD, FSB, BP).

Экспериментальный материал был представлен в виде компьютерной презентации, в которой на отдельных слайдах демонстрировались высказывания отдельных участников форумов, вырванные из контекста. При этом два высказывания из форума «Is Europe in the First Steps of Economic Implosion» приведены последовательно (№ 1 и №2), а два высказывания из форума «Terrorist Attack Kills Dozens in Moscow Subway» были разведены (№ 3

и № 5). При предъявлении экспериментального материала была сохранена авторская орфография и пунктуация.

В тексте инструкции, который был размещен на первом слайде презентации и предварял предъявление экспериментального материала, указывалось, что испытуемым следует предложить собственные ответы на следующие комментарии. Выполнение задания занимало в среднем 20 минут, однако никакие специальные временные ограничения не накладывались: респондентам предлагалось работать в удобном для них режиме. Отсутствие жестких временных рамок в первую очередь связано с тем, что участники эксперимента работали с материалом на неродном языке, поэтому время, необходимое для прочтения предъявляемого текста и формулирования собственного ответа, могло быть различным. Для того чтобы испытуемым было комфортно работать с анкетой, эксперимент проводился в компьютерном классе, и каждый участник выполнял задание за отдельным компьютером.

Результаты эксперимента

Высказывание №3 (*A sad, senseless act, and one can only hope those responsible are caught. I hope nothing like this ever happens to the U.S. The target, the Lubyanka area, is the location of the Kremlin and the FSB (former KGB). Which means this is probably Chechens*) было наиболее корректно идентифицировано испытуемыми. Во-первых, оно содержало прецедентные имена, хорошо известные носителям русского языка и культуры, во-вторых, в контексте было эксплицировано событие, обсуждаемое на форуме: террористический акт в московском метро 29 марта 2010 г. В связи с узнаваемостью события испытуемые не столько предлагали собственный ответ на предъявленное высказывание, сколько комментировали само событие: в 36% ответов опровергались связи между местом трагедии и Чеченскими террористами; 18% испытуемых указали на необходимость найти и наказать преступников; 14% респондентов выразили сочувствие пострадавшим и отметили

недопустимость подобных действий; в 14% комментариев проводилась параллель с террористическим актом в Нью-Йорке в сентябре 2001 г.

Высказывание №5 (*Yeah, acts like this really help that cause...*) было также отобрано на форуме «Terrorist Attack Kills Dozens in Moscow Subway», при этом в оригинальном тексте оно отделено от предыдущего (№3) всего одним комментарием («Free Chechnya»). Однако при предъявлении экспериментального материала испытуемым не сообщали о связях между текстовыми фрагментами. Кроме того, высказывание №5 не содержит информации, позволяющей идентифицировать событие, в нем также нет прецедентных имен.

Видимо, в связи с указанными особенностями предъявляемого текста, ответы испытуемых представляли собой совокупность разнородных комментариев и едва ли могли быть систематизированы тематически. 64% респондентов отказались признать, что предъявленный текст показался им неясным. Их ответы представляли собой стереотипные или произвольные комментарии, не соотносимые со стимульным высказыванием. 14% испытуемых использовали указательные местоимения *this* / *these*, подчеркивая, что речь идет о каких-то известных им событиях. При этом в большинстве ответов предлагалась положительная интерпретация ситуации. Только 14% испытуемых поинтересовались, о каких действиях идет речь в предъявленном тексте, а 7% анкет содержали отказ от ответа.

Анализ результатов эксперимента показал, что испытуемые преимущественно предпочитают скрыть факт непонимания, «переключаясь» на мотив самопрезентации или предлагая стереотипные комментарии. Это говорит о том, что в коммуникации вербальное взаимодействие далеко не всегда опосредуется взаимодействием ментальным. Такое несоответствие, вероятно, связано с тем, что язык и когниция представляют собой системы, которым свойственны разные типы самоорганизации и разная степень адаптивности. Очевидно, что между данными системами существует определенная зависимость, однако их динамика не всегда коррелятивна.

Высказывание №6 было отобрано на форуме, посвященном проблеме аборт. В тексте присутствуют по крайней мере две единицы, позволяющие идентифицировать обсуждаемую тему: *promiscuity* и *recreational sex*. Кроме того, в данном комментарии несколько раз используется слово *self-control*, также позволяющее атрибутировать текст:

*It's a matter of rejecting political realism as the end all to be all. If might makes right and human action is either random or materially predetermined, then human beings can't even think such that **self-control** is an illusion (which wouldn't make sense because we'd be fooling ourselves, but that requires **self-control** in the first place).*

Acknowledgement of us being important forces in our own worlds is contingent upon appreciation of humanity. Otherwise, there's no difference between a human being and a rock because there'd be no potential for self forming actions to take place.

*An aside, Balder's argument does rely on yuck factors, but rejection of utilitarianism on the whole would be far simpler by merely abstaining from **promiscuity**. Not saying that **recreational sex** is wrong, but there has to be insurance for the worst case scenario.*

Однако в данном фрагменте также содержится много внешней информации, отвлекающей от основного содержания. Видимо, в связи с этим испытуемые в абсолютном большинстве не смогли «считать» содержание высказывания. Респондентами были вычленены некоторые единицы, которые они посчитали ключевыми: *self-control*, *humanity*, *political realism*, *utilitarianism*, поэтому все ответы, полученные в ходе эксперимента, содержали комментарии к этим единицам. Как и в предыдущем случае, коммуникация состоялась только на вербальном уровне, не опосредованная когнитивным взаимодействием.

Высказывания №1 и №2 были отобраны из одного форума (№1: *Whether all european countries will be hit by a severe recession im not sure but I know that a lot of them will face enormous financial chalenges in the future*; №2 *Sigh, someone*

from a European country forecasting how the U.S. is supposedly on the brink of irretrievable fiscal doom. How unique). Они были последовательно представлены в эксперименте с тем, чтобы дать возможность испытуемым соотнести их между собой. Однако, как показали результаты эксперимента, респонденты не установили между ними логических связей. В 50% ответов говорилось об экономической ситуации в США: испытуемые либо указывали на вероятность очередной волны экономического кризиса, либо опровергали ее. 14% комментариев носили общий характер (ср. *It seems to be controversial and arguable; Yeah, it's quite obvious* и пр.). Только один ответ в полной мере соотносился с предъявленным текстом: *Yeah, forecasting the obvious is what Europeans usually do.*

В высказывании №4 освещается событие, получившее широкую огласку в СМИ в сравнительно недавнее время: разлив нефти в Мексиканском заливе (*I feel sorry for the animals and fishermen and my wallet like sazari. But i hear BP is paying for clean-up. Summer JOB!!!!!!!!!!*). Кроме того, оно содержит прецедентное имя: *BP (British Petroleum)*. Обсуждаемое в предъявленном фрагменте форума событие было корректно идентифицировано многими участниками эксперимента. 32% испытуемых высказали озабоченность проблемами экологии и посчитали действия компании *British Petroleum* оправданными. В 7% ответов обсуждался развернувшийся вокруг катастрофы скандал и вероятность банкротства компании. Некоторые респонденты посчитали, что ключевым компонентом предъявленного текста является фрагмент *Summer JOB!!!!!!!!!!*, поэтому их ответы содержали комментарии, касающиеся перспектив работы в компании *BP* (14%) и проблемы поиска работы (7%). Два испытуемых посчитали предъявленный текст не вполне понятным. Цинизм комментария был отмечен только одним участником эксперимента: *Sounds a bit cynical on your part (about summer job, I mean).*

Выводы ПО РАЗДЕЛУ 3.4

Таким образом, анализ ответов испытуемых на предъявленные в эксперименте фрагменты форумов позволил сделать следующие выводы:

1) Подтвердилась вторая гипотеза, согласно которой испытуемые, как правило, отказываются сознаться в непонимании содержания предъявленного текста. В ответах они переключаются на новый доминирующий мотив – самопрезентацию или предлагают стереотипный комментарий. Эти стратегии были использованы респондентами в ответах на высказывания №5 и №6.

2) Не подтвердилась третья гипотеза, поскольку испытуемые не смогли установить логические связи между высказываниями, предъявленными в эксперименте. Мы ожидали, что участники эксперимента учтут информацию, полученную при прочтении высказывания №1, в ответе на высказывание №2. Кроме того, предполагалось, что респонденты установят логический связи даже между высказываниями, не соотносимыми друг с другом. Однако в полученных ответах таких параллелей не наблюдалось.

3) Объем предъявляемого текста играет важную роль при его понимании. При этом он не упрощает задачу испытуемого тем, что предлагает развернутый комментарий, а, напротив, усложняет. Анализ ответов респондентов показал, что используемая при этом стратегия заключается в отборе ключевых слов и их последующем комментировании (см. высказывание №6).

4) Сопоставление результатов эксперимента с проведенными ранее исследованиями русскоязычных форумов позволяет говорить об универсальности принципа рекурсивности. Однако, на наш взгляд, первую гипотезу необходимо верифицировать далее с опорой на эксперимент, в котором двум экспериментальным группам будут предъявлены аналогичные тексты на родном и иностранном языках и далее будет проведен сопоставительный анализ полученных результатов.

Моделирование коммуникативного взаимодействия (конструирование аутопоэтической модели коммуникации) требует проведения эксперимента (анализ транскриптов фрагментов коммуникации представляется недостаточным).

Применение интерпретативных категорий теории аутопоэза дает возможность объяснять коммуникативное поведение человека с принципиально новых позиций: участник акта коммуникации рассматривается как продукт уникального опыта, которым определяется количество и степень релевантности средовых факторов, идентифицируемых коммуникантом, а также характер собственно коммуникативного поведения (количество совершаемых речевых действий, характер этих действий, их последовательность, количество совершаемых в процессе коммуникации рекурсивных шагов и пр.).

Первый эксперимент был ориентирован на проверку того, как субъект коммуникации идентифицирует релевантные факторы в предложенных экспериментальных ситуациях и ранжирует их. Для анализа были предложены типовые ситуации (кейсы).

В результате обработки полученных экспериментальных данных было выявлено, что ранжирование в значительной степени определяется стереотипами социального поведения, сформированными у участников коммуникативного взаимодействия. Есть очевидные доминантные тренды, которые позволяют говорить о наиболее характерных принципах ранжирования средовых факторов.

Для проверки второй экспериментальной гипотезы было разработано задание, в котором испытуемым предложен ряд коммуникативных ситуаций, предполагающих ответное действие, в том числе речевое (для взаимной верификации полученных данных). В описании каждой ситуации был назван некий «раздражитель», который может вывести участника социального

взаимодействия из состояния равновесия – примеры кейсов представлены на слайде.

Проведенный анализ ответов испытуемых, полученных в ходе эксперимента, позволяет говорить о том, что наиболее выраженные различия наблюдаются на стыке экспериментальных групп. Однако внутригрупповая однородность также является сравнительно невысокой, что позволяет говорить о том, что коммуникация определяется индивидуальными характеристиками живой системы (коммуниканта).

Дополнительным подтверждением того, что характер взаимодействия часто определяют индивидуальные особенности коммуниканта, которые в теории аутопоэза называются актуальными состояниями живой системы, выступает то, что в ответах испытуемые часто указывают на субъективные факторы, которые определяют характер ответного речевого / неречевого действия (Ср. *если не в настроении...*).

В третьем эксперименте рассматривалось то, какие адаптационные механизмы задействуют коммуниканты для восстановления равновесных отношений со средой (верификация третьего этапа модели). Для этого выборке испытуемых предъявлялись экспериментальные задания, отображающие в общих чертах ситуации естественного коммуникативного взаимодействия, в которых участникам общения адресуются различные высказывания. При этом в инструкции было специально оговорено, что стимульные высказывания могут относиться к разным этапам общения: начальному (эти стимульные высказывания провоцируют собеседника, требуя ответного речевого действия, – например, *С какой целью был инициирован проект «Марс – 1»?*) или срединному / завершающему (эти стимульные высказывания могут быть информирующего типа и не требовать непосредственно ответного речевого действия – например, *Симптомы инфекционного мононуклеоза – катаральный трахеит, бронхит, мигрень, головокружения, боль в мышцах и суставах (чаще всего в результате лимфостаза), повышение температуры тела (как следствие – повышенное потоотделение)*). От испытуемого

ожидалось ответное речевое действие так, как если бы он являлся адресатом этого высказывания.

По результатам этого экспериментального этапа было выявлено, что испытуемые в целом ориентированы на использование шаблонных ответных речевых действий. При этом были идентифицированы наиболее типичные адаптационные свойства, используемые субъектами коммуникации в заданных ситуациях общения (что приводило к самопрезентации или формулированию компактного ответного речевого действия без ожидаемой детализации и пр.).

Анализ полученных в ходе проведения серии экспериментов данных показал, что принадлежность к группе определяет характер коммуникативного поведения отчасти: коммуниканты, обладающие сходными гендерными, возрастными и пр. характеристиками, вырабатывают однотипные модели коммуникативного поведения. Тем не менее, степень унификации коммуникативного поведения участников одной группы является неполной. Эксперименты показали, что в ряде случаев коммуниканты демонстрируют совершенно уникальные типы поведения – при этом групповые характеристики оказываются нерелевантными.

Следует отметить, что в более взрослых экспериментальных группах степень унификации ответов существенно выше, чем в более младших группах. Это, очевидно, связано с большим опытом коммуникативного взаимодействия в социуме, что приводит к усвоению стереотипных моделей поведения и их последующей ретрансляции.

В следующей главе представлен анализ реализованной коммуникации, зафиксированной в виде опубликованных стенограмм политических дебатов, стенограмм заседаний ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, текстов статей из различных медиаисточников, материалов Интернет-форумов. В этих и других доступных для анализа образцах коммуникация является целостным речевым событием, определяемым как завершённый акт коммуникативного взаимодействия, инициированного в

момент нарушения равновесия между живой системой (коммуникантом) и средой и завершеного в момент, когда равновесие вновь восстанавливается продуцированием произвольного количества речевых действий.

ГЛАВА 4. МОДЕЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ

В третьей главе работы представлены результаты серии психо- и социалингвистических экспериментов, направленных на верификацию основных положений динамической модели коммуникативного взаимодействия. Статистический анализ и интерпретация экспериментальных данных подтвердили целесообразность применения разработанной модели коммуникации к анализу речевого события как совокупности речевых действий, производимых в пределах одного акта коммуникации.

Для дальнейшей апробации построенной модели был разработан алгоритм анализа эмпирического материала, составляющего отдельное речевое событие. Материал для исследования отбирался таким образом, чтобы продемонстрировать возможности применения динамической модели коммуникации к анализу речевого взаимодействия участников разных речевых событий (в сфере политической, медиа-, научной и интернет-коммуникации).

С учетом этого в главе представлен анализ речевых событий, зафиксированных в опубликованных стенограммах политических дебатов (три стенограммы телевизионных политических дебатов; время звучащей речи – 4,5 часа); видеозаписей / стенограмм заседаний ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций (6 видеозаписей / стенограмм защит диссертаций на соискание ученой степени кандидата / доктора наук филологического / педагогического профиля); текстов статей из медиаисточников (более 30 статей разного объема, опубликованных в течение одного календарного месяца); материалов интернет-форумов (10 интернет-форумов, каждый из которых содержит более 30 реплик).

В этих и других доступных для анализа образцах коммуникации реализуется процесс постоянной взаимной адаптации субъекта коммуникации (живой системы) и среды, в основе которой лежит рекурсивный принцип.

Исходя из этого коммуникация является целостным речевым событием, рассматриваемым как завершённый акт коммуникативного взаимодействия, инициированным в момент нарушения равновесия между субъектом коммуникации (живой системой) и средой и завершённым, когда равновесие вновь восстанавливается.

Таким образом, в каждом из разделов четвертой главы представлен фрагмент анализа коммуникативного взаимодействия с учетом центральной роли субъекта коммуникации, характеристики среды которого определяются его структурными свойствами.

Разработанный алгоритм работы с эмпирическим материалом позволяет акцентировать континуальность коммуникации и моделировать коммуникативное взаимодействие как динамический процесс.

4.1. Общий алгоритм анализа речевого события

При методологической адаптации ключевых положений теории аутопоэза к исследованию социального, а не биологического коммуникативного взаимодействия в центре внимания оказывается социальный субъект как структурно сложная, гибкая и адаптивная система. Успешное функционирование её в социальном пространстве обеспечивается адаптационными свойствами этой системы.

В социальном пространстве индивидом выстраивает собственную нишу, или среду, характеристики которой определяются актуальным соотношением структурных свойств коммуниканта. Иными словами, субъект коммуникации осознанно или неосознанно включает в свою среду только те факторы, которые актуальны для текущего коммуникативного взаимодействия. Разные иерархии факторов, на которые реагирует субъект коммуникации, особенно очевидны при сравнении коммуникативного поведения ребенка и взрослого в однотипном социальном контексте; так, они по-разному выстраивают свое коммуникативное пространство в общественном транспорте: для ребенка это активная и креативная деятельность, возможность увидеть что-то

захватывающее за окном, лишний раз нажать на кнопку открытия дверей, а для взрослого – прагматический способ добраться до пункта назначения; младенец в силу физиологических ограничений (лежит на спине, смотрит на все под иным углом зрения, зрительный нерв пока не разработан и пр.) иначе воспринимает пространство комнаты, нежели взрослый, и под. Такие контрастные примеры, в которых описываются живые системы с принципиально разным уровнем сложности структуры, являются наиболее показательными, однако даже системы, вполне соотносимые по своим социальным, возрастным и гендерным параметрам, далеко не всегда выстраивают однопорядковые среды. Более того, одна и та же живая система может иначе выстраивать коммуникативное взаимодействие в зависимости от актуального на момент осуществления коммуникации соотношения ее структурных свойств (требование учета актуального состояния живой системы, например, при проведении психолингвистического эксперимента описано в ряде работ – например, [Трофимова 2004, Пищальникова 2019; 2020a]): время суток, физиологическое состояние, социальный контекст определяют характер коммуникативного взаимодействия, увеличивают или, наоборот, сокращают число значимых для субъекта коммуникации средовых факторов.

С учетом вышесказанного алгоритм анализа речевого события выстраивается следующим образом.

На первом этапе анализа осуществляется (насколько это возможно) идентификация субъекта социальной коммуникации, определяются его структурные характеристики и возможные их иерархии. Если доступна информация о возрасте, гендере, этнической принадлежности и др. социокультурных параметрах, степени сформированности языковой способности, коммуникативном опыте и пр. индивидуальных характеристиках, ее необходимо включить в анализ для определения начального звена коммуникации, которое мы называем точкой рекурсивности. В работе точка рекурсивности определяется как отправной момент

коммуникативного взаимодействия, актуальное соотношение структурных свойств субъекта коммуникации. В случае со стенограммами заседаний ученых советов по защите диссертаций разного уровня эта информация в целом доступна: в стенограмме содержится преамбула с информацией о соискателе ученой степени; кроме того, контекст академической коммуникации позволяет говорить об определенных характеристиках субъекта: примерном возрасте, уровне образования, характере профессиональной деятельности и пр. Однако при рассмотрении интернет-коммуникации такие сведения доступны в меньшей степени, и даже та информация, которая предоставляется участником интернет-взаимодействия, не является гарантированно истинной, что связано с возможностью создания нового, не соответствующего реальности имиджа в сетевой коммуникации.

Точка рекурсивности позволяет задать вектор коммуникативного взаимодействия, определить, как будет происходить адаптация субъекта коммуникации с целью восстановления равновесия между ним и средой.

На втором этапе анализа осуществляется идентификация и иерархизация релевантных для субъекта коммуникации средовых факторов. Как следует из центральных постулатов теории аутопозза, релевантность средовых факторов определяется субъектом коммуникации исходя из актуального соотношения его структурных свойств. В связи с этим можно утверждать, что один и тот же индивид в разных коммуникативных контекстах может ориентироваться на разное количество средовых факторов и приписывать этим факторам разную значимость. А это, в свою очередь, определяет характер рекурсивных шагов, совершаемых коммуникантом в пределах одного речевого события. Так, возможно осуществление большего числа речевых действий в пределах одного рекурсивного шага или, напротив, рекурсивный шаг может соответствовать всего одному речевому действию.

Количество речевых и неречевых действий в пределах одного рекурсивного шага вариативно, и, следовательно, количественно-

качественный анализ линейных речевых действий в пределах одного рекурсивного шага составляет отдельный этап анализа.

Результаты анализа эмпирического материала с опорой на указанный алгоритм позволяют моделировать рекурсивные шаги, осуществляемые одним либо несколькими субъектами. За счет этого возможно воссоздать общую динамику коммуникативного взаимодействия, что порождает и прогностическую перспективу анализа: возможность выстраивать алгоритм дальнейшей коммуникации между изучаемыми субъектами.

Представленная схема анализа эмпирического материала согласуется с разработанной динамической моделью коммуникации и коррелирует с результатами экспериментальной части исследования. С некоторыми вариациями, определяемыми характером анализируемого материала, она была применена к образцам речевых событий разной направленности (политической, медиа-, научной и интернет-коммуникации). Примеры анализа представлены в соответствующих разделах 4 главы.

4.2. Анализ динамики коммуникативного взаимодействия участников политических дебатов

На первом этапе апробации алгоритма анализа речевого события обработаны образцы политической коммуникации: рассмотрены политические теледебаты, участниками которых, как правило, являются известными политическими и общественными деятелями (видеозаписи и стенограммы телевизионных политических дебатов «К барьеру!»: *Выпуск 179*. – Дуэлянты: Н. Аширов, А. Дугин. – Выход в эфир: 22 мая 2008 г. и *Выпуск 139*. – Дуэлянты: Б. Немцов, К. Затулин. – Выход в эфир: 5 апреля 2007 г. и телевизионных политических дебатов «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым». – Участники: В. Жириновский, М. Симоньян, С. Багдасаров,

Я. Кедми, А. Безруков, Д. Евстафьев. – Выход в эфир: 14 июня 2021 г.). Приведенные выпуски были проанализированы полностью, чтобы продемонстрировать возможности применения исследовательского алгоритма, однако на разных этапах работы были задействованы материалы и других выпусков указанных телепередач, а также видеоматериалы однотипных телепередач (например, политические теледебаты «Поединок» и предвыборные дебаты кандидатов в президенты во время предвыборной кампании 2018 г.).

В соответствии с прописанным в разделе 4.1. алгоритмом обработки эмпирического материала, анализ коммуникативного взаимодействия участников политических дебатов начинается с определения отправного момента коммуникативного взаимодействия – точки рекурсивности. Определение точки рекурсивности предполагает идентификацию субъекта коммуникации, определение его структурных характеристик. Как отмечалось выше, в случае с политическими дебатами эта информация известна, аффилиация, политические убеждения, социальные параметры и др. характеристики акцентированы в информационных сводках, сопровождающих многие передачи. (Так, в «Воскресном вечере...» используются наложенные на видеоряд текстовые комментарии типа *Владимир Жириновский, председатель ЛДПР; Маргарита Симоньян, главный редактор телеканала RT и МИА Россия сегодня; Семён Багдасаров, директор Центра изучения стран Ближнего Востока и Центральной Азии* и т.д.

Представляется, что при таком взаимодействии рекурсивные шаги не осуществляются, поскольку резистивная система не адаптируется в среде и, следовательно, не эволюционирует. Это, однако, может способствовать усложнению другой когнитивной системы: действия резистивной системы в определенной степени нарушают ожидания другого коммуниканта и поэтому требуют постоянной адаптации в изменяющейся среде.

В программе «К барьеру!» дается преамбула, в которой дуэлянты озвучивают позицию оппонента: «Б. НЕМЦОВ: *России выгодны нормальные,*

добрососедские отношения с Украиной. Я вызываю Константина Затулина, который своими неумными, провокационными заявлениями создает проблемы между нашими странами и ссорит наши народы. В конце концов, надо оставить украинцев в покое. Пусть они сами разбираются. А мы займемся нашими российскими проблемами; К. ЗАТУЛИН: *Я принимаю вызов такого умного Бориса Немцова, который в 2004 году стоял на Майдане, а теперь утверждает, что...).*

При этом точка рекурсивности очевидно задается мотивом коммуниканта, акцентирующим исходную установку индивида, вступающего в межличностную коммуникацию (см. в этой связи: [Попова 2020]). Следовательно, протекание рекурсивного взаимодействия и его эффективность в значительной степени зависят от характера экспликации точки рекурсивности и степени соответствия между нею и мотивом коммуниканта. Если мотив коррелирует с целью коммуникации, точка рекурсивности может задаваться анонсированной целью. Следует, однако, отметить, что связь между точкой рекурсивности и целью коммуникации вовсе не очевидна, поскольку за целью, известной всем участникам общения, могут стоять различные мотивы: самопрезентации, доказательства вины, конструктивного диалога и др. При таком рассогласовании мотивов собеседники могут постоянно отступать от эксплицированной цели коммуникации.

Это дает основание предположить, что в зависимости от характера коммуникации и мотивов ее участников точка рекурсивности может быть завуалирована или эксплицирована. Так, в случае публичных политических теледебатов цель коммуникации, как правило, сформулирована заранее: если мотив коммуниканта соответствует этой цели, точка рекурсивности может быть определена; если мотив и цель коммуникации не согласуются, определение точки рекурсивности становится невозможным (или является ошибочным). Рассмотрим примеры из видеозаписей:

А. ДУГИН: ...Н. Аширов по-своему предложил решить национальную проблему в России... надо создать этнические гетто в городах... С моей точки зрения, это создаст катастрофическую ситуацию, и приведет к усилению межнациональной и межрелигиозной розни...

Н. АШИРОВ: общеизвестно, что на улицах российских городов... каждый день гибнут люди только за то, что у них другой цвет глаз и цвет кожи... в стране, победившей фашизм, это непозволительно... проблема сегодня не решается... я считаю, что только раздельное проживание может спасти их жизни и безопасность обеспечить... я прочитал несколько Ваших статей, в которых излагается мысль о том, что в России народы не должны иметь одинаковый статус... русскому народу нужно придать государствообразующий статус, а все остальные народы как бы становятся людьми второго сорта...

Исходя из вербальной информации, точки рекурсивности коммуникантов определены с разной степенью детализации. Н. Аширов эксплицирует собственную позицию и определяет поле известной ему информации об исходной базе собеседника; с опорой на эту информацию, очевидно, планируется дальнейшая коммуникация. А. Дугин исходит из точки зрения оппонента, обозначая только противоположность своей позиции. Следует отметить, что подобная «диффузность» точки рекурсивности открывает возможности для дальнейшего маневрирования в выстраивании коммуникативного поведения, поскольку она не проявляет мотив коммуниканта.

Аналогичным образом выстроено начало дуэли между Б. Немцовым и К. Затулиным: участники объясняют свои мотивы участия в схватке, задают контекст общения, демонстрируют степень владения информацией об оппоненте (см. фрагменты выше).

С другой стороны, неопределенность точки рекурсивности может возникнуть случайно вследствие характера организации человека как живой системы (человек не обладает нужной информацией по дискутируемой проблеме; не имеет достаточного опыта участия в политических и иных дискуссиях и пр.) обладает низким уровнем организации. Такая система

резистивна: как правило, является более устойчивой и менее гибкой, и адаптация при рекурсивном взаимодействии ей свойственна в малой степени.

Возможны особые форматы коммуникации, когда в силу заданной её структуры точка рекурсивности задается принципиально иначе. Так, если диспутанты изначально не выступают в роли оппонентов, каждый задает точку рекурсивности в начале своего выступления. При этом коммуниканты, вступающие в общение позже, ориентируются на высказанные ранее мнения:

«В. ЖИРИНОВСКИЙ: События, которые произошли в Афганистане... они подводят черту под возможностью насильно навязывать свои принципы, свою идеологию в любой точке земного шара. Сегодня это уже невозможно. Поэтому будущее за тем, чтобы все армии ушли восвояси... Нам придется признать правительство Талибов... позже всех, но признаем...

М. СИМОНЬЯН: Рассуждать, что будет сейчас в Афганистане при Талибанах можно, но довольно бесперспективно. Можно повспоминать, что было при Талибанах тогда...

Я. КЕДМИ: ...все в восторге по поводу того, как сегодня и что говорят руководители Талибана... мне немножко напоминает Иран 1979 года...».

Таким образом, определение точки рекурсивности позволяет зафиксировать отправной момент коммуникативного взаимодействия. Далее исследователь может последовательно моделировать рекурсивные шаги, происходящие в процессе коммуникации, и соотносить полученные на каждом этапе данные с той информацией, которая была получена при определении точки рекурсивности. Отсюда становится возможным обнаружить и описать структурные изменения участников коммуникации как живых систем.

В ряде фрагментов коммуникативного взаимодействия между А. Дугиным и Н. Ашировым можно проследить, что коммуниканты готовы к конструктивному диалогу, что означает их способность задействовать адаптационные механизмы в

Н. АШИРОВ: *Мне кажется, что именно ваши мысли сегодня, к сожалению, подогревают те националистические сегодня истерики, от которой страдают многие люди в Российской Федерации, которые являются коренными ее жителями, будь то чеченцы, дагестанцы, татары, башкиры и другие. Вы делите людей на какие-то кастовые различия.*

А. ДУГИН: *Никого никак не делю. Я просто, я более того, мои идеи это борьба с расизмом.*

Н. АШИРОВ: *Зачем тогда помимо того, что декларирует конституция Российской Федерации, зачем тогда выдумывать новые какие-то конструкции для существования граждан нашей страны.*

А. ДУГИН: *Я не предлагаю никаких конструкций, я предлагаю назвать вещи своими именами. Ту роль, которую русский народ сыграл в нашей истории, в организации нашего общества ... вот и все.*

Н. АШИРОВ: *Никто этого не отрицает.*

ВЕДУЩИЙ: *Вернемся все-таки к теме.*

А. ДУГИН: *Пожалуйста, да, на самом деле...*

Н. АШИРОВ: *Этого никто не отрицает, понимаете, но реалии сегодняшнего дня*

А. ДУГИН: *Почему вы же предлагаете, господин Аширов, вы предлагаете разделить наш народ, особенно города, самое опасное, на зоны этнического расселения мигрантов, в то время когда это унижает, на мой взгляд, людей ...*

Анализ вербального контекста позволяет говорить о том, что в речи Н. Аширова реализуется **мотив доказательства вины**. Поскольку именно А. Дугин инициировал «дуэль», он, очевидно, не был готов оказаться в позиции обвиняемого, поэтому его ответы на отчасти провокационные вопросы оппонента звучат агрессивно (*Никого никак не делю; вот и все*) и неубедительно (*Я просто, я более того, мои идеи*). Как только ведущий предлагает отказаться от этой линии (*Вернемся все-таки к теме*), А. Дугин немедленно использует эту возможность (*Пожалуйста, да, на самом деле...*) и, не позволяя оппоненту продолжить заданное направление дискуссии (*Этого никто не отрицает, понимаете, но реалии сегодняшнего дня*), задает свой вопрос. А. Дугин возвращается в точку рекурсивности: его следующий вопрос никак не коррелирует с ранее проведенной серией вопросов и ответов.

В сущности, он выстраивает свою позицию «с нуля», и у него снова появляется возможность реализовать существенный для него **мотив доказательства вины**. В свою очередь, Н. Аширов демонстрирует большую степень адаптивности: отвечая на поставленный вопрос, он мгновенно принимает новое направление дискуссии (*Извините меня, сегодня наши города уже разделены по кастам...*), что обнаруживает большую гибкость этого коммуниканта и готовность его к структурным перестройкам для обеспечения более высокой степени согласования со средой.

Анализ следующих этапов коммуникации подтверждает то, что один из коммуникантов (А. Дугин) представляет собой резистивную систему, которой значительно меньше свойственна адаптация:

А. ДУГИН: *Никого никак не делю. Я просто, я более того, мои идеи это борьба с расизмом.*

Н. АШИРОВ: *Зачем тогда помимо того, что декларирует конституция Российской Федерации, зачем тогда выдумывать новые какие-то конструкции для существования граждан нашей страны.*

А. ДУГИН: *Я не предлагаю никаких конструкций, я предлагаю назвать вещи своими именами. Ту роль, которую русский народ сыграл в нашей истории, в организации нашего общества ... вот и все.*

Н. АШИРОВ: *Никто этого не отрицает.*

ВЕДУЩИЙ: *Вернемся все-таки к теме.*

А. ДУГИН: *А если, господин Аширов, еще примешал к этому преступлению идею расовой ненависти или собственного превосходства, он должен тройне осужден быть. Потому что нацизм разрушает наше общество.*

Н. АШИРОВ: *Правильно. Вот в этом случае, когда закон будет реально работать в отношении тех сил, которые сегодня раскачивают лодку Российской Федерации и хотят разделить народ по анклавам действительно, вот они хотят разделить нас по анклавам.*

В этом фрагменте Н. Аширов указывает на невозможность решения обсуждаемой проблемы в рамках существующего законодательства, поскольку закон не работает «в отношении тех сил, которые... хотят разделить народ по анклавам». Ранее в дискуссии отмечалось, что «есть определённые лица, определённые слои в нашем обществе, которые хотят раскачать нашу общую лодку... что... она хорошо будет плыть, если выкинуть татарина,

чеченца, дагестанца» (Н. АШИРОВ). При этом сам коммуникант, исходя из предложенной аргументации, не поддерживает подобную стратификацию – речь идет исключительно о раздельном проживании без ущемления какого-либо из народов в правах: Н. АШИРОВ: *Сегодня есть комплексы жилые... закрытого типа, которые имеют всю свою инфраструктуру для богатых людей. И простая русская учительница, которая сегодня не может оплатить свою квартиру и купить себе хлеб с маслом и с молоком никогда не попадёт в этот анклав, который вы называете гетто. Гетто сегодня для богатых людей существует. Раз сегодня национальное меньшинство, не обеспечена их безопасность, что же им делать тогда?*

В своем комментарии А. Дугин, вероятно, исходит из того, что в обоих случаях Н. Аширов использует термин «анклав» (*вы же и предлагаете разделить; вы выступаете против разделения на анклавы и сами защищаете*). В этом фрагменте коммуникации речевое взаимодействие осуществляется: речевые действия объединены формальными связями и выстраиваются в единый акт коммуникации. Однако оно не опосредуется когнитивным взаимодействием: по крайней мере один из коммуникантов не способен в полной мере учитывать речевую деятельность собеседника как средовой фактор. Это следствие того, что язык и когниция представляют собой системы, которым свойственны разные типы самоорганизации и разная степень адаптивности. Очевидно, что между данными системами наблюдается зависимость, однако их динамика не всегда коррелятивна.

Таким образом, **характер рекурсивного шага определяется иерархически организованной совокупностью адаптационных свойств взаимодействующих индивидов и их мотивами.** На протяжении рекурсивного взаимодействия субъекты коммуникации по очереди осуществляют речевые действия, определенная совокупность которых в конечном итоге приводит к реализации рекурсивного шага. Именно осуществление коммуникантом конкретного рекурсивного шага дает основание говорить об адаптации участника коммуникативного

взаимодействия в конструируемой им среде и достижении эмерджентного равновесия.

В ряде случаев адаптация может предполагать и некоторое упрощение структуры с тем, чтобы «подстроиться» под более простую живую систему и обеспечить эффективное взаимодействие. Такой рекурсивный шаг является **регрессивным** (в отличие от прогрессивного шага, предполагающего усложнение системы). Так, в следующем фрагменте после безуспешной попытки сохранить формат конструктивного диалога Н. Аширов «подстраивается» под дискуссионный тренд, заданный оппонентом и ведущим:

А. ДУГИН: Вы предлагаете всех расселить.

Н. АШИРОВ: Ну, не надо передергивать слова. Я сказал, что нужно тем людям, которые не защищены от произвола тех людей, которые сегодня кроют черепа людям на улицах. Независимо. Кстати, вы тоже можете под этот разряд попасть. Вы тоже, как в свое время выразился Rogozin, "я тоже не голубоглазый блондин". Его дети тоже могут под это попасть, хотя он русский. Тут мы не разделяем, русский – не русский. Вы понимаете?

А. ДУГИН: Если он не голубоглазый блондин, ну, я-то уж совсем.

ВЕДУЩИЙ: То как раз голубоглазый блондин.

А. ДУГИН: Приблизительно.

ВЕДУЩИЙ: А Дугин-то голубоглазый блондин, да, неудачно.

Н. АШИРОВ: С ваххабитом элементарно перепутать.

В тех случаях, когда один из коммуникантов представляет собой резистивную систему, которой в меньшей степени свойственна адаптация, коммуникация может носить **циклический** характер. На протяжении речевого события такой коммуникант опирается исключительно на формальные компоненты среды (например, реагируя на отдельные слова, услышанные в высказывании собеседника, или на реакцию присутствующей в зале аудитории и пр.), однако, как правило, не выстраивает сложные иерархии средовых факторов. Каждое последующее речевое действие коммуниканта в этом случае не приводит к усложнению коммуникации, и он всякий раз возвращается в точку рекурсивности.

В анализируемой стенограмме циклические рекурсивные шаги частотно совершаются А. Дугиным:

Н. АШИРОВ: ...за 4 месяца текущего года убито 70 человек. 126 человек искалечено. И это в мирное время.

А. ДУГИН: Чрезвычайно важно. А сколько в автомобильных катастрофах, а сколько самоубийств?

ВЕДУЩИЙ: 32 тысячи.

СЕКУНДАНТ: Извините меня, причем здесь автомобили или катастрофы.

А. ДУГИН: У нас огромные социальные проблемы. Столкновения... вот смотрите, между странами.

Коммуникант не акцентирует и не аргументирует свою позицию, противопоставленную точке зрения Н. Аширова, в процессе коммуникации фактически не внося ни одного конструктивного предложения. Для подтверждения этого тезиса мы выбрали приемом сплошной выборки комментарии А. Дугина и выстроили их в порядке следования (приведен фрагмент третьей «схватки»):

А. ДУГИН: И не будет русских.

А. ДУГИН: ... гетто.

А. ДУГИН: Это экономическая проблема тогда.

А. ДУГИН: Ну новые русские не могут подражаться между собой.

А. ДУГИН: Есть и обратная сторона.

А. ДУГИН: Кровь стынет в жилах.

А. ДУГИН: Наличие таких анклавов, которые действительно возникают сейчас, к сожалению. Господин Аширов говорит не только о будущем. Он говорит о том, что уже складывается на наших глазах.

А. ДУГИН: И что является самым серьезным источником межнациональных трений.

Следует отметить, что в этой части телепередачи общее количество реплик А. Дугина составляет 19 высказываний (ср.: у Н. Аширова – 68; у ведущего – 75), из которых только две являются объемными (больше 30 слов).

Таким образом, анализ стенограммы телепередачи «К барьеру!» показал, что вступающие в коммуникацию индивиды могут представлять собой разные типы самоорганизующихся систем. Подобное несовпадение

приводит к определенным сбоям социального взаимодействия: коммуникант не распознает или не учитывает речевое действие собеседника, переключаясь в ответе на собственный доминирующий мотив. В таких случаях речевое взаимодействие коммуникантов не опосредуется когнитивным взаимодействием, а, следовательно, рекурсивность утрачивается, а сама коммуникация становится неэффективной.

Предложенный алгоритм анализа коммуникативного взаимодействия в значительной степени отличается от подходов, разрабатываемых в лингвистической науке, поскольку основывается на иной методологической базе: в нем имеется опора на дискретные единицы, однако также находит отражение *имманентная континуальность, свойственная коммуникативному взаимодействию как динамическому феномену*. Дальнейшее уточнение предложенной модели возможно при её применении к анализу других видов социальной коммуникации, поскольку это позволит точнее определить роль некоторых из включенных в нее факторов, а также выявить универсальные и частные характеристики рекурсивности.

4.3. Анализ динамики коммуникативного взаимодействия участников интернет-общения

Коммуникацию в интернет-пространстве следует отнести к особому типу коммуникативного взаимодействия в силу ряда особенностей этого общения: во-первых, участники коммуникации в интернете имеют возможность выстраивать собственную идентичность, скрывая ту информацию, которая, как им кажется, делает их непривлекательными в глазах других участников общения, и, наоборот, выпячивая те сведения, которые повышают их статус; во-вторых, выстраивая коммуникативное поведение, участники интернет-общения могут использовать разные

технические возможности интернет-платформы: возможность выстраивания цепочек из высказываний и маркирования тех реплик, к которым относится ответ; возможность использования гиперссылок; возможность выбора определения круга собеседников и исключение из общения тех коммуникантов, с которыми по каким-либо причинам общение видится бесперспективным, и пр.; в-третьих, коммуникативное поведение участников интернет-коммуникации имеет особую специфику в силу дистантности и анонимности такого взаимодействия: коммуниканты позволяют себе высказываться более агрессивно, ведут себя иначе, нежели при фронтальном общении. Эти и другие особенности интернет-общения требуют разработки особых инструментов анализа, поскольку традиционные приемы изучения коммуникации речевой деятельности человека оказываются не вполне подходящими и нуждаются в адаптации.

В связи с этим мы полагаем, что алгоритм, разработанный на основе предлагаемой автором динамической модели коммуникации, может оказаться более действенным инструментом анализа такого взаимодействия.

Для проведения исследования были отобраны форумы на сайтах www.usmessageboard.com, www.politicsforum.org, www.debatepolitics.com и некоторых др. Основными критериями отбора форумов являются следующие: (1) тематика форумов непосредственно или опосредованно связана с актуальными политическими вопросами; (2) форум включает не менее 30 последовательных комментариев участников; (3) при первичном наблюдении за составом участников на форуме можно выделить наиболее активных из них; (4) комментарии участников различаются по объему.

Анализ коммуникативного взаимодействия на подобранных для анализа интернет-форумах осуществлялся с опорой на алгоритм анализа, представленный в разделе 4.1.:

- на первом этапе проводился структурный анализ аккумулярованных образцов интернет-коммуникации;

- на втором этапе были проанализированы адаптационные свойства участников интернет-общения;
- на третьем этапе были рассмотрены последовательно связанные речевые действия участников интернет-общения и систематизированы вербальные маркеры адаптационных свойств, задействованных участниками такого общения, в том числе активности, структурности и языковой способности.

Результаты анализа представлены в ряде работ [Карданова-Бирюкова 2013; 2016] В качестве примера в диссертационном исследовании представлена процедура анализа первых тридцати реплик форума “White House official mocked John McCain's cancer diagnosis”).

Первый этап обработки эмпирического материала состоял в выстраивании структуры данного речевого события, представляющего собой реализованный в интернет-пространстве коммуникативный акт. В результате проведенного анализа было выявлено, что в данном речевом событии было задействовано всего двенадцать участников. Учитывая дистантный формат коммуникативного взаимодействия, участники общения не видят необходимости афишировать свои имена: вымышленными никами пользуется более 80% коммуникантов (ср. *bodecea*, *HereWeGoAgain*, *Initforme* и др.). Узнаваемые имена собственные использованы единичными участниками, однако, нет уверенности в том, что это актуальные имена этих людей: *Jake Starkey*, *Leol23*. На форуме представлены сведения о времени участия каждого коммуниканта в дискуссиях а этой интернет-платформе: это сообществу существует сравнительно долго (примерно с 2011 года), что позволяет считать, что участники общения сравнительно хорошо знакомы (по крайней мере дистантно).

Наивысший показатель активность демонстрирует участник интернет-общения по имени *Darkfury* (возможно это связано с тем, что он является модератором форума). Его активность не константна: сперва он размещает

комментарии на форуме через каждые пять-шесть высказываний (судя по хронометражу форума, это происходит раз в несколько часов), позже его активность растет, и он начинает реагировать на каждое второе / третье высказывание.

В результате структурного анализа этого интернет-форума было выявлено, что коммуникативное взаимодействие развивается нелинейно: используя предоставляемые интернет-платформой технические возможности, участники коммуникации маркируют связи между высказываниями, что позволяет им отвечать на любой опубликованный ранее комментарий. При этом на инициальный комментарий дано семь ответов, все остальные реплики относятся к последующим высказываниям. Логика развития коммуникативного взаимодействия была представлена в виде схемы – см. *Схема 4.1:*

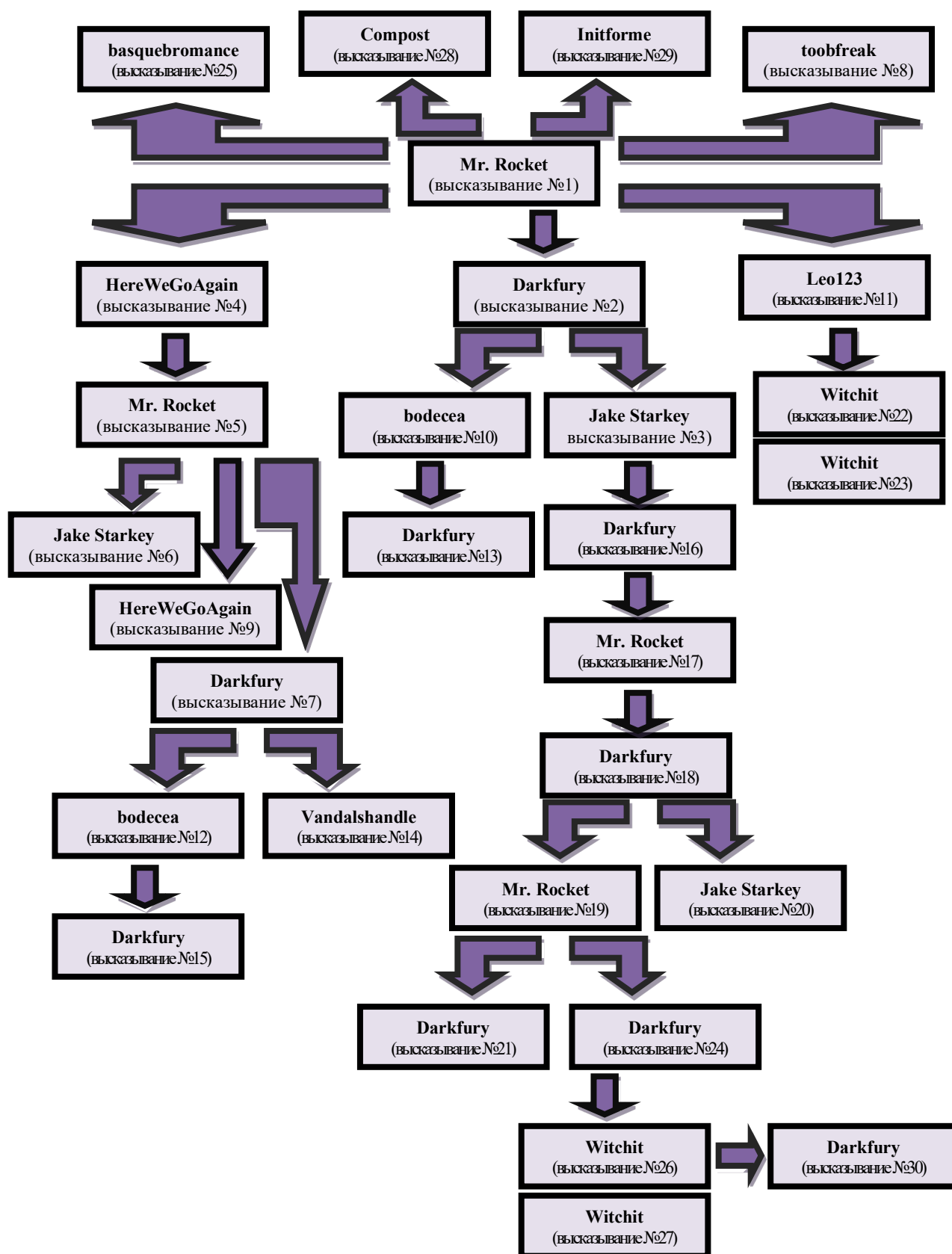

Схема 4.1. Нелинейное развитие коммуникативного взаимодействия на форуме “White House official mocked John McCain's cancer diagnosis”

В результате структурного анализа было выявлено, что в анализируемом образце коммуникативного взаимодействия фактически отсутствует линейность: линейно выстроены только три последовательности, в которых каждое последующее высказывание является ответом на предыдущую реплику: №1 – №2 – №3; №4 – №5 – №6; №16 – №17 – №18 – №19, в остальных случаях линейность отсутствует. Активность коммуникантов также не одинакова: *Darkfury* (девять комментариев из 30) vs *Vandalshandle*, *Compost* (по одному комментарию).

Аналогичным образом выстраивались схемы, отражающие нелинейность коммуникативного взаимодействия, при работе с другими форумами:

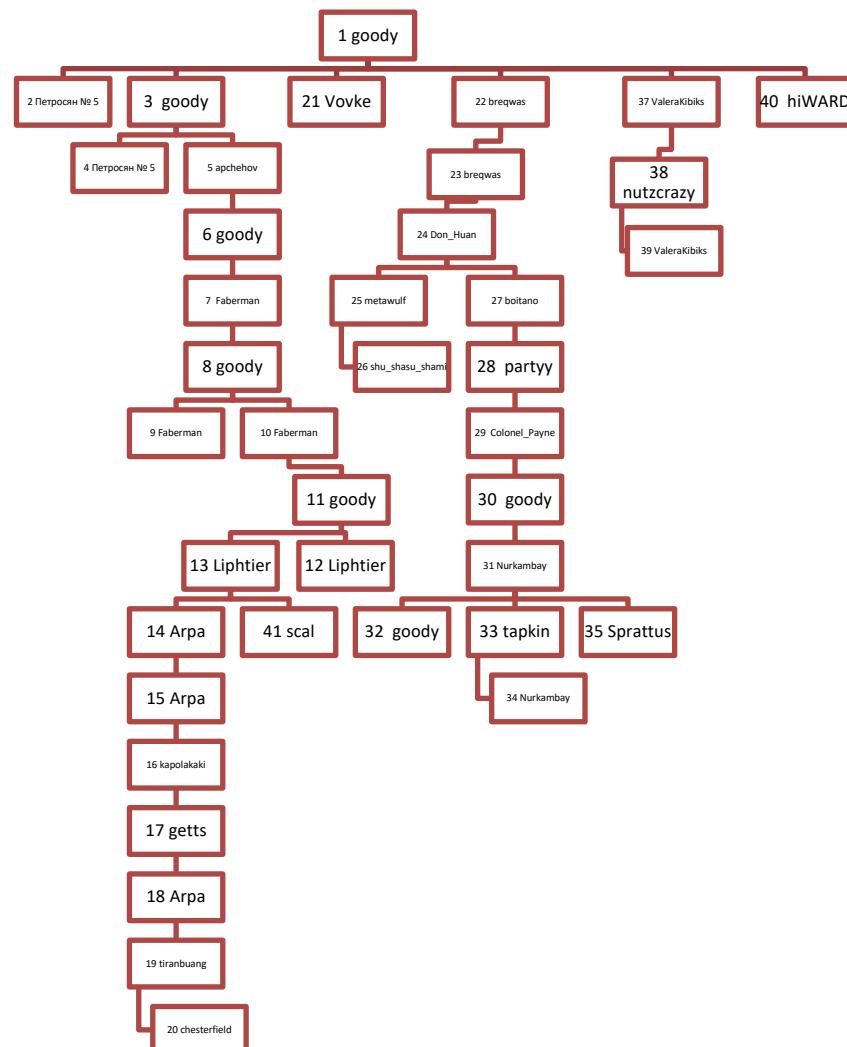

Схема 4.2. Схема нелинейного развития коммуникации на тематическом форуме политической направленности

Далее была проанализирована степень активности участников форума: так, 41 комментарий, которые вошли в этот форум, были предложены 24 участниками интернет-общения. Самый активный коммуникант оставил 7 комментариев, остальные – от 1 до 3 (см. *Таблицу 4.1.*):

Ник	Количество комментариев в тред
goody	7
Faberman	3
Arpa	3
Liphtier	2
Петросян № 5	2
breqwas	2
Nurkambay	2
ValeraKibiks	2
tiranbuang	1
apchehov	1
kapolakaki	1
getts	1
chesterfield	1
scal	1
Vovke	1
Don_Huan	1
metawulf	1
shu_shasu_shami	1
partyu	1
Colonel_Payne	1
tapkin	1
Sprattus	1
nutzcrazy	1
hiWARD	1

Таблица 4.1. Количество комментариев участников общения на тематическом интернет-форуме политической направленности

В целом анализ структуры интернет-форумов и динамики коммуникативного взаимодействия показал отсутствие линейности, что

приводит к образованию самостоятельных линий коммуникации за счет того, что коммуниканты могут маркировать в ответах тот комментарий, к которому относится реплика, а также неконстантность активности участников такого общения. Эти и другие особенности интернет-взаимодействия обуславливают необходимость применения новых инструментов анализа.

Второй этап обработки эмпирического материала состоял в рассмотрении адаптационных свойств участников интернет-коммуникации. Так, в результате проведенного анализа мы пришли к выводу о том, что коммуниканты на интернет-форумах представляют собой резистивные живые системы, поскольку обмен речевыми действиями в процессе коммуникативного взаимодействия на форуме не приводит к взаимной адаптации. Конструируя среду, субъект интернет-общения включает в нее только те факторы, которые представляются релевантными для поддержания собственной идентичности в этом коммуникативном пространстве. В силу дистантности и анонимности подобного взаимодействия они могут не реагировать на менее релевантные элементы среды, просто отказываясь от этой коммуникации. Поэтому постоянный обмен репликами представляет собой циклическое взаимодействие, при каждой итерации завершающееся возвращением в точку рекурсивности.

Например, участник *Darkfury* сравнительно регулярно осуществляет речевые действия (это самый активный участник коммуникации). Однако совершаемые им речевые действия не ориентированы на то, чтобы приспособиться и достигнуть баланса со средой. Напротив, они направлены на то, чтобы спровоцировать протест у других участников коммуникации, чтобы усилить диссонанс в интернет-общении (ср. высказывание №2 *I live in Arizona and can't wait for John McTreason to die. Fuck him*; высказывание №7 *You are suggesting THAT action so YOU can data mine and attack his family. McTreason is a cock sucker and I look forward to pissing on his grave!*; высказывание №16 *The thread DISAGREES. Damn YOUR ratings STILL SUCK. Keep your day job!* и др.).

Из девяти сообщений, оставленных им на форуме, только три соотносимы с темой обсуждения, остальные шесть являются комментариями к высказываниям других участников интернет-взаимодействия. Все реплики коммуниканта *Darkfury* носят агрессивный характер, ориентированы на то, чтобы оскорбить или спровоцировать агрессивную ответную реакцию у собеседников. Естественно, в ответных комментариях других участников интернет-общения содержится критика (высказывание №7 *You are suggesting THAT action so YOU can data mine and attack his family. McTreason is a cock sucker and I look forward to pissing on his grave!* – высказывание №14 *Wow! I thought that I had all the obnoxious posters on "ignore". Well, there is always room for one more*), ответная агрессия (высказывание №2 *I live in Arizona and can't wait for John McTreason to die. Fuck him* – высказывание №3 *And the majority disagrees with you, muffin*) или аргументация, посредством которой они стараются призвать этого коммуниканта к цивилизованному общению (высказывание №18 *Well noob, attacking a members family here IS AGAINST the site rules. So you have been warned cyber sissy. I hope McCain rots SLOWLY and his death stink fills the halls and his fuckin brains drip and drivel out of every body opening* – высказывание №20 *Disrespect for an American hero militarily and politically is wrong, period and borders on being unAmerican*).

Следует отметить, что другие участники общения на форуме также склонны оставлять реплики, в которых содержатся агрессивные комментарии в адрес собеседников (ср. *Another Trumpbot troll who talks tough while sitting behind a computer on a chat forum. Go on your Facebook/twitter page and say that. Then post the link; Are you kidding? That WOULD require stepping out of one's parental unit's basement; You are nobody and nothing to him. What you 'think' and how you feel is completely immaterial*).

С инициальным комментарием форума коррелируют только семь высказываний, остальные двадцать три относятся к репликам других участников интернет-общения.

В целом участникам интернет-коммуникации не свойственно оставлять содержательные комментарии, в которых сформулирована их собственная точка зрения, аргументирована их позиция, приведена дополнительная фактуальная информация, соотносимая с эксплицитно заданной темой интернет-форума. Основная стратегия, в той или иной мере присутствующая фактически во всех речевых действиях участников интернет-общения, – стратегия **самопрезентации**, или смещение фокуса внимания с темы обсуждения на личность самого коммуниканта (ср. *You are suggesting THAT action so YOU can data mine and attack his family. McTreason is a cock sucker and I look forward to pissing on his grave!; Mine are dead, you making fun of them snatch face?; The thread DISAGREES. Damn YOUR ratings STILL SUCK. Keep your day job!* и др.).

Таким образом, вступая в коммуникативное взаимодействие на форуме или в чате, участник общения не ориентирован на поддержание равновесных отношений со средой за счет использования разных адаптационных механизмов. Напротив, коммуникация, опосредованная интернет-платформой, видится как возможность демонстрации нетипичного для межличностного общения коммуникативного поведения: использование агрессивных комментариев в адрес собеседников, выражено критических высказываний, нарушения норм литературного языка и пр. Иными словами, коммуникация осуществляется за счет обмена речевыми действиями при фактически полном отсутствии взаимодействия на когнитивном уровне.

На третьем этапе анализа рассмотрены речевые особенности общения участников интернет-форумах и выявлены некоторые частотные способы вербального оформления коммуникантами речевых действий. Данные систематизированы в таблице:

Способы вербального оформления речевых действий	Примеры из анализируемого фрагмента
средства выделения: графического прописные буквы	<i>You are suggesting THAT action so YOU can data mine and attack his family. McTreason is a cock sucker and I look forward to pissing on his grave!; McCain was a hero in the military. McCain was a RINO politically and he personally hates Trump which makes him currently a political loser. On a human level, I respect and thank him for his service and I hope he can overcome his brain cancer. IMO it has been affecting his thinking for a while now и др.</i>
средства выделения: графического зажиренный шрифт	<i>LOL...first you ask (dare?) someone if they are knocking your parents. Than when someone answers your question and actually does it...you run to the rules like a coward. How pathetic...and funny; And if your parents taught you to do that... then they were terrible parents и др.</i>
средства выделения: графического прописные буквы, курсив	<i>LOL...first you ask (dare?) someone if they are knocking your parents. Than when someone answers your question and actually does it...you run to the rules like a coward. How pathetic...and funny; And if your parents taught you to do that... then they were terrible parents и др.</i>
искаженное написание имен людей или ников	<i>I live in Arizona and can't wait for John <u>McTreason</u> to die. Fuck him; Fuck <u>McStain</u>!! I hope it's excruciating on his way out; Nah, nah, nah, <u>Mr. Ricket</u>, you heard it all wrong. When talking about McCain's brain, all the White House said about it was that it was just another a SHITHOLE. A shithole in a world filled with shitholes. I hope that clears the matter up better for you</i>
прозвища и эпитеты, используемые с целью оскорбить или унижить собеседника	<i>Well noob, attacking a members family here IS AGAINST the site rules. So you have been warned cyber sissy. I hope McCain rots SLOWLY and his death stink fills the halls and his fuckin brains drip and drivel out of every body opening; Mouthy lil he bitch huh? Soon enough I will put your cyber skin on my wall. Got more than a few; And the majority disagrees with you, muffin и др.</i>
маркеры разговорной речи: неполные предложения	<i>You still use facebook?; Mine are dead, you making fun of them snatch face? и др.</i>
маркеры разговорной речи: жаргонная и инвективная лексика	<i>If the bury that prick in Arizona I WILL piss on his grave!; The thread DISAGREES. Damn YOUR ratings STILL SUCK. Keep your day job!; Well noob, attacking a members family here IS AGAINST the site rules. So you have been warned cyber sissy. I hope McCain rots SLOWLY and his death stink fills the halls and his fuckin brains drip and drivel out of every body opening и др.</i>

Таблица 4.2. Способы вербального оформления речевых действий

Так, средства графического выделения используются для привлечения внимания к наиболее важному содержанию комментариев, оставленных на форуме. Некоторым участникам интернет-взаимодействия свойственно выделять шрифтом некоторые фрагменты объемных высказываний для маркирования наиболее значимых мыслей в контексте речевого действия.

Использование искаженных написаний имен является демонстрацией собственной оценки обсуждаемого на интернет-форуме события: желание выразить свою крайне негативную оценку объекта обсуждения (американского политика Джона МакКейна), а также стремление спровоцировать конфликт с другими участниками интернет-общения.

Таким образом, для общения на интернет-форуме характерно использование однотипных речевых действий, не направленных на развитие коммуникативного взаимодействия. При этом ответные речевые действия также не являют собой попытку адаптироваться в нетипичной среде (элементы которой представляют собой рассогласованное множество). В связи с этим можно говорить о рекурсивном характере интернет-общения, поскольку динамика коммуникации создается последовательностью однопорядковых речевых действий на фоне отсутствия когнитивного взаимодействия между участниками. Иными словами, видимая стройность коммуникации, в сущности, является поверхностной.

Проведенный анализ показал, что для участников интернет-общения фактически не характерно использование адаптационных механизмов. Активность субъектов коммуникации не константна на протяжении взаимодействия: некоторые участники демонстрируют более высокую активность, чем другие, коммуниканты могут быть более или менее активными на разных этапах взаимодействия, при этом очевидных причин (мы не имеем возможность оценить факторы, лежащие за пределами общения на форуме, например, занятость человека) для изменения активности нет.

Свойство структурности проявляется в отдельных комментариях, оставленных на форуме: если реплика относится собственно к теме интернет-форума и представляет собой аргументированное выражение собственной точки зрения. В результате анализа было выявлено, что только семь комментариев (из 30) являются ответом на инициальное высказывание, при этом по крайней мере четыре из них содержат неаргументированную оценку объекта обсуждения (типа *If the bury that prick in Arizona I WILL piss on his*

grave!). В связи с этим можно говорить о том, что свойство структурности реализуется участниками интернет-коммуникации в единичных случаях. Языковая способность проявляется специфическим образом: свобода, предоставляемая интернет-общением, способствует тому, что коммуниканты оперируют нетипичными, и даже социально неприемлемыми, форматами коммуникативного поведения, что проявляется в широком использовании инвективной и оскорбительной лексики, нелитературных речевых формул, неполных синтаксических моделей и т.д.

Для сравнения также были проанализированы форумы, ориентированные на специфические группы участников. (В Интернете возрастные, гендерные и пр. характеристики участников общения отследить сравнительно сложно, однако можно предположить, что на тематических интернет-форумах, целевой аудиторией которых являются молодые люди, общаются преимущественно именно такие коммуниканты. С учетом этого был выбран форум Beyond Blue (<https://www.beyondblue.org.au/get-support/online-forums/young-people/compulsive-lying---support-advice-etc->), ориентированный на психологическую помощь и поддержку молодых людей.)

Как показал анализ коммуникативного взаимодействия на этом форуме, в Интернете общение происходит по стереотипным сценариям: участники общения оперируют шаблонными комментариями, при этом даже лексическое и грамматическое оформление высказывания фактически не варьируется: ср.

XERXES: ...*I am **a compulsive liar**, and I have been since I was a child, although I can't remember exactly when this began. I grew up in a conservative religious environment where lying was almost necessary to keep myself out of trouble, but at some point it escalated into my **lying simply out of habit**. My parents were also (and continue to be) emotionally abusive with narcissistic tendencies – I've never been close to them, and as I've grown up our relationship has only worsened....*

MSPURPLE: *I understand the whole religious guilt thing. My parents are athiest but I went to church for a few years to escape my reality (from my step mum, and the fact I was struggling with undiagnosed anxiety). Apart from physical illness (e.g.*

a cold) you kinda felt guilty for mental health issues. (Now disclaimer. Not all churches are like this! My friend went to one and her dad had depression and they were super supportive and encouraged him to get help in the form of a psychologist).

CROIX: *As someone who was brought up in a religious atmosphere my beliefs, interests and general behavior were at odds with the prevailing views set down by my parents, so naturally I told lies that got me out of trouble and gave me more freedom.*

Fortunately for me it never went further, possibly because I was not closely supervised, and when the pressure went away I reverted to normal accounts of things. I would not be surprised if this is pretty common behavior for many kids and not just for those with religious parents.

Анализ трех последовательных комментариев позволяет констатировать, что доминантным мотивом этих участников интернет-общения является мотив самопрезентации. В каждом речевом действии наблюдается отклонение от коммуникативного фокуса, заданного в инициальном комментарии (участника с ником XERXES). При этом связь между речевыми действиями устанавливается исключительно на вербальном уровне (*in a conservative religious environment – the whole religious guilt thing – in a religious atmosphere*). Только один (третий) участник вновь обращается к основной проблеме, сформулированной в инициальном комментарии, и то не фокусно, далее вновь переключаясь на самопрезентацию.

Далее коммуникация еще больше отрывается от заданной в инициальном высказывании темы неконтролируемого желания обманывать (ср. комментарий № 7 этого форума: **ROSIE121:** *I've been in some kind of relationship with my husband since our wedding day 9 years ago where I've always been alone and afraid. My husband worked away from home so I raised our children alone, but for the last 6 years our company is now in our yard. Everyday it eats at me, I'm constantly trying to imagine my life alone and I feel like know one would ever want to be with me. I don't think I could have sex with anyone ever again including my husband I feel disgusting and ugly since he tried to have an affair but*

I caught it before it actually happened. To be honest what i found was brutal, i got broken and weak! I used to be strong and outgoing people looked up to me for it. Now i'm just weak, lonely and afraid. save yourself and find out the truth before its too late.). Участники делятся личным опытом, говорят о семейных проблемах и пр. Эти речевые действия не встраиваются в общую канву коммуникативного взаимодействия: как представляется, эти сценарии следует расценивать не столько как нелинейное взаимодействие, сколько как совокупность отдельных реплик, не составляющих единой коммуникации. Иными словами, такая коммуникация утрачивает целостность (что, безусловно, также является спецификой обезличенного общения в интернете и вряд ли в таком масштабе может проявляться в фронтальной коммуникации).

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о возможности применения разработанного алгоритма обработки эмпирического материала к интернет-общению. Динамика коммуникативного взаимодействия в интернет-пространстве определяется рядом факторов: нелинейностью коммуникативного взаимодействия, связанной с техническими возможностями маркирования связи с тем или иным комментарием, к которому относится реплика, доминантным мотивом самопрезентации, определяющим специфику производимых речевых действий, отсутствием необходимости выстраивать линейную коммуникацию.

Это согласуется с результатами экспериментов, которые мы проводили на смежные темы. Когда участникам интернет-общения предъявляли фрагмент интернет-форума и просили оценить то, насколько успешно происходит взаимодействие между собеседниками, большинство испытуемых указывало на отсутствие какого-либо взаимодействия (как, например, видно из комментария испытуемого *Everyone is telling their own opinion and no one is listening to*) – см. результаты этого эксперимента в разделе 3.4.

4.4. Анализ динамики коммуникативного взаимодействия участников академического общения

Отдельную исследовательскую область составляет изучение динамики коммуникативного взаимодействия участников академического общения. Необходимость разработки несколько иного алгоритма анализа эмпирического материала неизбежно связана с тем, что в академическом общении важную роль играют статусно-ролевые параметры участников. В отличие от рассмотренных ранее видов коммуникации, при общении в академическом контексте коммуниканты в меньшей степени допускают вариативность коммуникативного поведения и в большинстве случаев опираются на стереотипные сценарии речевого поведения.

Следствиями этого является выраженная рекурсивность подобной коммуникации: обмен репликами не сопровождается динамическими процессами внутри коммунирующих систем. Это статусно ориентированное институциональное общение в рамках заданного коммуникативным контекстом алгоритма.

Поэтому, с одной стороны, можно говорить о своего рода резистивности ряда участников статусно ориентированной коммуникации, не ориентированных на реализацию адаптационных механизмов. С другой стороны, адаптация от такого типа коммуникации в целом и не требуется, поскольку она в сильной степени регламентирована.

В качестве примера такого институционального общения можно привести защиты диссертаций на соискание ученой степени, в которых есть очевидные процедурные моменты, что в значительной степени ограничивает спектр возможностей индивидуального развития коммуникативного взаимодействия. Часть речевых действий участников этого события строго регламентирована и предполагает шаблонные ответные речевые действия: вводная речь председателя, выступление ученого секретаря с представлением соискателя, выступление оппонента, озвучивание продуманных заранее

ответов на вопросы оппонента и пр. Эти особенности академического коммуникативного взаимодействия определяют необходимость разработки особого алгоритма анализа эмпирического материала и применения интерпретативных категорий теории аутопоэза только в тех частях речевого события, когда допускается меньшая степень стереотипизации коммуникативного поведения. Поэтому в нашем исследовании были задействованы только фрагменты защит диссертаций на соискание ученой степени, а именно вопросно-ответная сессия и дискуссионная часть.

Поиск видеоматериалов защит диссертаций на соискание ученой степени осуществлялся на страницах диссертационных советов ряда высших учебных заведений: Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова

(https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/dnii/otdel-dissertatsionnykh-sovetov/disser_soiskateli/video/) и Волгоградского государственного

университета

(https://volsu.ru/Aspirant/dissovet/calendar.php?arrFilter_pf%5BSOVET%5D=51&set_filter=%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%80&set_file_r=Y); некоторые видеоматериалы защит были отобраны на видеохостинге Youtube. Кроме того, на сайтах вузов иногда размещаются стенограммы защит диссертаций на соискание ученых степеней, которые мы также задействовали в исследовании. Принципиально для исследования могли быть задействованы любые образцы подобной академической коммуникации, однако для удобства анализа мы ограничились видеозаписями / стенограммами защит диссертаций на соискание ученых степеней любого уровня в области филологических или педагогических наук.

Следуя заданному в разделе 4.1. алгоритму обработки эмпирического материала, мы начали анализ с идентификации точки рекурсивности. В случае с коммуникацией в академическом контексте эта информация является предзаданной: любая защита начинается с выступления ученого секретаря, в котором представляется соискатель ученой степени и озвучиваются основные

вехи его академической биографии. Возраст, гендер, социальные и пр. характеристики известны всем участникам взаимодействия. Также хорошо известны члены диссертационного совета, являющиеся известными и авторитетными учеными, авторами научных и учебно-методических публикаций. Более того, такая коммуникация осуществляется в фронтальном режиме, поэтому все участники взаимодействия знают, с кем они осуществляют взаимодействие в тот или иной момент времени.

Особое внимание в академической коммуникации (в том числе в нерегламентированных фрагментах) уделяется статусно-ролевым отношениям участников общения. Обязательно использование обращений типа *Уважаемый Иван Иванович... Глубокоуважаемая Татьяна Ивановна...*; формул вежливости: *Прежде всего позвольте поблагодарить... Хотелось бы начать со слов благодарности глубокоуважаемому оппоненту...*; использование глагольных форм 3 лица единственного числа в отношении присутствующих в аудитории: *Как отметил глубокоуважаемый оппонент... Татьяна Ивановна справедливо отмечает...* Исследования академического общения многочисленны и часто ориентированы именно на выявление языковых особенностей такой коммуникации (см. [Хутыз 2013; 2015; Сулейманова 2016; 2017; 2018] и др.). В отличие от политических дебатов и интернет-общения, в академической коммуникации присутствует жесткая регламентация, основанная на признании авторитета собеседника, уважении его позиции и вежливости.

Исходя из вышесказанного можно предположить, что в рекурсивные шаги в академическом общении включено значительное число стандартных речевых действий, а адаптационные механизмы задействуются субъектами коммуникации крайне редко на протяжении всего речевого события.

В менее регламентированных фрагментах защит диссертаций можно идентифицировать рекурсивные шаги, которые, тем не менее, также не обладают выраженной динамикой. Более того, момент достижения равновесия между субъектом коммуникации и средой не всегда очевиден: судя по

внешним признакам, точка согласия имеется, но нужны особые исследовательские инструменты, чтобы распознать, происходит ли переструктурирование живой системы, реализуются ли адаптационные свойства систем. Подобные задачи в настоящем исследовании не ставились, поэтому мы можем делать только предварительные и весьма осторожные выводы, основываясь на наблюдениях, сделанных попутно с решением основных задач.

Ранее уже говорилось о том, что в основе деятельности лежит иерархия мотивов (в отечественной психологии и психолингвистике в связи с этим принято говорить о доминирующих и производных мотивах). Рассмотрение мотива деятельности особенно важно для анализа речевого взаимодействия, поскольку именно мотив побуждает к порождению речевого высказывания и определяет характер рекурсивного шага. При этом важно учитывать то, как мотивы участников коммуникации соотносятся с эксплицированной целью общения. Как правило, в случае речевых событий в плоскости академического общения цель коммуникации сформулирована заранее. Однако в ряде случаев за анонсированной целью могут стоять различные мотивы (см. о соотношении мотивов и целей в диссертационном исследовании О.В. Поповой [Попова 2020]).

Так, анализ видеозаписей и стенограмм защит диссертаций показал, что доминирующие мотивы коммуникантов могут не совпадать. Подобное несовпадение мотивов приводит к определенным сбоям социального взаимодействия: коммуникант не распознает или не учитывает речевое действие собеседника (как средовый фактор), переключаясь в ответе на собственный доминирующий мотив. В таких случаях речевое взаимодействие коммуникантов не опосредуется когнитивным взаимодействием, и, следовательно, динамика коммуникации утрачивается.

Рассмотрим некоторые примеры вопросно-ответной сессии ряда защит диссертаций (в целях сохранения конфиденциальности все имена и какие-либо указания на персоналии из текста удалены).

«ЧЛЕН СОВЕТА: Примерно, конечно, не точно. Это десяток, два десятка или это единицы, потому что, может быть, я неправильно поняла, но вот эта модель ментальная рассматривается как основной глобальный вклад, который Вы делаете в своей работе? Так это?»

СОИСКАТЕЛЬ: Один из основных глобальных вкладов. Да, но не основной. Мы нашли около, может быть, десятка или пятнадцати наименований. То есть мы определили только механизм, нашли соответствие в языке, объяснили, каким образом они структурируются и каким образом они отличаются от других существующих ментальных моделей, и этим ограничились, потому что наше диссертационное исследование было все-таки нацелено на исследование, во-первых, очень глобальной серьезной темы когнитивного пространства создания параметрической модели. И систематизация знаний по когнитивному пространству – это первая, очень глобальная задача. И вторая задача – это исследование еще не выделенного, не определенного, не описанного и не классифицированного пласта лексики, который мы называли метакоммуникативными глаголами – предикатами. Это были очень глобальные, большие проблемы.»

В ответе на вопрос члена совета диссертант не отвечает фокусно. В стремлении ответить на заданный вопрос соискатель начинает переключаться на смежные моменты, в результате чего ответ утрачивает внятность. На простой вопрос о том, являлось ли конструирование модели основной задачей исследования, ответ так и не сформулирован. Соискатель, как представляется, ориентирован исключительно на то, чтобы произвести ответное речевое действие, однако о какой-либо адаптации речь в данном случае не идет.

Другой пример адаптивного речевого поведения и подстраивание под среду наблюдаем в следующем фрагменте коммуникации между соискателем и членом совета:

«ЧЛЕН СОВЕТА: В гипотезе есть положение, где Вы пишете, что необходимо систематизировать эффективные формы, средства, методы, приемы и технологии, направленные на формирование коммуникативной

компетенции. Но вот, собственно, о самих формах и о методах я нашла лишь небольшое перечисление на стр. 22 Вашего автореферата. Не могли бы Вы прокомментировать, удалось ли Вам систематизировать? Как Вы это делали? Какие критерии использовали для определения эффективности?

СОИСКАТЕЛЬ: ... технологии информационно-коммуникативных технологии... технологии коллективного способа обучения... и вот эти методы и приемы мы по всем категориям распределили... по каждой компетенции... в каждом методе... и каждой технологии...

ЧЛЕН СОВЕТА: **Так, я еще раз уточню:** у Вас же задача была проверить их эффективность. **Вот вопрос в чем:** какие критерии Вы использовали для проверки эффективности?»

В приведенном примере уже член совета использует адаптационные механизмы с тем, чтобы сделать свой вопрос более понятным соискателю. Иными словами, коммуникант, очевидно, с более высоким уровнем организации, задает уточняющий вопрос, упрощая формулировку с учетом того, что ранее ответ на вопрос получен не был.

В следующем фрагменте коммуникации член совета по своему научному профилю является доктором физико-математических наук, а соискатель защищает научную работу по специальности 10.02.19 – Теория языка в совете по филологическим наукам:

«ЧЛЕН СОВЕТА: У меня возникает непростой вопрос. Когда Вы говорите о том, что Ваша модель – единственная в России, Вы вообще модели интеллектуальных систем смотрели когда-нибудь в своей жизни? Потому что я беру кафедру математического моделирования интеллектуальных систем МГУ или Российский НИИ искусственного интеллекта. Там эти модели описаны, но на математическом уровне, то есть на более абстрактном уровне, да и обоснование там более глубокое.

СОИСКАТЕЛЬ: **Вы утверждаете, что математические модели более глубоко описывают те процессы, о которых мы говорим, потому что описывают их более абстрактно. Мне с этим трудно согласиться. Если**

математик объясняет на языке абстрактных формул, то в любом случае эти формулы должны быть переведены на язык, который был бы понятен лингвисту или психолингвисту.

Не могу сказать, что я большой знаток моделей интеллектуальных систем, но у меня есть очень большие сомнения, что предлагаемое мною давно сделано. Если Вы можете назвать конкретного автора, который уже сделал это, я бы с удовольствием познакомился с его работой, объясняющей понимание поликодовых текстов, соединяющих вербальную и изобразительную составляющие. Я бы постарался убедиться, что в этой модели показаны этапы понимания, а затем положения верифицированы в эмпирическом опыте.

Однако я полностью солидарен с Вами в том, что очень многие решаемые нами проблемы решаются параллельно в других науках, и мы далеко не всегда знаем об этом.»

В своем вопросе член совета указывает на то, что когнитивные модели давно и успешно разрабатываются в технических науках. Поэтому модель, представленная соискателем к защите, вовсе не может считаться уникальной.

Проанализируем ответ соискателя. Структурно в нем можно выделить следующие блоки: (1) уточнение вопроса (*Вы утверждаете, что математические модели более глубоко описывают те процессы, о которых мы говорим, потому что описывают их более абстрактно*); (2) опровержение позиции члена совета (*трудно согласиться; у меня есть очень большие сомнения, что предлагаемое мною давно сделано*); (3) признание правомерности подобного комментария (*Однако я полностью солидарен с Вами в том, что очень многие решаемые нами проблемы решаются параллельно в других науках, и мы далеко не всегда знаем об этом*).

В тесте выделены те вербальные компоненты, в которых эти блоки репрезентируются. Как самоорганизующаяся система, этот коммуникант проанализировал и учел необходимые для обеспечения коммуникации средовые факторы: несоответствие парадигм, отсутствие у себя необходимого

минимума знаний для того, чтобы рассуждать о том, на каких основаниях строятся математические модели, агрессивный настрой коммуниканта. Все эти факторы были успешно учтены в ответном речевом действии. Таким образом, мы имеем все основания говорить о высокой степени организации этого субъекта коммуникативного взаимодействия и его развитых адаптационных способностях.

Таким образом, анализ фрагментов академического взаимодействия дает возможность разработать типологию рекурсивных шагов и выявить те случаи, когда речевое взаимодействие коммуникантов не предполагает их взаимной адаптации. Следует, однако, отметить, что академическая коммуникация в значительной степени регламентирована и ориентирована на поддержание статусно-ролевых отношений. С учетом этого, как представляется, разработанный алгоритм анализа требуется далее уточнять и адаптировать для работы с таким эмпирическим материалом.

4.5. Анализ динамики развития медиасобытия (на основе анализа цикла статей)

В предыдущих разделах главы 4 были рассмотрены фрагменты коммуникации между некоторым числом участников общения. Иными словами, в центре внимания исследователя в тех случаях был человек как субъект социальной коммуникации, при этом моделировалась именно структура коммуниканта – сложно организованной живой системы, обладающей рядом адаптационных способностей.

Однако категориальный аппарат аутопоэтической теории применим и тогда, когда субъект коммуникации является латентным. Для проверки этого предположения была рассмотрена динамика коммуникации в медиапространстве через опубликованный в одном издании цикл медиатекстов, описывающих определенное новостное событие. Полагаем, что статьи, входящие в один цикл и подготовленные одним автором / группой авторов одного медиаиздания, также представляют собой внутренне континуальную систему, поддерживающую временную стабильность благодаря «фиксирующим» ее в определенной временной точке языковым репрезентантам. Подвижность среды, в которой реализуется речевое событие, и ее компонентов создает импульс для эволюции речевого события. Постоянное изменение каждого из компонентов проявляется в том, что на разных этапах речевого континуума соотношение между речевым событием и средой (одной из составляющих которой выступает «овнешняя» в этом речевом событии новость) принципиально иное. Такое рекурсивное адаптивное взаимодействие речевой деятельности и среды является **асимметричным**: чтобы сохранить феноменальную целостность, речевая деятельность должна стремиться к симметрии, но никогда ее не достигать, поскольку симметрия её структуры ведет к резкому снижению информативности. Поэтому речевая деятельность организуется, стремясь к

симметрии, но одновременно и самоорганизуется, стремясь к асимметрии [Герман 1999, С. 4].

Учитывая это, можно предположить, что структурная и содержательная эволюция речевого события осуществляется вследствие **его рекурсивного взаимодействия** (представляющего собой временно стабильное образование благодаря его «фиксации» в языковых репрезентантах) **со средой**, или сознанием, в котором и для которого функционирует такое речевое событие. Рекурсивность, таким образом, представлена в виде последовательности этапов (рекурсивных шагов), на каждом из которых осуществляется изменение и взаимная адаптация речевого события и среды. Рекурсивный шаг может происходить с появлением каждого нового текста, в котором репрезентируется речевое событие, или же включать в себя несколько текстов. В последнем случае в нескольких последовательно продуцируемых текстах репрезентируется один и тот же этап эволюции речевого события и среды (например, когда на протяжении нескольких текстов не представлено никаких изменений общественного мнения или новых деталей события: в этом случае речевое событие не развивается).

Рассмотрим, как указанные принципы реализуются в медиатекстах. В качестве материала исследования были использованы статьи из газеты The New York Times, в которых освещался «газовый конфликт» между Россией и Украиной (датированные 1-29 января 2009 г.) – см. архивы на сайте <https://www.nytimes.com/>.

Согласно выдвинутой нами **рабочей гипотезе**, речевое событие рекурсивно взаимодействует со средой, в которой оно продуцируется и на которую оно направлено. Подобное взаимодействие возможно в силу адаптивности и способности к самоорганизации и речевого события, и среды, которые на каждом последующем этапе эволюционного взаимодействия претерпевают определенную внутреннюю перестройку и при новом взаимодействии требуют от контактирующего с ними объекта новой адаптации. При этом среда, в которой функционирует речевое событие,

представляет собой комплексную систему, включающую ряд составляющих: *политические факторы* (действия и комментарии участников конфликта, резонанс в мировой политике и пр.); *социальные факторы* (реакция мировой общественности, действия и комментарии со стороны общественных организаций и пр.); *количество рекурсивных шагов* (поскольку на каждом этапе взаимодействия происходит эволюция и речевого события, и среды, при каждом дальнейшем рекурсивном шаге меняется характер собственно взаимодействия); *новые факты* (новые данные о конфликте, которыми располагают СМИ); *внутренние факторы* (мотивы автора статьи, тип периодического издания – государственное или частное и пр.); *уровень осмысления конфликта* (в ходе рекурсивного взаимодействия изменяется глубина осмысления, ментального «отображения» конфликта) и пр. – см. *Схему 4.3.*

Схема 4.3. Рекурсивное взаимодействие между речевым событием (циклом медиатекстов) и средой (общественным сознанием)

Эволюция и речевого события, и среды происходит вследствие взаимной адаптации и, соответственно, достижения эмерджентного равновесия на каждом этапе взаимодействия этого речевого события со средой, т.е. при каждом последующем рекурсивном шаге (см. *Схему 4.4.*)

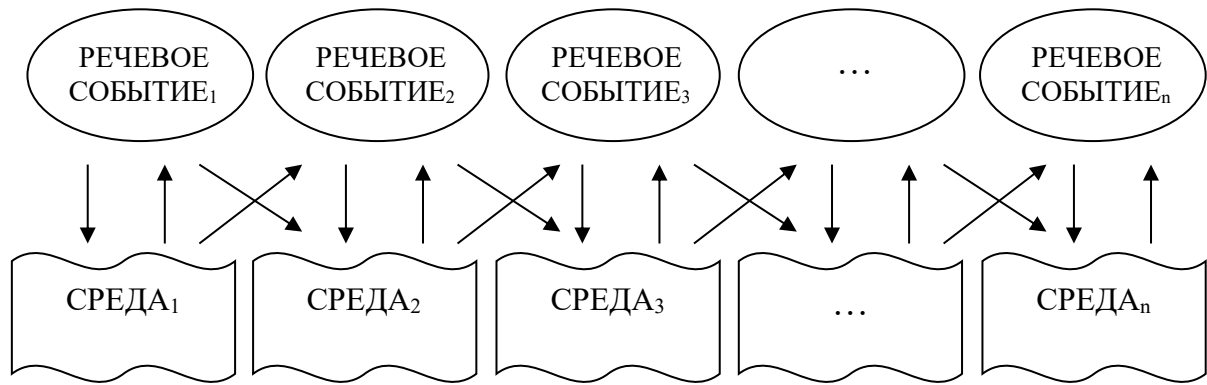

Схема 4.4. Рекурсивные шаги при взаимодействии речевого события (цикла медиатекстов) и среды (общественного сознания)

В анализ необходимо ввести ряд критериев, которые позволяют оценить характер рекурсивного взаимодействия на каждом этапе и определить направление дальнейшей трансформации структуры и содержания среды и речевого события. Перечислим некоторые из них:

1) количество составляющих, вступающих в рекурсивные отношения

Количество компонентов речевого события и новостного события / среды и характер их репрезентации определяют то, каким образом происходит следующий рекурсивный шаг.

Так, в нашем исследовании статьи от 1-5 января 2009г. фактологичны – в них представлено освещение событий (фактов): *Negotiations over gas prices between Russia and Ukraine unraveled Wednesday; Russia cut off deliveries of natural gas to Ukraine*, названы непосредственные причины конфликта (предыстория): *In 2006, Russia halted supplies to Ukraine for three days, in an ostensible dispute over pricing and transit fees; after Ukraine rejected the Kremlin's demands for a sharp increase in gas prices* и обозначены возможные последствия конфликта: *If the gas is cut, customers in Western Europe would likely experience shortages, since the same pipelines in Ukraine that are used for internal distribution are also used for export* (в среднем – 65% от общего объема медиатекстов).

В последующих статьях соотношение компонентов изменяется: в статьях от 6 и 7 января 2009г. в центре внимания оказываются латентные причины конфликта: *any countries that suffered shortages as a result should blame*

Ukraine for not paying a fair price for Russia's natural gas; While ostensibly intended to force higher payments on Ukraine, the latest cuts directly affect gas bound for Western markets (примерно 50% от общего объема медиатекстов). Факты освещаются только в той мере, в какой это необходимо для того, чтобы ввести непосвященных читателей в курс дела: *Gazprom, the Russian gas monopoly, on Monday reduced deliveries of gas for transit through Ukraine to Western European customers.*

В статье от 14 января 2009 г. фактологичность возрастает, однако изменился характер освещаемых событий: теперь это те сведения, которые ранее представляли собой прогнозируемые следствия: *This time, though, Europe is suffering as well, with hundreds of thousands of people in southeastern Europe living without heat for six days and factories shutting down in several countries.*

Аналогичным образом можно проследить то, как структура и содержание речевого события и среды изменяются далее на протяжении развития конфликта.

2) степень политической значимости каждого компонента

Следующий рекурсивный шаг определяется тем, насколько сильный резонанс вызовет статья на политической арене: чем более значим компонент, тем значительнее и дальнейшая трансформация рекурсивного шага.

3) степень социальной значимости каждого компонента

Компоненты, обладающие высокой социальной значимостью, стимулируют более существенные структурные и содержательные изменения как речевого события, так и среды.

4) количество и иерархия рекурсивных шагов

На разных этапах развития конфликта наблюдается неоднородный характер рекурсивного взаимодействия между речевым событием и средой.

5) частота рекурсивного воздействия

Интенсивность рекурсивного взаимодействия определяется количеством языковых «репрезентантов» конфликтного события в речевом событии, а также общим объемом статьи.

Последовательный анализ характера трансформации структуры и содержания речевого события осуществлялся с опорой на контекстный метод, далее на основе полученных результатов моделировался характер рекурсии в разных точках континуума.

То, что рекурсивное взаимодействие речевых действий состоялось, отражается в структуре речевого события, поскольку на каждом этапе рекурсивного взаимодействия между речевым событием и средой в структуре речевого события происходят изменения: (1) изменяется соотношение между нейтральной / ненейтральной лексикой. В первом речевом событии – первая статья цикла – преобладает нейтральная лексика (*said, a note was delivered, the sides had not settled on the price, Russia halted supplies*), поскольку основной мотив связан со стремлением продемонстрировать максимальную степень объективности и тем самым привлечь читателя к событию-факту. Поэтому в статье преимущественно перечисляются факты, оценочные средства единичны; (2) изменяется соотношение между номинативной (неметафорической) / метафорической (коннотированной) лексикой; (3) множественные топонимы/антропонимы – единичные топонимы/антропонимы (4) снижается фактологичность, усиливается эмоциональность, оценочность; (5) изменяется число используемых цитат как средства повышения объективности подачи; (6) изменяется общий объем статьи – от небольших новостных текстов в начале цикла до развернутых аналитических статей в конце цикла.

Выявленные параметры рекурсивного взаимодействия представлены в виде схемы трансформации структуры и содержания речевого и новостного события (являющегося компонентом среды / общественного сознания) (см. Схему 4.5).

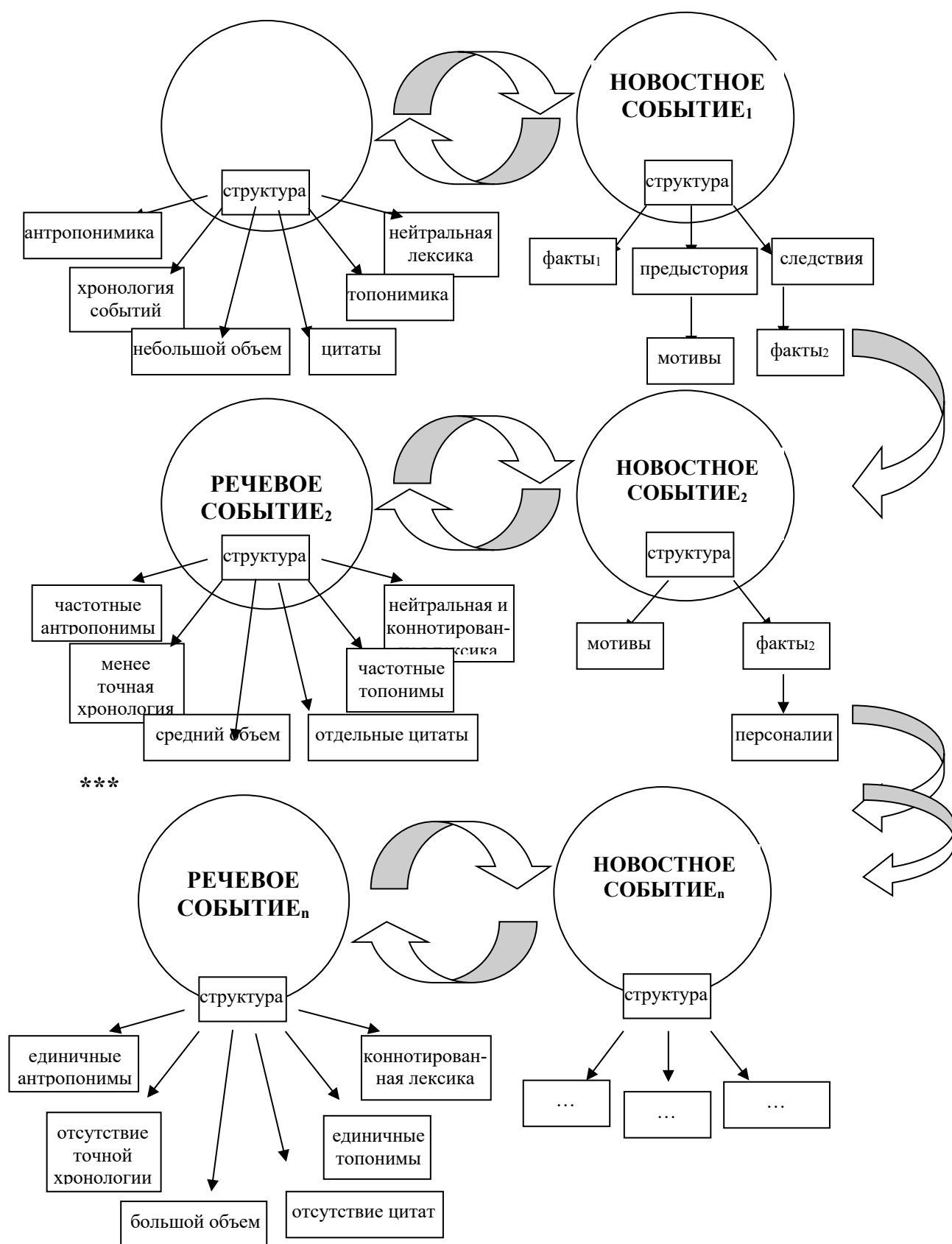

Схема 4.5. Изменение структуры и содержания новостного события и речевого события на разных этапах рекурсивного взаимодействия

Таким образом, алгоритм анализа эмпирического материала, построенный с опорой на интерпретативные категории аутопоза, позволяет исследовать речевое событие исходя из принципиально новых для лингвистики и психолингвистики оснований. Речевое событие рассматривается как нестабильная структура, временная «фиксация» которой происходит вследствие ее репрезентации в отдельных речевых действиях (текстах). Среда, в которой оно функционирует и на которую направлено, – сознание, также характеризующееся нестабильностью и, соответственно, находящееся в процессе постоянного переструктурирования.

Выводы ПО ГЛАВЕ 4

Второй этап эмпирической части исследования состоял в анализе реализованной коммуникации, зафиксированной в виде опубликованных стенограмм политических дебатов, стенограмм заседаний ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, текстов статей из различных медиаисточников, материалов интернет-форумов.

Применение изложенной исследовательской схемы к анализу разных образцов коммуникативного взаимодействия позволяет наблюдать динамику коммуникации, систематизировать и описывать эволюционный характер рекурсивного взаимодействия между участниками коммуникации. В результате проведенного анализа были сделаны следующие наблюдения.

Анализ стенограмм и видеоматериалов политических теледебатов показал, что вступающие в коммуникацию индивиды могут представлять собой разные типы самоорганизующихся систем. Это приводит к определенным сбоям социального взаимодействия: коммуникант не интерпретирует, неправильно интерпретирует или не учитывает речевое действие собеседника, переключаясь в ответе на реализацию в своем речевом действии собственного доминирующего мотива. В таких случаях формальное

речевое взаимодействие коммуникантов не опосредуется когнитивным взаимодействием, а, следовательно, рекурсивный шаг не осуществляется.

Аналогичные схемы адаптивного поведения участников речевого события наблюдаются при анализе других образцов публичных дебатов, например, вопросно-ответной и дискуссионной части заседаний по защите диссертаций на соискание ученой степени. Видимо, это отчасти связано с публичным характером подобного коммуникативного взаимодействия.

Несколько иные тенденции наблюдаются при применении разработанной схемы для анализа интернет-коммуникации. Вступая в коммуникативное взаимодействие на форуме или в чате, участник общения не ориентирован на поддержание эффективной коммуникации и поэтому не использует разные адаптационные механизмы. Коммуникация, опосредованная интернет-платформой, представляется для общающихся прежде всего возможностью демонстрации нетипичного для межличностного общения коммуникативного поведения: использование агрессивных комментариев в адрес собеседников, выражено критических высказываний, нарушения норм литературного языка и пр. Иными словами, коммуникация осуществляется за счет обмена речевыми действиями при фактически полном отсутствии взаимодействия на когнитивном уровне. При этом участники общения, не реализуют в речевой деятельности (именно в рамках этого формата коммуникации) адаптационные механизмы. В связи с этим можно говорить о рекурсивном характере интернет-общения, поскольку динамика коммуникации создается последовательностью однопорядковых речевых действий на фоне отсутствия когнитивного взаимодействия между участниками: видимая стройность коммуникации, в сущности, является поверхностной.

Разработанный алгоритм анализа динамики рекурсивного взаимодействия был далее применен для анализа цикла медиатекстов.

Согласно выдвинутой нами рабочей гипотезе, речевое событие коммуниканта 1 рекурсивно взаимодействует со средой, компонентом

которой является коммуникант 2 и в которой оно продуцируется и на которую направлено. Подобное взаимодействие возможно в силу адаптивности и способности к самоорганизации и речевого события, и среды, которые на каждом последующем витке эволюции претерпевают определенную внутреннюю перестройку и при новом взаимодействии требуют от контактирующего с ними объекта новой адаптации.

Таким образом, методология аутопоэза позволяет исследовать цикл медиатекстов как речевое событие исходя из принципиально новых для лингвистики и психолингвистики оснований. Речевое событие рассматривается как нестабильная структура, способная к временной стабилизации в определенных речевых действиях, осуществляющаяся в среде, также нестабильной.

Проведенный анализ позволяет констатировать применимость разработанного алгоритма анализа эмпирического материала, представляющего собой завершенное речевое событие, к разным образцам коммуникативного взаимодействия, что свидетельствует об универсальности разработанной модели коммуникативного взаимодействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации представлены результаты комплексного исследования, направленного на уточнение понятия коммуникация, обоснование необходимости конструирования междисциплинарного исследовательского объекта – речевого события и разработку и экспериментальную верификацию модели второго порядка, методологическую основу которой формирует теория аутопоэза.

Цель исследования заключалась в моделировании структуры **речевого события как рекурсивного взаимодействия участников коммуникации**, в ходе которого происходит взаимная адаптация их когнитивных систем, **и установление принципов эволюции речевого события.**

Структура диссертационного исследования была задана последовательным решением поставленных задач: рассмотрением теоретических подходов к изучению коммуникации, разработанных в разных областях научного знания, анализом объяснительных возможностей ведущих современных коммуникативных теорий, общей теории систем и теории аутопоэза как одного из возможных подходов к изучению континуальности – фундаментального свойства речевого события как междисциплинарного объекта. Результатом теоретических изысканий является **модель эволюции речевого события как его структурной адаптации и самоорганизации.**

В практических главах работы обоснованы и описаны пути экспериментальной верификации разработанной динамической модели в серии социо- и психолингвистических экспериментов, теоретически и экспериментально аргументированы возможности применения алгоритма анализа, разработанного на основе предложенной модели, к анализу различных образцов коммуникативного взаимодействия.

Изучение феномена коммуникации представляет интерес для специалистов из разных научных областей и осуществляется инструментами ряда наук – это один из центральных исследовательских объектов философии,

психологии, социологии, лингвистики, логики, технических наук, отличающийся структурной сложностью, детерминированной воздействием многочисленных разноприродных факторов.

Поэтому конструирование исследовательского объекта с необходимостью осуществляется с применением метаязыка и инструментария разных научных направлений, а специфика устанавливаемых свойств коммуникации определяется актуализацией тех или иных её параметров: направленности и знакового характера коммуникативного взаимодействия, активности субъекта речевой деятельности, содержательных аспектов коммуникации и др.

В гуманитарных науках такая множественность описаний принципиально неустранима: в коммуникации выделяются разные грани, каждый раз позволяющие предложить новое научное описание, казалось бы, хорошо изученного явления. В психолингвистической парадигме, заданной методологией общепсихологической концепции деятельности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия), текст не противопоставляется субъекту, а рассматривается как продукт его деятельности, специфика которого выявляется в определенной коммуникативной среде. Это позволяет учитывать при моделировании объекта сущностное свойство коммуникации – её *континуальность*, в то время как в ряде лингвистических направлений при осмыслении феномена коммуникации целенаправленно конструируется дискретный исследовательский объект.

Во многих работах активность субъекта коммуникации постулируется как самоочевидное свойство, позволяющее представлять перечни средств, маркирующих активность на уровне текста (например, наличие перформативных высказываний; средств выражения модальности и пр.). Но, в сущности, *речевая активность как свойство говорящего субъекта* изучена недостаточно: не определены ее фундаментальные параметры и характер детерминации разноприродными факторами «внутреннего» и «внешнего» порядка, не вполне установлены закономерности языкового маркирования в

зависимости от коммуникативных ситуаций и пр. При этом речевая активность субъекта играет ключевую роль в моделировании *динамики коммуникации*.

С учетом этого основная задача исследования состоит в теоретическом обосновании и конструировании **динамической модели речевого события, учитывающей сущностное свойство коммуникации – имманентную континуальность.**

Методологическая основа разработанной модели речевого события – теория аутопоэза, созданная в когнитивной науке второй половины XX в. (У. Матурана, Фр. Варела). Она позволяет поставить в фокус исследования субъект социальной коммуникации, который обладает определенным набором адаптационных свойств, во многом детерминирующим характер общения. В свою очередь такое сосредоточение на коммуникантах, оказывающихся **в однотипных ситуациях общения**, акцентирует то, что **в силу разных адаптационных свойств, присущих коммуникантам как когнитивным системам, они проявляют неодинаковый набор релевантных ситуативных факторов и по-разному их иерархизируют.** Именно это определяет специфику их коммуникативного поведения.

Предложенный подход требует нового интерпретативного аппарата, позволяющего адекватно целям исследования представлять факторы, приводящие к континуальности коммуникации, поэтому в работе аргументируются преимущества пользования рядом терминов для описания разработанной модели (рекурсивный шаг, среда и др.).

Акцентируя способность к *самоорганизации* как определяющее субъекта коммуникативного взаимодействия, мы вместе с тем понимаем, что самоорганизация не доступна изучению инструментами лингвистики, и потому обосновываем необходимость включения в модель так называемых параметров второго порядка: активности, языковой способности и структурности.

Фундаментальность самоорганизации как свойства живых систем требует и введения особой операциональной единицы интерпретации модели **рекурсивного шага как эволюционного изменения в структуре самоорганизующейся системы, выводящего её на новый уровень взаимодействия со средой**. В этом случае коммуникация может быть представлена в виде модели, в которой рекурсивный шаг инкорпорирует три этапа – иерархизацию средовых факторов; актуализацию фрагмента среды, который нарушил стабильность структуры субъекта; ликвидацию возникшего у субъекта дисбаланса за счет его реструктуризации.

Разработанная модель **верифицировалась экспериментально** в серии социо- и психолингвистических экспериментов. В экспериментах воссоздавались ситуации естественного общения, в которых человек использует стандартный алгоритм адаптивного поведения.

Первый эксперимент был ориентирован на проверку того, как субъект коммуникации идентифицирует релевантные факторы в предложенных экспериментальных ситуациях и ранжирует их. Установлено, что ранжирование в значительной степени определяется стереотипами социального поведения, сформированными у участников коммуникативного взаимодействия; отмечены очевидные доминантные тренды, которые позволяют говорить о наиболее характерных принципах ранжирования средовых факторов.

Для проверки второй экспериментальной гипотезы было разработано задание, в котором испытуемым предложен ряд коммуникативных ситуаций, предполагающих ответное действие, в том числе речевое. Выявлено, что коммуникация *наиболее очевидно* определяется индивидуальными характеристиками коммуникантов.

В третьем эксперименте устанавливалось, какие адаптационные механизмы используют коммуниканты для восстановления равновесных отношений со средой. Оказалось, что испытуемые в целом ориентированы на использование шаблонных ответных речевых действий. При этом были

идентифицированы наиболее типичные адаптационные свойства, используемые субъектами коммуникации в заданных ситуациях общения.

Второй этап эмпирической части исследования состоял в анализе реализованной коммуникации, зафиксированной в виде опубликованных стенограмм политических дебатов, стенограмм заседаний ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, текстов статей из различных медиаисточников, материалов интернет-форумов. В этих и других доступных для анализа образцах коммуникация является *целостным речевым событием*, определяемым как завершенный акт коммуникативного взаимодействия, инициированного в момент нарушения равновесия между коммуникантом и средой и завершенного в момент, когда равновесие вновь восстанавливается. При этом количество речевых действий для восстановления равновесия может быть различным.

Перспективу исследования составляет, во-первых, разработка частных аналитических методик речевых событий, принадлежащих к разного типа дискурсам, на основе представленной обобщающей модели. Это позволит, с одной стороны, верифицировать объяснительный потенциал универсальной модели, с другой – установить возможную специфику речевого события как дискурсивного компонента. Во-вторых, необходимо детальное исследование (от лингвистического до нейрофизиологического) характера связности речевых событий, возможно, определяющей характер континуальности коммуникации. Решение двух первых перспективных задач позволит, в-третьих, операционализировать предложенную нами модель, т.е. сконструировать ряд частных моделей, применимых к конкретным областям коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдульмянова, Д. Р. Моделирование межличностного взаимодействия в интернет-коммуникации: экспериментальное исследование: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Абдульмянова Диана Рустамовна. – Москва, 2015. – 213 с. – Текст: непосредственный.
2. Александрова, Е. Н. Речевая коммуникация в рамках ситуации: на материале спортивного телерепортажа: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Александрова Елена Николаевна. – Уфа, 2011. – 196 с. – Текст: непосредственный.
3. Анохин, П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем / П. К. Анохин. – Москва: Наука, 1980. – 200 с. – Текст: непосредственный.
4. Антигены тканевой совместимости – HLA. Типирование антигенов / URL: <http://www.ld.ru/catalog/rts/stemcells/stem-cell-hla.html> (дата обращения: 15.07.2021). – Текст: электронный.
5. Апель, К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.-О. Апель // Вопросы философии. – 1997. – № 1. – С.76–92. – Текст: непосредственный.
6. Апель, К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель; Пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. – Москва: Логос, 2001. – 339 с. – Текст: непосредственный.
7. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. – Санкт-Петербург: Азбука, 2000. – 346 с. – Текст: непосредственный.
8. Аршинов, В. И. Автопоэзис и коммуникация / В. И. Аршинов // Феномен человека в его эволюции и динамике. – Москва: ИФРАН, 2009. – С. 208–248. – Текст: непосредственный.
9. Аршинов, В. И. Синергетика: от нелинейности к сложности / В. И. Аршинов // Неизбежность нелинейного мира. К 100-летию со дня

- рождения В. С. Готта. – Москва, 2012. – С. 60–73. – Текст: непосредственный.
10. Афанасьева, О. Ю. Понятие коммуникативной личности и его сущность в контексте коммуникативного образования / О. Ю. Афанасьева, М. Г. Федотова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 5. – С. 14–18. – Текст: непосредственный.
 11. Баженова, И. В. Актуальные проблемы лингвистической безопасности: монография / И. В. Баженова, В. А. Пищальникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 151 с. – Текст: непосредственный.
 12. Беликов, В. И. Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва: РГГУ, 2001. – 315 с. – Текст: непосредственный.
 13. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем – критический обзор / Л. фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем. – Москва: Прогресс, 1969. – С. 23–82. – Текст: непосредственный.
 14. Биология человека / <http://humbio.ru/humbio/immunology/imm-gal/000b13fc.htm> (дата обращения: 29.09.2021). – Текст: электронный.
 15. Блумер, Г. Символический интеракционизм / Г. Блумер. – Москва: Элементарные формы, 2017. – 346 с. – Текст: непосредственный.
 16. Бобра, Т. В. Философско-методологические аспекты исследования геоэкотонов и экотонизации геопространства / Т. В. Бобра // Сборник научных статей и эссе на тему организации геопространства, геоэкотонов и экотонизации (2004-2006 гг.). – Симферополь: ТНУ, 2007. – С. 5–25. – Текст: непосредственный.
 17. Богин, Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику / Г. И. Богин. – Москва: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. – 731 с. – Текст: непосредственный.
 18. Болотова, А. К. Психология коммуникаций: монография / А. К. Болотова, Ю. М. Жуков. – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 544 с. – Текст: непосредственный.

- 19.Болохонцева, Н. М. Скрытый коммуникативный дискомфорт как явление диалога: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Наталья Михайловна Болохонцева. – Орел, 2011. – 175 с. – Текст: непосредственный.
- 20.Бугорская, Н. В. Проблема термина и терминологические проблемы: монография / Н. В. Бугорская. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2007. – 390 с. – Текст: непосредственный.
- 21.Бутакова, Л. О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка: экспериментальное исследование речи школьников одного региона: монография / Л. О. Бутакова. – Омск: Омск. государственный университет им. Ф. М. Достоевского, «Вариант-Омск», 2010. – 150 с. – Текст: непосредственный.
- 22.Бутакова, Л. О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка. Региональное экспериментальное исследование / Л. О. Бутакова. – Москва: Флинта, 2021. – 156 с. – Текст: непосредственный.
- 23.Быков, И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: специальность 10.01.10 «Журналистика»: диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Илья Анатольевич Быков. – Санкт-Петербург, 2016. – 322 с. – Текст: непосредственный.
- 24.Вербилевич, О. Е. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал / О. Е. Вербилевич // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. – Москва: Вариант, 2013. – С. 35–52. – Текст: непосредственный.

25. Викулова, Л. Г. Коммуникация. Теория и практика / Л. Г. Викулова, М. Р. Желтухина, С. А. Герасимова, И. В. Макарова. – Москва: Восточная книга, 2020. – 336 с. – Текст: непосредственный.
26. Винер, Н. Человек управляющий / Н. Винер; Серия «Психология-классика». – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 288 с. – Текст: непосредственный.
27. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 178 с. – Текст: непосредственный.
28. Витгенштейн, Л. Философские работы. Часть 1 / Л. Витгенштейн; Пер. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. – Москва: Гнозис, 1994. – 612 с. – Текст: непосредственный.
29. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн; Пер. с нем. И. Добронравова, Д. Лахути. – Москва: АСТ, 2018. – 160 с. – Текст: непосредственный.
30. Гавра, Д. П. Основы теории коммуникации / Д. П. Гавра. – Санкт-Петербург: Питер, 2011. – 288 с. – Текст: непосредственный.
31. Галичкина, Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Елена Николаевна Галичкина. – Астрахань, 2012. – 373 с. – Текст: непосредственный.
32. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин; Лингвистическое наследие XX века. – Москва: КомКнига, 2007. – 144 с. – Текст: непосредственный.
33. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель; Серия «Мастера социологии». – Санкт-Петербург: Питер, 2007. – 336 с. – Текст: непосредственный.
34. Герман, И. А. Речевая деятельность как самоорганизующаяся система: к становлению лингвосинергетической парадигмы: специальность

- 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ирина Александровна Герман. – Барнаул, 1999. – 22 с. – Текст: непосредственный.
35. Герман, И. А. Введение в лингвосинергетику / И. А. Герман, В. А. Пищальникова. – Барнаул: Издательство АлтГУ, 1999. – 130 с. – Текст: непосредственный.
36. Герман, И. А. Лингвосинергетика: монография / И. А. Герман. – Барнаул: Алтайская академия экономики и права, 2000. – 168 с. – Текст: непосредственный.
37. Гнатюк, О. Л. Основы теории коммуникации / О. Л. Гнатюк. – Москва: КНОРУС, 2010. – 256 с. – Текст: непосредственный.
38. Голуб, О. Ю. Теория коммуникации / О. Ю. Голуб, С. В. Тихонова. – Москва: Дашков и К°, 2011. – 386 с. – Текст: непосредственный.
39. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 217–238. – Текст: непосредственный; URL: <http://kant.narod.ru/grice.htm> (дата обращения: 14.08.2021). – Текст: электронный.
40. Грачев, М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М. Н. Грачев. – Москва: Прометей, 2004. – 328 с. – Текст: непосредственный; URL: http://grachev62.narod.ru/Grachev/n56_04_02.htm дата обращения: 30.07.2021). – Текст: электронный.
41. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – Москва: Прогресс, 2001. – 400 с. – Текст: непосредственный.
42. Гуц, Е. Н. Репрезентация образов сознания подростка некодифицированными языковыми знаками: психолингвистический аспект: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на

- соискание ученой степени доктора филологических наук / Елена Николаевна Гуц. – Омск, 2005. – 486 с. – Текст: непосредственный.
43. Девятко, И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности / И. Ф. Девятко. – Москва: Аванти плюс, 2003. – 336 с. – Текст: непосредственный.
44. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Москва: Прогресс, 1989. – 310 с. – Текст: непосредственный.
45. Дейк, Т. А. ван. К определению дискурса / Т. А. ван Дейк. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 20.01.2021). – Текст: электронный.
46. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций: монография / Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц, Е. А. Козловская. – Омск: Издательский дом «Наука», 2018. – 446 с. – Текст: непосредственный.
47. Дискурс в современном мире: психологические исследования: монография / И. А. Зачесова, Н. Д. Павлова и др. – Москва: Институт психологии РАН, 2011. – Текст: непосредственный.
48. Дискурс и коммуникация: монография / Под ред. Е. В. Грудевой. – Новосибирск, СибАК, 2015. – 234 с. – Текст: непосредственный.
49. Жебит, В. А. Энергетический мир человеческого сознания / В. А. Жебит. – Москва: Спутник, 2014. – 231 с. – Текст: непосредственный.
50. Залевская, А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека / А. А. Залевская. – Калинин: КГУ, 1977. – 83 с. – Текст: непосредственный.
51. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А. А. Залевская. – Москва: Гнозис, 2005. – 543 с. – Текст: непосредственный.
52. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – Москва: РГГУ, 2007. – 560 с. – Текст: непосредственный.

- 53.Залевская, А. А. Значение слова через призму эксперимента / А. А. Залевская. – Москва: Директ-Медиа, 2013. – 240 с. – Текст: непосредственный.
- 54.Залевская, А. А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова / А. А. Залевская. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 328 с. – Текст: непосредственный.
- 55.Зинченко, В. В. Дискурс коммуникации: личность, общество, практика: монография / В. В. Зинченко, Л. А. Королева. – Пенза: ПГУАС, 2014. – 184 с. – Текст: непосредственный.
- 56.Каган, М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М. С. Каган. – Москва: Политиздат, 1988. – 319 с. – Текст: непосредственный.
- 57.Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. – Текст: непосредственный.; URL: https://www.academia.edu/24179482/Karasik_v_i_yazykovoy_krug_lichnost_kontsepty_diskurs (дата обращения: 18.07.2021). – Текст: электронный.
- 58.Карасик, В. И. Дискурсивная персонология / В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 78–86. – Текст: непосредственный.
- 59.Караулов, Ю. Н. Ассоциативная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. – Москва: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с. – Текст: непосредственный.
- 60.Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира: сборник статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Москва, 2000. – С. 191–206. – Текст: непосредственный.
- 61.Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с. – Текст: непосредственный.

62. Карданова-Бирюкова, К. С. Рекурсивное взаимодействие как основа межличностной коммуникации (на основе анализа стенограммы телепередачи «К барьеру!») / К. С. Карданова-Бирюкова // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2013. – № 2 (12). – С. 77–86. – Текст: непосредственный.
63. Карданова-Бирюкова, К. С. Иерархизация средовых факторов субъектом коммуникации как основа коммуникативного взаимодействия / К. С. Карданова-Бирюкова // Методология современного языкознания – 2: Вопросы внешней лингвистики (Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация). – Москва: ЛЕНАНД, 2016. – С. 104–124. – Текст: непосредственный.
64. Карданова-Бирюкова, К. С. Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) / К. С. Карданова-Бирюкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. «Языкознание». – 2018. – Т. 17. – № 1. – С. 85–97. – Текст: непосредственный.
65. Карданова-Бирюкова, К. С. Сопоставительный анализ динамики «имперского» сознания американцев и русских (по данным ассоциативного эксперимента) / К. С. Карданова-Бирюкова // Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: монография; под ред. В. А. Пищальниковой. – Москва: Р. Валент, 2019. – С. 146–181. – Текст: непосредственный.
66. Карданова-Бирюкова, К. С. Теория аутопоэза как методологическая основа научных исследований / К. С. Карданова-Бирюкова // Методология современного языкознания – 3: сборник статей в честь юбилея В. А. Пищальниковой. – Москва: Р. Валент, 2021а. – С. 112–129. – Текст: непосредственный.
67. Карданова-Бирюкова, К. С. Коммуникация как междисциплинарный исследовательский объект / К. С. Карданова-Бирюкова // Вестник МГЛУ.

- Серия: Гуманитарные науки. – Вып. 2 (844). – 2021б. – С. 24–34. – Текст: непосредственный.
68. Карданова-Бирюкова, К. С. Выстраивание коммуникативного пространства носителями русского языка: универсальное и индивидуальное / К. С. Карданова-Бирюкова // Когнитивные исследования языка. – Вып. 3 (46): Язык и мышление в эпоху глобальных перемен. – Москва: ФЛИНТА, 2021в. – С. 806–810. – Текст: непосредственный.
69. Кассирер, Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культур / Э. Кассирер; Пер. А.Н. Муравьев // Проблема человека в западной философии. – Москва: Прогресс, 1988. – С. 3-30. – Текст: непосредственный.
70. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с. – Текст: непосредственный.
71. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс; Пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. – Москва: ГУ ВШЭ, 2016. – 563 с. – Текст: непосредственный.
72. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации / В. Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с. – Текст: непосредственный.
73. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия / Е. В. Ключев. – Москва: РИНОЛ КЛАССИК, 2002. – 316 с. – Текст: непосредственный.
74. Клюканов, И.Э. Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование / И. Э. Клюканов. – Тверь: ТвГУ, 1998. – 100 с. – Текст: непосредственный.
75. Клюканов, И. Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора

- филологических наук / Игорь Энгелевич Клюканов. – Тверь: ТвГУ, 1999. – 290 с. – Текст: непосредственный.
76. Клюканов, И. Э. Коммуникативный универсум / И. Э. Клюканов. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 256 с. – Текст: непосредственный.
77. Клюканов, И. Э. Сообщение и забытие / И. Э. Клюканов; Серия «Humanitas». – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив (ЦГИ Принт), 2018. – 288 с. – Текст: непосредственный.
78. Князева, Е. Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – Москва: URSS, 1994. – 336 с. – Текст: непосредственный.
79. Князева, Е. Н. Познание как смыслопорождающая деятельность: на перекрестке биосемиотики и когнитивной науки / Е. Н. Князева // Прахе́та. Проблемы визуальной семиотики. – 2014. – № 2. – С. 26–44. – Текст: непосредственный.
80. Коммуникативная рациональность и социальные коммуникации / под ред. И. Т. Касавина, В. Н. Поруса. – Москва: Альфа-М, 2012. – 464 с. – Текст: непосредственный.
81. Конецкая, В. П. Социология коммуникаций / В. П. Конецкая. – Москва: Международный университет бизнеса и управления (Братя Карич), 1997. – 302 с. – Текст: непосредственный.
82. Кравченко, А. В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка / А. В. Кравченко. – Иркутск, 2001. – 260 с. – Текст: непосредственный.
83. Кравченко, А. В. Когнитивный горизонт языкознания / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – 320 с. – Текст: непосредственный.
84. Кравченко, А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания / А. В. Кравченко; Серия: Разумное поведение и язык. Language and Reasoning. – Москва:

- Рукописные памятники Древней Руси, 2013. – 388 с. – Текст: непосредственный.
- 85.Красильникова, Е. В. Иноязычная коммуникативная компетенция в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Е. В. Красильникова // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 1. – С. 179–184. – Текст: непосредственный.
- 86.Леонтьев, А. Н. Потребности. Мотивы. Эмоции. (Конспект лекций) / А. Н. Леонтьев. – Москва: Изд-во МГУ, 1971. – 39 с. – Текст: непосредственный.
- 87.Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва: Политиздат, 1975. – 304 с. – Текст: непосредственный.
- 88.Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – Москва: Изд-во МГУ, 1981. – 584 с. – Текст: непосредственный.
- 89.Леонтьев, А. Н. Эволюция психики / А. Н. Леонтьев. – Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – 416 с. – Текст: непосредственный.
- 90.Леонтьев, А. А. Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность) / А. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 2001. – 392 с. – Текст: непосредственный.
- 91.Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 2003а. – 287 с. – Текст: непосредственный.
- 92.Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – Москва: УРСС, 2003б. – 312 с. – Текст: непосредственный.
- 93.Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – Москва: УРСС, 2003в. – 284 с. – Текст: непосредственный.
- 94.Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – Москва: УРСС, 2003г. – 216 с. – Текст: непосредственный.

95. Леонтьев, А. А. Психология воздействия в массовой коммуникации / А. А. Леонтьев // Язык средств массовой информации. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2003д. – С. 97–107. – Текст: непосредственный.
96. Леонтьев, А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ / А. А. Леонтьев // Язык средств массовой информации. – Часть 2. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 66–88. – Текст: непосредственный.
97. Лукач, Д. К онтологии общественного бытия: Прологомены / Д. Лукач. – Москва: Прогресс, 1991. – 417 с. – Текст: непосредственный.
98. Луман, Н. Введение в системную теорию / Н. Луман; под ред. Д. Беккера. – Москва: Логос, 2007а. – 360 с. – Текст: непосредственный.
99. Луман, Н. Социальные системы: очерк общей теории / Н. Луман; под ред. Н. А. Головина. – Санкт-Петербург: Наука, 2007б. – 644 с. – Текст: непосредственный.
100. Марюхин, А. П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе: на материале русского, английского, немецкого языков: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Александр Петрович Марюхин. – Москва, 2010. – 166 с. – Текст: непосредственный.
101. Матурана, У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект: сборник научных трудов; сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. – Москва: Прогресс, 1995. – С. 95–142. – Текст: непосредственный.
102. Матурана, У. Древо познания / У. Матурана, Фр. Варела. – Москва: Прогресс-традиция, 2001. – 224 с. – Текст: непосредственный.
103. Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: сборник статей / под общ. ред. Л. М. Босовой. – Барнаул: Издательство АлтГУ, 2000. – 157 с. – Текст: непосредственный.
104. Месарович, М. Общая теория систем: математические основы / М. Месарович, Я. Такахара. – Москва: Мир, 1978. – 312 с. – Текст: непосредственный.

105. Мичурин, Д.С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ: на материале русскоязычных имидж-форумов: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дмитрий Сергеевич Мичурин. – Москва, 2014. – 162 с. – Текст: непосредственный.
106. Михалёва, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалёва. – Москва: URSS, 2009. – 256 с. – Текст: непосредственный.
107. Назаров, М. М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования: монография / М. М. Назаров. – Москва: URSS; Ленанд, 2018. – 378 с. – Текст: непосредственный.
108. Назарчук, А. В. Язык в трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля / А. В. Назарчук // *Вопросы философии*. – 1997. – № 1. – С. 69–75. – Текст: непосредственный.
109. Назарчук, А. В. Теория коммуникации в современной философии / А. В. Назарчук. – Москва: Прогресс-традиция, 2009. – 320 с. – Текст: непосредственный.
110. Недосека, О. Н. Основы теории коммуникации / О. Н. Недосека. – Москва: Владос, 2010. – 103 с. – Текст: непосредственный.
111. Нилова, К. В. Межпоколенческая внутрисемейная коммуникация: социопсихолингвистический аспект: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кристина Васильевна Нилова. – Уфа, 2015. – 261 с. – Текст: непосредственный.
112. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – Москва: Прогресс, 1986. – 424 с. – Текст: непосредственный.
113. Овчинникова, И. Г. Компьютерное моделирование вербальной коммуникации / И. Г. Овчинникова, И. А. Углонова. – М.: Флинта, 2010. – 136 с. – Текст: непосредственный.

114. Осадчий, М. А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Михаил Андреевич Осадчий. – Кемерово, 2012. – 370 с. – Текст: непосредственный.
115. Остин Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: теория речевых актов. – Вып. XVII. – Москва, 1986. – С. 27–131. – Текст: непосредственный.
116. Остин, Дж. Перформативы-констативы / Дж. Остин // Философия языка. – Москва: Едиториал УРСС, 2010. – С. 23–34. – Текст: непосредственный.
117. Панарина, Н. С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Надежда Сергеевна Панарина. – Москва, 2017. – 257 с. – Текст: непосредственный.
118. Парсонс, Т. Социальные системы / Т. Парсонс // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. II. – Вып. 1 (2). – С. 38–71. – Текст: непосредственный.
119. Петренко, В. Ф. Целеустремленные системы, эволюция и субъектный аспект системологии / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун // Труды ИСА РАН. – 2012. – Том 62. – № 1. – С. 5–27. – Текст: непосредственный.
120. Пищальникова, В. А. Проблема смысла поэтического текста. Психолингвистический аспект: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Вера Анатольевна Пищальникова. – Барнаул, 1992. – 356 с. – Текст: непосредственный.

121. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики (в 3х томах) / В. А. Пищальникова. – Т. 1. – Москва: Институт языкознания РАН; МГЛУ, 2005. – 296 с. – Текст: непосредственный.
122. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики (в 3х томах) / В. А. Пищальникова. – Т. 2: Этнопсихолингвистика. – Москва: Институт языкознания РАН; МГЛУ, 2007. – 208 с. – Текст: непосредственный.
123. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики (в 3х томах) / В. А. Пищальникова. – Т. 3: Психопоэтика. – Москва: АСОУ, 2010а. – 144 с. – Текст: непосредственный.
124. Пищальникова, В. А. Теория самоорганизации и лингвистика: научно-аналитический обзор / В. А. Пищальникова // Современные парадигмы языкознания / В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин, М. К. Тимофеева. – Москва: АСОУ, ИНИОН РАН, 2010б. – С. 3–24. – Текст: непосредственный.
125. Пищальникова, В. А. Методологическая обработка междисциплинарных терминов / В. А. Пищальникова // Слово и текст: психолингвистический подход. – 2014. – № 14. – С. 65–68. – Текст: непосредственный.
126. Пищальникова, В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики / В. А. Пищальникова // Russian Journal of Linguistics. – 2019а. – Т. 23. – №. 3. – С. 749–761. – doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761. – Текст: непосредственный.
127. Пищальникова, В. А. Общее языкознание: Часть 1. Учебник / В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин. – Москва: Р. Валент, 2019б. – 480 с. – Текст: непосредственный.
128. Пищальникова, В. А. Общее языкознание: Часть 2. Практикум / В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин. – Москва: Р. Валент, 2019в. – 298 с. – Текст: непосредственный.

129. Пищальникова, В. А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы / В.А. Пищальникова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2020а. – Т. 10. – № 1. – С. 17–29. – Текст: непосредственный.
130. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики: монография / В. А. Пищальникова. – Москва: Р. Валент, 2020б. – 488 с. – Текст: непосредственный.
- 131.
132. Пищальникова, В. А. Общее языкознание: Часть 3. Лингвистика в междисциплинарных исследованиях языка и речи / В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин. – Москва: Р. Валент, 2021. – 416 с. – Текст: непосредственный.
133. Пищальникова, В. А. Ю. А. Сорокин: текст как саморазвивающаяся сущность / В. А. Пищальникова // Вопросы психолингвистики. – 2021. – № 2 (48). – С. 86–95. – doi: 10.30982/2077-5911-2021-48- 2-86-95. – Текст: непосредственный.
134. Попова, О. В. Тип личности как детерминанта вербального поведения политика (на материале англоязычного политического дискурса): специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ольга Валентиновна Попова. – Москва, 2020. – 222 с. – Текст: непосредственный.
135. Пригожин, И. Р. От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках / И. Р. Пригожин. – Москва: Наука; Гл. ред. физ.-мат. лит., 1985. – 328 с. – Текст: непосредственный.
136. Пригожин, И. Р. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Р. Пригожин, И. Стенгерс. – Москва: Прогресс, 1986. – 432 с. – Текст: непосредственный.

137. Прокошенкова, Л. П. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике / Л. П. Прокошенкова, И. Б. Гецкина // Вестник чувашского университета. – 2006. – № 4. – С. 451–456. – Текст: непосредственный.
138. Прохоров, М. М. Процессуальность бытия / М. М. Прохоров // Философия и культура. – 2016. – № 3. – С. 320–336. – doi: 10.7256/1999-2793.2016.3.16849. – Текст: непосредственный.
139. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 326 с. – Текст: непосредственный.
140. Рид, Р. Основы теории передачи информации / Р. Рид. – Москва: Вильямс, 2005. – 320 с. – Текст: непосредственный.
141. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – Москва: Лабиринт, 2004. – 317 с. – Текст: непосредственный.
142. Седов, К. Ф. Теоретическая модель психолингвоперсонологии / К. Ф. Седов // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 12–23. – Текст: непосредственный.
143. Серль, Дж. Что такое речевой акт / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: теория речевых актов. – Вып. XVII. – Москва, 1986. – С. 151–169. – Текст: непосредственный.
144. Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности / Отв. ред В. И. Аршинов, Е. Н. Князева. – Москва: Прогресс-Традиция, 2011. – 500 с. – Текст: непосредственный.
145. Сознание. Язык. Мозг: коллективная монография / Под ред. Е. Ф. Тарасова, И. В. Журавлева. – Москва: Издательство ИЯз РАН, 2020. – 180 с. – Текст: непосредственный.
146. Соколов, А. В. Метатеория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург: Издательство Российской национальной библиотеки, 2001. – 352 с. – Текст: непосредственный.

147. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург: Михайлов, 2002. – 459 с. – Текст: непосредственный.
148. Сонин, А. Г. Когнитивная лингвистика: становление парадигмы / А. Г. Сонин. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2002. – 222 с. – Текст: непосредственный.
149. Сонин, А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Александр Геннадиевич Сонин. – Москва, 2006а. – 323 с. – Текст: непосредственный.
150. Сонин, А. Г. О значении смысла и смысле значения (в биологии и в психологической теории деятельности) / А. Г. Сонин // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сборник научных статей. – Вып. 10. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2006б. – С. 218–228. – Текст: непосредственный.
151. Сонин, А. Г. Теория аутопоэза и когнитивная лингвистика / А. Г. Сонин // Современные парадигмы языкознания / В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин, М. К. Тимофеева. – Москва: АСОУ, ИНИОН РАН, 2010. – С. 25–44. – Текст: непосредственный.
152. Сорокин, Ю. А. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, А. М. Шахнарович. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 328 с. – Текст: непосредственный.
153. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – Москва: Прогресс, 1977. – 696 с. – Текст: непосредственный.
154. Степыкин, Н. И. Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Николай Иванович Степыкин. – Москва, 2021. – 457 с. – Текст: непосредственный.

155. Сулейманова, О. А. Диалог с Другим в академическом дискурсе / О. А. Сулейманова // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик: мат-лы Первой междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 – 16 апреля 2016 г.) – Москва: Языки народов мира, 2016. – С. 539–547. – Текст: непосредственный.
156. Сулейманова, О. А. К вопросу о нормативности письменного академического дискурса / О. А. Сулейманова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – № 2(26). – 2017. – С. 52–61. – Текст: непосредственный.
157. Сулейманова, О. А. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / О. А. Сулейманова – Москва: URSS: Ленанд, 2018. – 320 с. – Текст: непосредственный.
158. Тивьяева, И. В. Когнитивно-коммуникативный подход к исследованию языковой репрезентации процессов памяти / И. В. Тивьяева // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 1 (31). – С. 124–138. – Текст: непосредственный.
159. Тивьяева, И. В. Фиксация и трансляция индивидуальной памяти средствами естественного языка / И. В. Тивьяева. – Москва: Флинта: Наука, 2018а. – 224 с. – Текст: непосредственный.
160. Тивьяева, И. В. Когнитивно-коммуникативная концепция мнемической деятельности: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / И. В. Тивьяева. – М.: МГПУ, 2018б. – 389 с. – Текст: непосредственный.
161. Трофимова, И. Н. Синергия динамики тела и восприятия мира / И. Н. Трофимова // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 3. Когнитивные процессы / Под ред. В. И. Аршинова, И. Н. Трофимовой, В. М. Шендяпина. – Москва: Когнито-центр, 2004. – С. 61–81. – Текст: непосредственный.

162. Ухтомский, А. А. Собрание сочинений. Том 1. Учение о доминанте / А. А. Ухтомский. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1950. – 310 с. – Текст: непосредственный.
163. Феномен человека в его эволюции и динамике / Отв. ред. С. С. Хоружий, О. И. Генисаретский. – Москва: ИФРАН, 2009. – 287 с. – Текст: непосредственный.
164. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – Санкт-Петербург: Ювента, 1999. – 320 с. – Текст: непосредственный.
165. Филиппов, А. Ф. Теория систем: аутопойэсис продолжается / А. Ф. Филиппов // Социологическое обозрение. – Т. 3. – 2003. – № 1. – С. 50–58. – Текст: непосредственный.
166. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – Москва: Наука, 2006. – 377 с. – Текст: непосредственный.
167. Христова, Н. А. Нарушение языковой нормы в текстах СМИ: влияние на познавательные структуры индивида: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Наталья Алексеевна Христова. – Москва, 2006. – 206 с. – Текст: непосредственный.
168. Хутиз, И. П. Диалогичность в письменном академическом дискурсе: кросс-культурный анализ / И. П. Хутиз // Жанры и типы текстов в научном и медийном дискурсе: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орел, 2013. – С. 30–40. – Текст: непосредственный.
169. Хутиз И.П. Академический дискурс. Культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний / И. П. Хутиз. – Москва: Флинта; Наука, 2015. – 176 с. – Текст: непосредственный.
170. Чамкин, А. С. Основы коммуникологии (теория коммуникации) / А. С. Чамкин. – Москва: ИНФРА-М, 2013а. – 350 с. – Текст: непосредственный.
171. Чамкин, А. С. Социология коммуникации / А. С. Чамкин. – Москва: ИНФРА, 2013б. – 295 с. – Текст: непосредственный.

172. Черри, К. Человек и информация / К. Черри. – Москва: Связь, 1972. – 368 с. – Текст: непосредственный.
173. Чихарев, И. А. Политические коммуникации: пределы и возможности концептуального моделирования / И. А. Чихарев, В. Ю. Бровко, Г. А. Кожедуб // Политическая наука. – 2015. – № 2. – С. 212–231. – Текст: непосредственный.
174. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1963. – 830 с. – Текст: непосредственный.
175. Шилина, М. Г. Интернет-коммуникация как фактор трансформации информационной сферы: специальность 10.01.10 «Журналистика»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Марина Григорьевна Шилина. – Санкт-Петербург, 2012. – 961 с. – Текст: непосредственный.
176. Шляхов, В. И. Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении / В. И. Шляхов. – Москва: КРАСАНД, 2010а. – 200 с. – Текст: непосредственный.
177. Шляхов, В. И. Сценарная основа речевого общения: технология обучения / В. И. Шляхов. – Москва: КРАСАНД, 2010б. – 136 с. – Текст: непосредственный.
178. Шульга, Н. В. Основы теории коммуникации / Н. В. Шульга. – Омск: ОмГУПС, 2010. – 52 с. – Текст: непосредственный.
179. Шюц, А. Теория социального действия / А. Шюц, Т. Парсонс. – М.: Элементарные формы, 2021. – 224 с. – Текст: непосредственный.
180. Эриксон, Э. Г. Идентичность, Юность и Кризис / Э. Г. Эриксон; Библиотека зарубежной психологии. – Москва: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. – 352 с. – Текст: непосредственный.
181. Эриксон, Э. Г. Детство и общество / Э. Г. Эриксон; Мастера психологии. – Москва: Прогресс книга, 2019. – 448 с. – Текст: непосредственный.

182. Against the Mainstream: the Selected Works of George Gerbner / Morgan M., ed. – New York: Peter Lang, 2002. – 528 p. – Text: direct.
183. Akmajian, A. Linguistics: An Introduction to Language and Communication / A. Akmajian, R. A. Demers, R. M. Harnish. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1979. – 357 p. – Text: direct.
184. Allner, Ch. Talk Digitally: Communication Models Applied to Multimedia Platforms and Networks within the Social Web / Ch. Allner // 10plus1: Living Linguistics. Issue 1. Media Linguistics. – 2015. – Pp.106–112. – Text: direct.
185. Breyer, J. Evolving reaction-diffusion ecosystems with self-assembling structures in thin films / J. Breyer, J. Ackermann, J. McCaskill // Artificial Life. – 1998. – Vol. 4. – Pp. 25–40. – Text: direct.
186. Campbell, A. The American voter / A. Campbell, P. E. Converse, W. E. Miller, D. E. Stokes. – New York: John Wiley & Sons, Inc., 1960. – 573 p. – Text: direct.
187. Castells, M. Mobile Communication and Society: A Global Perspective / M. Castells. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2006. – 331 p. – Text: direct.
188. Cohen, I. R. Tending Adam's garden. – San Diego, CA: Academic Press, 2000. – 296 p. – Text: direct.

189. Contemporary Linguistics: An Introduction / Ed. by W. O'Grady, J. Archibald, M. Aronoff, J. Rees-Miller. – Boston: Bedford / St. Martin's, 2001. – 751 p. – Text: direct.
190. Converse, P.E. Theodore Mead Newcomb / P. E. Converse // Biographical Memoirs. – 1994. – Volume 64. – Pp. 320–338. – Text: direct; URL: <http://www.nap.edu/read/4547/chapter/15#329> (data of accept: 11.05.2020). – Text: electronic.
191. Dance, F.E.X. The “concept” of communication / F. E. X. Dance // Journal of Communication. – 1970. – #20. – P.p. 201–210. – Text: direct.
192. DeFleur, M.L. Theories of Mass Communication / M. L. DeFleur, S. J. Ball-Rokeach. – New York; London: Longman, 1989. – 368 p. – Text: direct.
193. Doherty, C. Reconstructing AI / C. Doherty // AUTOPOIESIS AND PERCEPTION: A Workshop with ESPRIT BRA 3352 (ADDENDUM). – Dublin: Dublin City University, 1992. – Pp. 137–144. – Text: direct; URL: <http://www.eeng.dcu.ie/~alife/bmcm9401/> (data of accept: 19.02.2020). – Text: electronic.
194. Gardner, H. On cellular automata, self-reproduction, the garden of eden, and the game “Life” / H. Gardner // Scientific American. – 1971. – Vol. 224. – Pp. 112–117.
195. Habermas, J. Communication and the Evolution of Society / J. Habermas. – Boston: Beacon press, 1979. – 240 p – Text: direct.
196. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – 2 Bd. – Frankfurt am Main, 1981. – 1216 S. – Text: direct.
197. Hall, W. Organizational Autopoiesis and Knowledge Management / W. Hall / URL: <http://www.orgs-evolution-knowledge.net/Index/DocumentKMOrgTheoryPapers/Hall2003OrganizationalAutopoiesisKnowledgeManagement.pdf> (data of accept: 05.01.2018). – Text: electronic.

198. Hershberg, U. The Immune System and Other Cognitive Systems / U. Hershberg, S. Efroni // Complexity. – 2001. – Vol. 6 (5). – Pp. 14–21. – Text: direct.
199. Hymes, D. On Communicative Competence / D. Hymes // Sociolinguistics / Eds. J. B. Pride and J. Holmes. – Harmondsworth: Penguin, 1972. – Pp. 269–293. – Text: direct; URL: <https://fddocuments.in/document/on-communicative-competence-01-by-dell-hymes.html> (data of accept: 11.05.2020). – Text: electronic.
200. International Encyclopedia of Communications: 4 Volumes / E. Barnouw, ed. – Philadelphia, Penn.: Oxford University Press, 1989. – 1960 p. – Text: direct.
201. Kardanova-Biryukova, K. S. Principles of Interpersonal Communication: Experimental Validation of the Model / K. S. Kardanova-Biryukova // Sprachen für Europa. Mehrsprachigkeit als Chance (Language(s) for Europe. Multilingualism as a Chance). Selected papers of the 52nd Linguistics Colloquium in Erlangen. – Erlangen, 2017. – C. 265–272. – Text: direct.
202. Katz, E. Personal Influence: the part played by people in the flow of mass communications / E. Katz, P. F. Lazarsfeld. – Piscataway, NJ: Transaction Publishers, 1966. – 400 p. – Text: direct.
203. Klyukanov, I. Principles of Intercultural Communication / I. Klyukanov. – Boston: Pearson Education, Inc., 2005. – 290 p. – Text: direct.
204. Klyukanov, I. A Communication Universe: Manifestations of Meaning, Stating of Significance / I. Klyukanov. – Chicago: Lexigton Books, 2011. – 245 p. – Text: direct.
205. Lasswell, H. Propaganda Technique in the World War / H. Lasswell. – Eastford, CT: Martino Fine Books, 2013. – 244 p. – Text: direct.

206. Lazarsfeld, P. The People's Choice. How the voter makes up his mind in a presidential campaign / P. Lazarsfeld, B. Berelson, H. Gaudet. – New York: Duell, Sloan & Pearce, 1944. – 178 p. – Text: direct.
207. Lenat, D. On the thresholds of knowledge / D. Lenat, E. Feigenbaum // Artificial Intelligence. – 1991. – Vol. 47. – Pp. 185-250. – Text: direct.
208. Leydesdorff, L. A Sociological Theory of Communication: The Self-Organization of the knowledge based society / L. Leydesdorff. – Boca Raton, Florida: Universal publishers, 2003. – 359 p. – Text: direct.
209. Leydesdorff, L. The knowledge-based economy: modeled, measured, simulated / L. Leydesdorff. – Boca Raton, Florida: Universal publishers, 2006. – 392 p. – Text: direct.
210. Mariotti, H. On autopoiesis, culture and society / H. Mariotti / URL: <http://www.oikos.org/mariotti.htm> (data of accept: 27.08.2021). – Text: electronic.
211. Maslow, A. Motivation and Personality / A. Maslow. – New York, NY Harper & Row Publishers, 1954. – 411 p. – Text: direct.
212. Maslow, A. Toward a Psychology of Being / A. Maslow. – Princeton, N.J., Van Nostrand, 1962. – 214 p. – Text: direct.
213. Maturana, H. R. Biology of Language: the Epistemology of Reality / H. R. Maturana // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg / Miller G.A., Lenneberg E. (Eds.). – New York: Academic Press, 1978. – Pp. 27–63. – Text: direct.
214. Maturana, H. R. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living / H. R. Maturana, Fr. Varela // Boston Studies in the Philosophy of Science. – Vol. 42. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1980. – Pp. 5–58. – Text: direct.
215. Maturana, H. R. The biological foundation of self-consciousness and the physical domain of existence / H. R. Maturana // Physics of cognitive Processes. World Scientific. – Singapore, 1987. – Pp. 324–379. – Text: direct.

216. Maturana, H. R. Brain, Language and the Origin of Human Mental Functions / H. R. Maturana // *Biological Research*. – 1995. – Vol. 28. – Pp. 15–26. – Text: direct.
217. Meier, A. Computer-Mediated Communication, Social Media, and Mental Health: A Conceptual and Empirical Meta-Review / A. Meier, L. Reinecke // *Communication Research*. <https://doi.org/10.1177/0093650220958224> / URL: <https://psyarxiv.com/573ph/> (data of accept: 06.08.2021). – Text: electronic.
218. McMullin B. 30 Years of Computational Autopoiesis: A Review / B. McMullin // *Artificial Life*. – 2004. – Vol. 10. – Issue 3 / <http://www.eeng.dcu.ie/~mcmullin/> (data of accept: 27.08.2021). – Text: electronic.
219. McMullin, B. Towards the Implementation of Evolving Autopoietic Artificial Agents / B. McMullin, D. Gross // 6th European Conference on Artificial Life ECAL 2001 (September 10-14, 2001, University of Economics, Prague, Czech Republic) / URL: <http://www.eeng.dcu.ie/~mcmullin/> (data of accept: 27.08.2021). – Text: electronic.
220. Neumann J. Theory of Self-Reproducing Automata. Edited and completed by Arthur W. Burks / J. Nuemann. – Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 1966. – 403 p. – Text: direct.
221. Newcomb, T. M. An approach to the study of communicative acts / T. Newcomb // *Psychological Review*. – 1953. – # 60(6). – Pp. 393–404. – Text: direct.
222. Osgood, Ch. E. Language, Meaning, and Culture: The Selected Papers of Ch. E. Osgood / Ed. by O. C. Tzeng, Ch. E. Osgood. – New York: Praeger Publishers, 1990. – 415 p. – Text: direct.
223. Ono, N. Model of self-replicating cell capable of self-maintenance / N. Ono, T. Ikegami // *Proceedings of the 5th European Conference on*

- Artificial Life ECAL 1999 (Springer, 1999. Lausanne, Switzerland). – Prague, 1999. – Pp. 399–406. – Text: direct.
224. Ono, N. Self-maintenance and self-reproduction in an abstract cell model / N. Ono // *Journal of Theoretical Biology*. – 2000. – Vol. 206. – Pp. 243–253. – Text: direct.
225. Ono, N. Artificial chemistry: Computational studies on the emergence of self-reproducing units / N. Ono, T. Ikegami // *Advances in Artificial Life: Proceedings of the 6th European Conference on Artificial Life ECAL 2001* (September 10-14, 2001). – Prague, Czech Republic: University of Economics, 2001. – Pp. 186–195. – Text: direct.
226. Ono, N. Selection of catalysts through cellular reproduction / N. Ono, T. Ikegami // *Proceedings of the 8th International Conference on Artificial Life (ALIFE 8)*. – Sydney, Australia: MIT Press, 2002. – Pp. 57–64 / URL: <http://parallel.hpc.unsw.edu.au/complex/alife8/proceedings/sub2844.pdf> (data of accept: 25.10.2021). – Text: electronic.
227. Riegler, A. Constructivist Artificial Life, and Beyond / A. Riegler // *AUTOPOIESIS AND PERCEPTION: A Workshop with ESPRIT BRA 3352 (ADDENDUM)*. – Dublin: Dublin City University, 1992. – Pp. 121–136. – Text: direct.
228. *Seminars in Immunology* / Eds. R. E. Langman, M. Cohn. – 2000. – Vol. 12. – No. 3. – Text: direct.
229. Stevens, S.S. A definition of communication / S. S. Stevens // *Acoustical Society of America*. – 1950. – # 22. – Pp. 689–690. – Text: direct.
230. *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective* / M. Castells, ed. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, Edward Edgar Publishing, 2004. – 488 p. – Text: direct.
231. Zeleny, M. APL-AUTOPOIESIS: Experiments in self-organization of complexity / M. Zeleny // *Cybernetics and Systems Research*. – Vol. III. – Washington: Hemisphere Publishing Corporation, 1978. – Pp. 65–84. – Text: direct.

ИСТОЧНИКИ

232. К барьеру!: телевизионные политические дебаты [Видеозапись] / Автор и ведущий: В. Соловьев; дуэлянты: Б. Немцов, К. Затулин. – Выпуск 139. – выход в эфир: 5 апреля 2007 г. / URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a3kWBtD4GWo> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
233. К барьеру!: телевизионные политические дебаты [Видеозапись] / Автор и ведущий: В. Соловьев; дуэлянты: Н. Аширов, А. Дугин. – Выпуск 179. – выход в эфир: 22 мая 2008 г. / URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iUSgyEChoKQ> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
234. Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым: информационно-аналитическая программа [Видеозапись] / Автор и ведущий: В. Соловьев; участники: В. Жириновский, М. Симоньян, С. Багдасаров, Я. Кедми, А. Безруков, Д. Евстафьев. – Выход в эфир: 14 июня 2021 г. / URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NFRCrCwsiqc> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
235. US Message Board: Political Discussion Forum / URL: <https://www.usmessageboard.com> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
236. The Politics Forum / URL: <https://www.politicsforum.org> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
237. Debate Politics / URL: <https://www.debatepolitics.com> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
238. Beyond Blue Support Service / URL: <https://www.beyondblue.org.au/get-support/online-forums/young-people/compulsive-lying---support-advice-etc-> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.

239. Gransnet forums / URL: <https://www.gransnet.com/forums/health/1266537-Being-fat-and-out-of-control-fat-shaming> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
240. Видеоматериалы защит диссертаций Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова / URL: https://www.svf.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/dnii/otdel-dissertatsionnykh-sovetov/disser_soiskateli/video/ (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
241. Видеоматериалы защит диссертаций Волгоградского государственного университета / URL: https://volsu.ru/Aspirant/dissovet/calendar.php?arrFilter_pf%5BSOINET%5D=51&set_filter=%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%80&set_filte r=Y (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
242. The New York Times / URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
243. Political Crossfire Forum / URL: <http://www.politicalcrossfire.com> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
244. URL: conwaylife.com (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

245. Академик: словари и энциклопедии / URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/21474> (дата обращения: 15.10.2021). – Текст: электронный.
246. Большая российская энциклопедия / Ред. С. Л. Кравец. – Т. 14. – Москва: Большая российская энциклопедия, 2009. – 749 с. – Текст: непосредственный.
247. Кикель, П. В. Краткий энциклопедический словарь философских терминов / П. В. Кикель, Э. М. Сороко. – Минск: БГПУ, 2008. – 266 с. – Текст: непосредственный.

248. Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. И. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 790 с. – Текст: непосредственный; URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/kommunikatsiia/267> (дата обращения: 26.10.2021). – Текст: электронный.
249. Новая российская энциклопедия / под ред. А. Д. Некипелова, В. И. Данилова-Данильяна. – В 19 томах. – Т. 11 (1) Мистраль – Нагоя. – Москва: Энциклопедия, 2013. – 480 с.
250. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. – Москва: ИНФРА-М, 2009. – 569 с. – Текст: непосредственный.
251. Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина; Enciclopedia. – Москва: Гардарики, 2004. – 1072 с. – URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/articles/126/apel.htm> (дата обращения: 15.07.2021). – Текст: электронный.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Образец печатной экспериментальной анкеты

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АНКЕТА

Уважаемый участник эксперимента, спасибо за то, что Вы согласились принять участие в опросе. Просим Вам выполнять все задания последовательно и не оставлять поля пустыми. Инструкции и пояснения к каждому заданию приведены непосредственно перед ним. Спасибо Вам за Вашу помощь

Анкетные данные

Возраст: _____

Пол: _____

Образование: среднее, неполное высшее, высшее, иное _____

Задание №1. *Перечислите факторы, на которые Вы будете обращать внимание в следующих ситуациях. Распределите эти факторы в порядке значимости:*

Ситуация 1. Вы обсуждаете с коллегами (сокурсниками) актуальную социальную проблему. Ваши точки зрения не совпадают.

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____

Ситуация 2. Вы просматриваете странички друзей в социальной сети (типа ВКонтакте или Фейсбук)

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____

Ситуация 3. Ваш научный руководитель рекомендовал Вас для участия в конференции в известном вузе. Вы подготовили доклад. Завтра Вам предстоит выступить.

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____

Ситуация 4. Ваш сосед в поезде / самолете начинает разговаривать с Вами.

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____

Задание №2. *Опишите Ваши действия в следующих ситуациях:*

Ситуация 1. К Вам обратился с вопросом мужчина на улице. Вы не расслышали вопрос. Ваши действия:

Ситуация 2. В метро Вас буквально внесли в переполненный вагон. Вы кого-то случайно задели рукой. Вам сделали замечание. Ваши действия:

Ситуация 3. Вы общаетесь со знакомым/ой на остановке автобуса. Человек, также ожидающий автобус, слышит о чем Вы говорите и начинает участвовать в разговоре. Ваши действия:

Ситуация 4. Вы отвечаете на комментарий к Вашей фотографии в социальной сети. В комментарии содержится критика. Ваши действия:

Задание №3. *Представьте, что Вам адресуют следующие высказывания. Сформулируйте Ваш ответ:*

Ситуация 1. Вы можете формулировать мысль четко.

Ситуация 2. С какой целью был инициирован проект «Марс – 1»?

Ситуация 3. Человек разумный – вид рода Люди из семейства гоминид в отряде приматов, отличается значительной степенью развития материальной и нематериальной культуры, способностью к членораздельной речи и развитому абстрактному мышлению

Ситуация 4. Симптомы инфекционного мононуклеоза – катаральный трахеит, бронхит, мигрень, головокружения, боль в мышцах и суставах (чаще всего в результате лимфостаза), повышение температуры тела (как следствие – повышенное потоотделение).

Спасибо Вам за участие

Приложение 2. Образец электронной экспериментальной анкеты (скриншоты с сайта www.survio.com)

← → ↻ survio.com/survey/d/R1R6K8T6N7I0H9M2Y?preview=1 🔍 ☆ 🌐 ⚙️ 👤 ⋮

Экспериментальная анкета №1

1. Возраст*
Анкетные данные

Введите одно или несколько слов...

500

2. Пол*
Анкетные данные

Введите одно или несколько слов...

500

3. Уровень образования*
Анкетные данные

среднее

неполное высшее

высшее

другое

← → ↻ survio.com/survey/d/R1R6K8T6N7I0H9M2Y?preview=1 🔍 ☆ 🌐 ⚙️ 👤 ⋮

4. Ситуация 1. Вы обсуждаете с коллегами (сокурсниками) актуальную социальную проблему. Ваши точки зрения не совпадают.

Перечислите факторы, на которые Вы будете обращать внимание в следующих ситуациях. Распределите эти факторы в порядке значимости

↕ 1.

↕ 2.

↕ 3.

↕ 4.

↕ 5.

5. Ситуация 2. Вы просматриваете странички друзей в социальной сети (типа ВКонтакте или Фейсбук)

Перечислите факторы, на которые Вы будете обращать внимание в следующих ситуациях. Распределите эти факторы в порядке значимости

↕ 1.

↕ 2.

↕ 3.

↕ 4.

↕ 5.

6. Ситуация 3. Ваш научный руководитель рекомендовал Вас для участия в конференции в

← → ↻ survio.com/survey/d/R1R6K8T6N7I0H9M2Y?preview=1 🔍 ☆ 🌐 ⚙️ 👤 ⋮

7. Ситуация 1. К Вам обратился с вопросом мужчина на улице. Вы не расслышали вопрос. Ваши действия:*

Опишите Ваши действия в следующих ситуациях

Введите одно или несколько слов...

999

8. Ситуация 2. В метро Вас буквально внесли в переполненный вагон. Вы кого-то случайно задели рукой. Вам сделали замечание. Ваши действия*

Опишите Ваши действия в следующих ситуациях

Введите одно или несколько слов...

500

9. Ситуация 3. Вы общаетесь со знакомым/ой на остановке автобуса. Человек, также ожидающий автобус, слышит о чем Вы говорите и начинает участвовать в разговоре. Ваши действия*

Опишите Ваши действия в следующих ситуациях

Введите одно или несколько слов...

500

640

← → ↻ survio.com/survey/d/R1R6K8T6N7I0H9M2Y?preview=1 🔍 ☆ 🌐 ⚙️ 👤 ⋮

10. Ситуация 2. С какой целью был инициирован проект «Марс – 1»?*

Представьте, что Вам адресуют следующие высказывания. Сформулируйте Ваш ответ

Введите одно или несколько слов...

500

11. Ситуация 3. Человек разумный – вид рода Люди из семейства гоминид в отряде приматов, отличается значительной степенью развития материальной и нематериальной культуры, способностью к членораздельной речи и развитому абстрактному мышлению*

Представьте, что Вам адресуют следующие высказывания. Сформулируйте Ваш ответ

Введите одно или несколько слов...

500

12. Ситуация 4. Симптомы инфекционного мононуклеоза – катаральный трахеит, бронхит, мигрень, головокружения, боль в мышцах и суставах (чаще всего в результате лимфостаза), повышение температуры тела (как следствие – повышенное потоотделение)*

Представьте, что Вам адресуют следующие высказывания. Сформулируйте Ваш ответ

Введите одно или несколько слов...

611

Приложение 3. Фрагмент систематизации аккумулированных экспериментальных данных

Первый этап эксперимента
Фрагменты таблиц

Экспериментальная ситуация 1

№	пол	возраст	Ранг 1	Ранг 2	Ранг 3	Ранг 4	Ранг 5
1	жен	18	аргументированность позиций	информацию, представленную в интернете, других источниках	возможность нахождения компромиссной точки зрения		
2	жен	17	настроение сокурсника	доказательства сокурсника в защиту своей точки зрения	насколько для него важно оказаться правым		
3	жен	18	аргументы сокурсника	настроение (атмосфера)	является ли эта проблема дискуссионной или нет		
4	жен	18	факты	эмоциональность	аргументированность		
5	жен	22	аргументированность точки зрения оппонента	ее научная обоснованность	готовность противоположной стороны к компромиссу	особенности физиологических реакций оппонента	впечатление, производимое оппонентом на окружающих
6	жен	19	как ведут собеседники себя	доводы, почему они считают иначе			
7	жен	18	аргументированность позиции	интонация собеседника	взгляд выражающего несогласие		
8	жен	19	-				
9	жен	21	комфортная обстановка	учет мнений всех участников	учет моего личного мнения	мозговой штурм и попытки найти решение	спокойствие

10	жен	21	точка зрения коллег	аргументы коллег	достоверность аргументов	насколько коллеги разделяют мою точку зрения	аргументация против моей точки зрения
11	жен	21	опыт коллеги	учет моего мнения	их аргументы	обстановка	возраст коллег
12	жен	20	обстановка	учет личного мнения			
13	жен	20	подача мнения коллеги	обстановка	тема		
14	жен	19	нужно взвесить все «за» и «против»				
15	жен	20	-				
16	жен	20	мое желание спорить об этой проблеме	важность проблемы	отношения с коллегами		
17	жен	20	возраст	активность участия в разговоре	аргументация	тон в разговоре	желание найти компромисс
18	жен	20	социальный статус этих людей	настрой	возраст	национальность	религия
19	жен	19	возраст	образование	пол	национальность	религия
20	жен	21	изначально нужно знать, необходимо ли нам прийти к согласию для какой-либо дальнейшей деятельности или это просто обсуждение, которое не влечет за собой никаких последствий	личность человека, высказывающего мнение, противоположное моему	его опыт в этой сфере	то, как он преподносит свое мнение	как он реагирует на мнение противоположное
21	жен	24	важность проблемы	возможность высказать свою точку зрения	уважение к собеседнику	плюрализм	время и место обсуждения

22	жен	20	обоснованность точки зрения	логичность	интересы (намерения) говорящего	эмоциональный настрой	готовность пересмотреть свои взгляды
23	жен	19	насколько остра проблема	хочу ли я переубедить коллег			
24	жен	18	аргументы	личное восприятие	факты		
25	жен	21	логичность	объективность	эмоциональность	факты	личная заинтересованность

Экспериментальная ситуация 2

№	пол	возраст	Ранг 1	Ранг 2	Ранг 3	Ранг 4	Ранг 5
1	жен	18	дата, время последнего посещения страницы	новая информация	общие друзья		
2	жен	17	фотографии	музыка	список друзей		
3	жен	18	фотография в профиле	количество доступной личной информации	количество друзей	список групп, которыми он интересуется	
4	жен	18	фото в профиле	увлечения	аудиозаписи	город	возраст
5	жен	22	отсутствие призывов к экстремизму	взгляды на различные сферы жизни	толерантность	отсутствие сообщений о ксенофобии	род деятельности (превалирующий и сопутствующий)
6	жен	19	фотографии	информация о себе	записи на стене	аудиозаписи	
7	жен	18	фотографии	чем увлекается в свободное время	образование	заметки	
8	жен	19	возраст	фотография на аватарке	аудиозаписи	записи на стене	общие друзья
9	жен	21	приятное оформление профиля (аватарка, например)	содержимое страницы / микроблога	грамотность и общий уровень интеллекта	аудио и видео	список сообществ

10	жен	21	фото	статус	информация «о себе»	стена	музыка
11	жен	21	фотографии	сообщества	статус	видеоматериалы	музыкальные предпочтения
12	жен	20	фото	личная информация	аудиозаписи	видеозаписи	личные записи
13	жен	20	смотрю аватар	количество друзей	сохраненные фото	посты	
14	жен	19	грамотность	фотографии	записи на стене	наличие общих друзей	интересы
15	жен	20	общие друзья	музыка	фото	возраст	интересы
16	жен	20	фотографии	аудиозаписи	записи на стене	друзья друзей	семейное положение
17	жен	20	фотография	посты	информация	место учебы / работы	видео
18	жен	20	возраст	фото (качество)	внешность	информация	национальность
19	жен	19	внешность (фото)	возраст	статус	место работы	увлечения
20	жен	21	фотографии (профиля и в альбомах)	какие записи на стенах	на какие группы подписан	добавленные аудио и видеозаписи	
21	жен	24	актуальные новости по учебе (узнать, передать группе)	у кого день рождения (поздравить)	интересные мероприятия, приглашения	участие в группах по интересам (например, группа изучающих испанский)	фотографии
22	жен	20	характер записей на стене	их количество и частотность добавления	аудиозаписи	группы	фотографии
23	жен	19	насколько близок друг	это друзья моих друзей	интересная информация на странице	нравятся фотографии	нравятся аудиозаписи / видеозаписи
24	жен	18	фотографии	новые записи на стене			
25	жен	21	фотографии	музыка	интересы	сообщения на стене	стиль общения в комментариях

Экспериментальная ситуация 3

№	пол	возраст	Ранг 1	Ранг 2	Ранг 3	Ранг 4	Ранг 5
1	жен	18	проверю, все ли подготовлено для выступления	подготовлю вступительную речь	продумаю внешний вид	продумаю возможные вопросы, которые могут задать после прослушивания доклада	
2	жен	17	насколько важно для руководителя, чтобы я хорошо выступила				
3	жен	18	уровень моей подготовки	уровень, требуемый на конференции	конкуренты	надежды преподавателя на меня	
4	жен	18	прочитаю несколько раз	выделю фломастером	выучу	красиво распечатать	возьму папку для выступления
5	жен	22	степень готовности доклада	количество и имена присутствующих	собственное физическое и моральное состояние	наличие конкурирующих докладов	наличие списка дел, необходимых для выступления
6	жен	19	самочувствие	уверенность в своих знаниях	сон		
7	жен	18	содержание доклада	качество речи	уверенность, твердость голоса	внешний вид	
8	жен	19	-				
9	жен	21	сильное волнение	попытки успокоиться	повторение доклада и репетиция	удостовериться, что с технической стороны (презентация, хэндаут) все получится	собрать все необходимое
10	жен	21	готовые материалы	собранные вещи	комфортная обстановка	хорошее самочувствие	хороший сон

11	жен	21	готовность доклада	уверенность при ответе	ответы на возможные вопросы	опрятный внешний вид	подготовлена визуальная опора (презентация)
12	жен	20	обстановка	компания	сроки	награждения	
13	жен	20	наработки	речь	материал	handout	презентация
14	жен	19	-				
15	жен	20	готовность к докладу	презентация	хэндаут		
16	жен	20	готовность речи и презентации	умение отвечать на вопросы по выступлению	внешний вид		
17	жен	20	готовность	одежда	речь	презентация	хэндаут
18	жен	20	готовность	внешний вид	речь	презентация	волнение
19	жен	19	готовность	дресс-код	речь	презентаций	хэндаут
20	жен	21	степень моей готовности	что я надену на конференцию	кто будет там присутствовать		
21	жен	24	текст доклада	презентация	работа над подачей материала	репетиция выступления	продумывание возможных дополнительных вопросов
22	жен	20	точность представляемой информации	содержательность	структурированность	объем	знание вопроса
23	жен	19	знание своей темы доклада	зазубривание речи	уделю внимание внешнему виду	выпью успокоительное	подготовлю дополнительные материалы
24	жен	18	внешний вид	подготовленность	наличие презентации	аргументы	
25	жен	21	проверить, все ли собрала	перечитать речь	мысленно проговорить трудные места	заведены ли будильники	готова ли одежда

Экспериментальная ситуация 4

№	пол	возраст	Ранг 1	Ранг 2	Ранг 3	Ранг 4	Ранг 5
1	жен	18	сделаю вид, что не слышу (если возможно)	вежливо отвечу, попытаюсь закончить разговор	уйду, пересяду на другое место (если возможно)	пожалуюсь на усталость, попытаюсь заснуть	скажу, что готовлюсь к важной работе, продолжу заниматься (читать книгу)
2	жен	17	пол	возраст			
3	жен	18	с какой целью сосед начинает беседу	пол / возраст	внешний вид		
4	жен	18	лицо (выражение)	руки	манера речи, эмоциональность		
5	жен	22	адекватность его изречений	его способность воспринимать информацию	отсутствие ярких признаков психических заболеваний	вовлеченность в состояние невроза	враждебность (отсутствие ее) по отношению к окружающим
6	жен	19	темы для разговора	манера говорить	чистоплотность		
7	жен	18	задаваемые вопросы	возраст соседа в поезде / самолете	окружающая обстановка		
8	жен	19	манера разговора	жесты	взгляд		
9	жен	21	его внешность и одежда	манера общения	запах	ногти	(не) навязчивость
10	жен	21	адекватное / неадекватное состояние	пол	возраст	откуда он	на каком языке говорит
11	жен	21	пол	возраст	возможные намерения	вид человека (внешний вид)	обоснованность разговора
12	жен	20	время поездки	близость общения	настроение		
13	жен	20	смотрю в глаза	как одет	кто рядом		
14	жен	19	внешность	речь	чувство юмора		
15	жен	20	адекватность	внешность	возраст	намерения	

16	жен	20	то, о чем сосед будет разговаривать	зачем	тип личности человека		
17	жен	20	возраст	дружелюбность	внешность	национальность	интерес
18	жен	20	национальность	возраст	внешний вид	дружелюбность - настрой	интересность - тема
19	жен	19	образование	возраст	пол	статус	религия
20	жен	21	что именно он говорит	с какой интонацией	его мимика и жесты в этот момент		
21	жен	24	суть разговора	настроение для общения	интеллект собеседника	язык, на котором говорит собеседник	время
22	жен	20	вежливость	содержательность высказываний	манера речи	мотив	внешний вид
23	жен	19	внешний вид соседа	о чем говорит сосед	занята ли я	насколько мне скучно	
24	жен	18	внешний вид	стиль одежды	вещи, которые он взял с собой		
25	жен	21	безопасность человека для меня	опрятность	искренность	эмоциональность	уровень шума

Второй этап эксперимента

Фрагмент таблицы

№	пол	возраст	Экспериментальная ситуация 1	Экспериментальная ситуация 2	Экспериментальная ситуация 3	Экспериментальная ситуация 4
1	жен	44	Если сильно спешу – пройду не останавливаясь, если знаю ответ на вопрос и не спешу – остановлюсь и отвечу, объясню, если надо. Переспрошу, уточню и т.п.	Если я виновата – извиняюсь. Но в данном случае... Как правило, раньше отвечала что-то в оправдание типа я не виновата, все толкаются и т.п. В последнее время – просто не отвечаю таким скандальным и вредным людям.	Я вполне терпима к такого рода вмешательствам. Просто выслушаю, но вступать в «прения» и дальнейший разговор с посторонним человеком не стану, или дам понять человеку, что его мнение больше не требуется	Не люблю критику... Как правило, люди часто завидуют, поэтому и критикуют. Или им просто делать нечего и хочется поговорить. Критика в данном случае – один из способов вызвать на ответное действие и продолжить общение
2	жен	43	Переспрошу	Принесу извинения	Поддержу разговор втроем	Удалю комментарий
3	жен	43	Переспрошу, если могу ответить – отвечу	Извинюсь	Зависит от человека, который пытается поучаствовать и от темы нашего разговора	Не буду отвечать (проигнорирую)
4	жен	42	Переспрошу	Извинюсь	Проигнорирую, если беседа будет личного характера	Под моими фотографиями никто не может оставить свой комментарий (выключила эту функцию)
5	жен	41	Переспрошу еще раз. Если еще раз не расслышу, скажу, что мне некогда	Извинюсь	Выслушаю, но тактичным недоумением	Если это критика друга – приму или посмеюсь. Если незнакомый человек, удалю комментарий
6	жен	40	Переспрошу	Извинюсь, если не права	Скажу, что это бестактность	Конструктивно воспринять

7	жен	40	Переспросить, уточнить, если речь идет не о странном мужчине, неловко уйти	Говорю: простите, пожалуйста. Если говорят грубо, то могу вспылить	Если реплика подходила к ситуации и была в тему, выслушать его. Если неадекватно говорит, то сдержанно отреагирую, тем самым показав нежелание дальнейшего общения	Отвечу что-то в шутиливой форме – не покажу обиду, но в шутке выражу свое мнение по этому поводу
8	жен	58	Спрошу: «Что вы хотели?»	Скажу «Извините» с ироничной интонацией	Проигнорирую, постараюсь не обращать внимание	Без комментариев, не буду отвечать
9	жен	60	Переспрошу и постараюсь помочь	Извинюсь	Послушаю незнакомого, но недолго	Отшучусь и расстроюсь
10	жен	63	Если это не вечер на пустынной улице, то переспрошу его. В другой ситуации пройду молча мимо	Я, конечно же, извинюсь	Если разговор наш был «не о чем», то буду не против его участия. Если обсуждалось что-то касающееся нас, то постараюсь никак не реагировать на его участие	Если критика от близкого человека (друга), то попрошу пояснить конкретнее, что вызвало эту критику. Либо ...
11	муж	50	Уточню, в чем вопрос	Извинюсь	Промолчу	Отвечу на критику достойно
12	муж	43	Переспрошу	Извинюсь	Выскажу свое недовольство по поводу его вмешательства в чужой разговор	Отшучусь
13	муж	56	Попрошу повторить	Проигнорирую	Если тема личная, то «пошлю», если деловая, см. ситуацию 1	Предложу сделать лучше

14	муж	54	Уточнить предполагаемую информацию и постараться по возможности помочь	Извиниться и найти свободное место	Остановить данного человека и продолжить обсуждение	Если критика продуктивна, то прислушаться, если нет, то на придавать значения
15	муж	44	Попрошу повторить вопрос	Извинюсь	Не обращаю внимание, проигнорирую	Не зарегистрирован в социальных сетях
16	муж	49	Переспрошу	Пардон	Пардон	Не участвую
17	муж	21	Извинюсь, что не расслышал и переспрошу	Извинюсь или проигнорирую замечание	Все зависит от степени адекватности человека. Неадекватный: проигнорирую или дам понять, что влезть в чужой разговор бестактно. Если человек адекватный, оказался интересным собеседником, можно и поговорить	Отнесусь к критике с пониманием и уважением и удалю сообщение
18	муж	19	Обратить внимание на мужчину, поздороваться и попросить повторить его вопрос. В любом случае попытаться помочь ему, даже если не знаешь точного ответа на вопрос	Извиниться за это и если человек жаждет объяснений, то попытаться рассказать ему, что это было случайностью	-	-
19	муж	18	Извиниться и попросить повторить вопрос	Либо не обратить внимание, либо ответить на замечание замечанием	Если вопрос на личную тему, то попросить человека не участвовать в беседе. Если на общую тему и если собеседник имеет интересную точку зрения, то общаться с ним	Удалить комментарий, или принять критику, или ответить

20	муж	18	Переспрошу, постараюсь помочь, в случае если я бессилён, подскажу, где ему смогут помочь те или иные источники	Скажу «Ну, извините, по-другому никак». Далее постараюсь не трогать этого человека.	Закончить разговор, отойти в сторону / спросить, что у человека случилось	Согласиться и перевести в шутку
----	-----	----	--	---	---	---------------------------------

Третий этап эксперимента
Фрагмент таблицы

№	пол	возраст	Экспериментальная ситуация 1	Экспериментальная ситуация 2	Экспериментальная ситуация 3	Экспериментальная ситуация 4
1	жен	44	Спасибо. Стараюсь. Это качество важно в моей работе	Честно? Не знаю. Наверно для каких-то исследований на Марсе	И что? Хотите сбить с толку терминологией? Смысл понятен. Согласна. Что такое «гоминид»? Гуманоид – знаю, а гоминид – не слышала	Сейчас много инфекций «бродит»! Надо применять меры профилактики, как при воздушно-капельном способе переноса инфекций
2	жен	43	Ну и хорошо	Не знаю	Я не специалист в этой области, такие разговоры не ко мне	Я не врач
3	жен	43	Не всегда	Для исследования поверхности Марса	Очень полезная информация	Согласна
4	жен	42	Благодарю	Для достижения конечной цели, которую мы обсуждали ранее	Очень познавательно, вспомнила уроки биологии	К чему это? Надеюсь, это не мой диагноз
5	жен	41	Я и так достаточно четко высказываюсь, что вам не понятно	Изучение планеты Марс	Это наши предки	Я слышала про это заболевание, интересно узнать про него еще что-нибудь
6	жен	40	Молчание	А что это?	?	?

7	жен	40	Ну, стараемся по мере сил (полушутливо)	Вот этого я точно не помню – не имею отношения к космической сфере	Я не согласна с этим. Человек – создание Божие, не имеющее никакого отношения к животному миру в общем и к обезьянам, в частности	Для человека, не имеющего медицинского образования, непонятно, о какой болезни идет речь и что требуется от человека, которому говорят об этой болезни
8	жен	58	Да, но не всегда	С целью поддержать космическую промышленность, показать, что не совсем умерла	Пожалуй, но это еще не все	А голова где?
9	жен	60	Не всегда	Понятия не имею	Не согласна	Не знаю
10	жен	63	Да, могу четко формулировать мысль, когда этого требует ситуация. В других ситуациях люблю «полить водичку»	Это частный проект, созданный с целью осуществить первый полет к Марсу и создать первые поселения на Марсе	Определение Homo sapiens – человек разумный у меня вызывает все большее сомнение, ибо поведение людей в последнее время все больше не соответствует данному определению	Предупреждение Минздрава о том, что нужно опасаться вирусных заболеваний?
11	муж	50	Это были детали, а сейчас еще раз выжимка...	Данная программа была инициирована в связи с необходимостью продолжить исследование Марса, применяя качественно новые методики и технологии по изучению месторождений на планете, водных	Хорошо, так о чем мы говорили?	Думаю, что это сейчас очень актуально в связи с распространением различного рода заболеваний, угрожающих человечеству, которые необходимо остановить

				ресурсов, состава воздушной оболочки		
12	муж	43	Не всегда	Не знаю	Согласен	Не знаю
13	муж	56	Да	Не знаю	Это не соответствует действительности	Это не соответствует действительности
14	муж	54	Да	Проект освоения соседних планет и галактик	Обладают неконтролируемыми эмоциями (жестокость, любовь и т.д.) Используют возможности своего мозга лишь на 7%	Необходимо лечиться. Хотя бы обратиться к врачу
15	муж	44	Спасибо	Не знаю	Я над за человека разумного	Меня это не интересует
16	муж	49	Пардон, до свидания	Не в курсе дела	Ай донт андерстенд	Согласен
17	муж	18	Я знаю	С целью познания космического пространства, для открытий в области науки, что помогает развить человечество	Нет, человек – создание Бога, созданное по Его подобию	И как мне вылечиться?
18	муж	18	Да, это так	С такой же, с какой был инициирован проект «измерение скорости полета кузнечика»	Очень хорошо, но Ваш подход «слегка» не вариативен	К сожалению, я не обладаю достаточными знаниями в этой области
19	муж	17	Благодарю, очень ценная похвала	Станция, предназначенная для исследования поверхности и пространства вокруг Марса	Человек разумный относится к подотряду человекообразных обезьян	Надеюсь, что эта болезнь настигнет ни меня, ни моих близких
20	муж	18	Спасибо, тут главное лаконичность	К сожалению, космические проекты не	Спасибо за такой подробный рассказ об	Обилие терминов и ничтожные медицинские

				входят в круг моих интересов	отличиях homo sapiens от животных	знания не позволяют мне, товарищ говорящий, воспринять эту информацию. Не могли бы Вы для меня упростить все это?
--	--	--	--	---------------------------------	--------------------------------------	--